3-й экз.

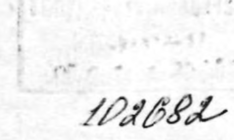
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИЗВЕСТИЯ ЦК КПСС

Информационный ежемесячный журнал

8 (307) август 1990

ИЗДАВАЛИСЬ В 1919-29 гг. ВОЗОБНОВЛЕНЫ В 1989 г.

102682

Редакционный совет журнала:

В. А. ИВАШКО, заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС

Б. К. ПУГО, Председатель ЦКК КПСС

А. С. ДЗАСОХОВ, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

О. С. ШЕНИН, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

Г. И. ЯНАЕВ, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

В. И. БОЛДИН, член ЦК КПСС, заведующий Общим отделом ЦК КПСС

Н. Е. КРУЧИНА, член ЦК КПСС, управляющий делами ЦК КПСС

Г. Л. СМИРНОВ, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

XXVIII СЪЕЗД КПСС: ДОКУМЕНТЫ и МАТЕРИАЛЫ

ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ «ИЗВЕСТИЙ ЦК КПСС»

ПОЧТА ЦК КПСС

ИЗ АРХИВОВ ПАРТИИ

© «Известия ЦК КПСС», 1990.

ПЛАТФОРМА «СОЮЗА МАРКСИСТОВ-ЛЕНИНЦЕВ» («ГРУППА РЮТИНА»)

По многочисленным просьбам читателей «Известия ЦК КПСС» начинают публикацию платформы «Союза марксистов-ленинцев» «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», известной также под названием «платформы Рютина». Непосредственным автором платформы был Мартемьян Никитич Рютин (1890—1937) *, бывший первый секретарь Краснопресненского райкома ВКП(б) г. Москвы, исключенный в 1930 г. из партии «за пропаганду правооппортунистских взглядов».

В марте 1932 г. им были подготовлены проекты двух документов: платформы под названием «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и обращения «Ко всем членам ВКП(б)» **. В редактировании этих материалов приняли участие старые большевики — В. Н. Каюров, руководитель плановой группы Центрархива, и М. С. Иванов, руководитель группы Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. Платформа и обращение были обсуждены и приняты за основу на подпольной встрече участников «Союза марксистов-ленинцев» 21 августа 1932 г. в деревне Головино под Москвой, на частной квартире члена партии П. А. Сильченко. Утвержденные документы были переданы на окончательное редактирование комитету, избранному на этом совещании в следующем составе: М. С. Иванов (секретарь), В. Н. Каюров, П. А. Галкин, директор 26-й типографии Мосполиграфа, В. И. Демидов, начальник административно-хозяйственного отдела Московского автозавода, П. П. Федоров, профессор Московского торфяного института (члены комитета). Сам М. Н. Рютин, по его просьбе, в состав комитета не вошел, как беспартийный и по соображениям конспирации.

На втором заседании комитета, проходившем на квартире М. С. Иванова, было принято решение распространять документы среди членов партии путем личных контактов и рассылки почтой.

В сентябре 1932 г. начались аресты лиц, имевших какое-либо отношение к деятельности или материалам «Союза». Они были исключены из партии как «члены и пособники контрреволюционной группы Рютина — Иванова — Галкина» и осуждены на различные сроки тюремного заключения и ссылки. М. Н. Рютин был приговорен к 10 годам тюрьмы. 10 января 1937 г. военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания, и в тот же день М. Н. Рютин был расстрелян.

Платформа «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» печатается по машинописной копии, сделанной сотрудниками ОГПУ с экземпляров, изъятых при арестах, а также при обыске на квартире П. А. Сильченко 15 октября 1932 г. Оригинал документа не обнаружен, из-за чего невозможно установить полную идентичность публикуемого текста первоисточнику. Известно, что копии платформы ходили по рукам в московской и харьковской партийных организациях. Не исключено, что их текст дописывали и редактировали.

Публикуемый экземпляр платформы представляет собой 194 страницы машинописного текста, разделенного на озаглавленные части. Ниже публикуются первые две части этого документа. Продолжение — в следующих номерах журнала.

СТАЛИН И КРИЗИС ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

1. «Случайность» и роль личности в истории.

Маркс в своем письме к Кугельману говорит: «История имела*** бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, [и] сами составной частью в об-

---

* Биографический очерк о М. Н. Рютине см.: «Известия ЦК КПСС», 1990, № 3, с. 150—162, см. также «О деле так называемого «союза марксистов-ленинцев».— «Известия ЦК КПСС», 1989, № 6, с. 103—115. Ред.

** Обращение «Ко всем членам ВКП(б)» опубликовано в журнале «Юность», 1988, № 11. Ред.

*** В тексте 2-го издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса вместо слова «имела» стоит слово «носила». Ред.

щий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависит от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения» [1].

В наших условиях такая случайность, как характер человека, стоящего во главе движения, во главе партии и рабочего класса,— характер Сталина, играет поистине роковую роль. В условиях пролетарской диктатуры, сосредоточившей в своих руках все рычаги экономики, обладающей аппаратом, в десятки раз более мощным и разветвленным, чем аппарат любого буржуазного государства, в условиях безраздельного господства в стране одной партии и гигантской централизации всего партийного руководства — роль генсека огромна. Его личные качества приобретают исключительное политическое значение.

Именно поэтому Ленин в своем «Завещании» [2] придавал такое исключительное значение личным качествам генсека, именно поэтому Ленин, зная личные качества Сталина, настойчиво в своем «Завещании» подчеркивал необходимость снятия Сталина с поста генсека и замены его более подходящим для этой роли лицом.

Ленин в своем «Завещании» писал:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и [в] общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от т[ов]. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.» [3].

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью» [4],— говорит далее Ленин.

Сталин, комментируя «Завещание», по обыкновению с помощью софизма, сводит все дело к грубости, отвлекая внимание от других своих качеств, о которых Ленин говорил. Между тем именно эти качества и имеют решающее значение.

Ленин сомневался, что Сталин сумеет достаточно осторожно пользоваться необъятной властью генсека. Ленин требовал, чтобы генсек был более «лоялен». Значит, Сталин и тогда уже был недостаточно лоялен. А лояльный — значит верный, преданный, честно выполняющий свои «обязанности».

Сталин недостаточно верен интересам партии, недостаточно предан, недостаточно честно выполняет свои обязанности. Именно в этом суть характеристики, данной Лениным Сталину. И если эти свои «качества» Сталин при Ленине скрывал, маскировал, подавлял, то после Ленина он дал им полную волю. Если при Ленине Сталин был недостаточно лояльным, верным интересам партии, честно выполняющим свои обязанности, то теперь он стал подлинным предателем партии, отбросившим в сторону партийную порядочность и честность, все подчинив интересам своего честолюбия и властолюбия.

Далее Ленин отмечает нетерпимость Сталина к мнениям других. Это качество в соединении с первым — нелояльностью, нечестностью — привело к тому, что он, не терпя около себя людей самостоятельного, независимого партийного мнения, людей духовно, идейно, теоретически стоящих выше его, опираясь на партаппарат и ГПУ, вышиб их с руководящих постов, оклеветал, раздул их прошлые ошибки и «изобрел» десятки новых, обманул партию, терроризировал партийные массы и на место опороченных им руководителей партии поставил людей ограниченных в теоретическом отношении, невежественных и беспринципных, но ручных, покорных холуев и льстецов, готовых «признать» любую его «теорию» за ленинскую, любую его антиленинскую статью за «историческую».

Что касается вежливости Сталина по отношению к товарищам, чего требовал от генсека Ленин, то образцом может служить его «историческое» письмо в «Пролетарскую революцию» [5] о Слуцком [6] и Волосевиче [7], где сила доказательства обратно пропорциональна силе окрика зазнавшегося, зарвавшегося, обнаглевшего вождя, чувствующего себя в партии и стране, как в своей вотчине, где он волен казнить и миловать всякого.

2. Сталин, как беспринципный политикан.

В теоретическом отношении Сталин показал себя за последние годы полнейшим ничтожеством, но как интриган и политический комбинатор он обнаружил блестящие «таланты». После смерти Ленина он наглел с каждым годом.

Сначала осторожно, а потом все смелее сбрасывая с себя маску «скромного» старого большевика, которого партия «заставила» нести тяжелое бремя генсека, он все более явно проявлял стремление пробраться в пантеон великих людей, не брезгуя никакими средствами. Уже свой пятидесятилетний юбилей он превратил в настоящее «коронование на царство». Тысячи самых подлых, гнусных, холуйски-раболепных резолюций, приветствий от «масс», состряпанных вымуштрованным партийным, профсоюзным и советским аппаратом, адресованных «дорогому вождю», «лучшему ученику Ленина», «гениальному теоретику»; десятки статей в «Правде», в которых многие авторы объявляли себя учениками Сталина, как, напр., Ворошилов, провозглашая Сталина крупнейшим теоретиком и т. д.,— таков основной фон юбилея. У всякого большевика, не потерявшего еще окончательно стыд и не позабывшего старых партийных традиций, вся эта комедия «коронования» вызывала чувство отвращения и стыда за партию.

Наконец, «историческая» статья Сталина в «Пролетарской революции» [5] окончательно и со всем цинизмом обнаруживает его истинные намерения. Переделать историю так, чтобы Сталин занял в ней «подобающее» ему место великого человека,— вот сокровенный смысл статьи Сталина. Теперь, через 15 лет пролетарской диктатуры, все учебники по истории партии оказались негодными, содержащими «троцкистскую контрабанду».

Отныне историю партии будут писать, вернее фабриковать заново. Ярославский на Московской областной партконференции в своей покаянной речи открыто и цинично выболтал «секрет». Он заявил: «Должен подчеркнуть, что в некоторых учебниках по истории партии, в первую очередь, это относится ко мне, роль тов. Сталина в развитии большевизма, особенно в довоенные годы, освещена недостаточно». Вот где корни всех криков о «троцкистской контрабанде», о клевете на партию, о гнилом либерализме и пр. Ларчик открывается просто! Фальсифицировать историю партии под флагом ее защиты, раздуть одни факты, умолчать о других, состряпать третьи, посредственность возвести на пьедестал «исторической фигуры» — вот в чем будет заключаться суть переработки учебников по истории партии. Отныне Емельян Ярославский окончательно превращается в Емельяна Иловайского [8]. И эти люди, не краснея, заявляют, что история партии должна быть освещена объективно.

Сталин, несомненно, войдет в историю, но его «знаменитость» будет знаменитостью Герострата. Ограниченный и хитрый, властолюбивый и мстительный, вероломный и завистливый, лицемерный и наглый, хвастливый и упрямый,— Хлестаков и Аракчеев, Нерон и граф Калиостро — такова идейно-политическая и духовная физиономия Сталина.

Теперь всякому совершенно ясно, что свое «18 брюмера» [9] Сталин задумал произвести уже в 1924—25 годах. Как Луи Бонапарт клялся перед палатой в верности конституции и одновременно подготовлял провозглашение себя императором, так и Сталин в борьбе с Троцким, а потом

и с Зиновьевым и Каменевым заявлял, что он борется за коллективное руководство партии, что «руководить партией вне коллегии нельзя», что «руководить партией без Рыкова, Бухарина, Томского невозможно», что «крови Бухарина мы вам не дадим», что «политика отсечения противна нам» [10] — и одновременно подготовлял «бескровное» 18 брюмера, производя отсечение одной группы за другой и подбирая в аппарат ЦК и в секретари губкомов и обкомов лично верных ему людей.

Если во время государственного переворота Луи Бонапарта население Парижа в течение нескольких дней слышало грохот пушек, то во время государственного переворота Иосифа Сталина партия в течение нескольких лет слышит «пальбу» клеветы и обмана. Результатов Сталин, как и Луи Бонапарт, добился: переворот свершен, личная диктатура, самая неприкрытая, обманная, осуществлена.

Основная когорта соратников Ленина с руководящих постов снята, и одна часть ее сидит по тюрьмам и ссылкам, другая, капитулировавшая, деморализованная и оплеванная,— влачит жалкое существование в рядах партии, третьи, окончательно разложившиеся,— превратились в верных слуг «вождя»-диктатора.

За последние 4—5 лет Сталин побил все рекорды политического лицемерия и беспринципного политиканства. Даже буржуазные политики с таким бесстыдством не меняют свои принципы, как это проделывает Сталин.

В чем сущность беспринципного политиканства? В том, что по одному вопросу сегодня придерживаются одних убеждений, а назавтра (при той же обстановке и условиях или при изменившихся, но не оправдывающих в действительности такого изменения политического поведения,— в интересах отдельного лица или клики) — прямо противоположных. Сегодня доказывается одно, а назавтра по тому же вопросу, при тех же условиях — другое. При этом беспринципный политикан и в том и в другом случае считает себя правым и последовательным. Он спекулирует на том, что массы сегодня часто забывают о том, что им говорилось и обещалось вчера, а назавтра забудут то, что им говорилось сегодня. Если же массы замечают трюк, то беспринципный политикан свой переход на другую точку зрения старается обосновать тем, что теперь якобы политическая и экономическая обстановка, соотношение классовых сил радикально изменились, и поэтому нужны другая политика, тактика, стратегия и пр.

Марксист-ленинец изменение политики, тактики и стратегии выводит из действительного изменения социально-экономической обстановки и соотношения классовых сил. Беспринципный политикан, если даже он и прикрывает свое беспринципное политиканство марксистско-ленинской фразеологией,— наоборот, изменению своего личного поведения или поведения клики, группы, партии подчиняет анализ и освещение социально-классовой обстановки. Таков Каутский [11], такова вся клика вождей и теоретиков 2-го Интернационала, таковы «теоретики» различных «левых» групп и группочек, таков и Сталин. «Методологическая» сущность беспринципности и там и тут одна и та же.

Для иллюстрации лицемерия и беспринципного политиканства Сталина можно было бы привести тысячи фактов, ибо его руководство за последние годы превратилось в сплошное беспринципное политиканство и надувательство масс, но мы ограничимся лишь самыми яркими и самыми крупными фактами.

1. Сталин обвинял «троцкистов» в том, что они требовали:

а) усиления темпов индустриализации; б) усиления борьбы с кулаком; в) введения чрезвычайного налога на кулаков; г) повышения цен и д) изъятия 1500 миллионов рублей из кооперации.

«Троцкистов» он объявил контрреволюционерами, а «троцкизм» — социал-демократическим уклоном. Однако сразу же после 15 съезда [12], решения которого целиком были направлены против «троцкистов», когда

он решил после «троцкистов» расправиться с «правыми» и когда он увидел, что бить Бухарина и его группу справа тактически было невыгодно, он в области индустриализации и политики в деревне стал проводить прямо противоположную решениям съезда политику.

Обворовав до нитки Троцкого и его группу, Сталин утверждает, что его сверхиндустриализация, нажим не только на кулака, но и на середняка, чрезвычайный налог, изъятие полутора миллиардов рублей из кооперации, а в дальнейшем и повышение цен, карточки, очереди — все это нечто совсем иное, чем предложения «троцкистов». Для этого ему, однако, пришлось все перевернуть и поставить на голову: то, что раньше называл он в области индустриализации и политики в деревне ленинизмом,— объявил правым оппортунизмом, а что раньше объявлял троцкизмом — теперь назвал ленинизмом.

2. Специально о темпах в реконструктивный период[13] Сталин на 14 съезде говорил: «Основное в промышленности состоит в том, что она уже подошла к пределу довоенных цен*, что дальнейшие шаги в промышленности означают развертывание ее на новой технической базе, т. е. новое оборудование, новое строительство заводов**. Это дело очень трудное. Перешагнуть через [этот] порог, перейти от политики максимального использования всего того, что было у нас в промышленности, к политике построения новой промышленности на новой технической базе, базе нового строительства заводов, переход через этот порог требует больших капиталов. Но так как недостаток капиталов у нас значительный, то в дальнейшем развитие нашей промышленности будет итти, по всей вероятности, не таким быстрым темпом, каким оно шло до сих пор»[14].

Итак, Сталин здесь явно говорит о замедлении темпов в реконструктивный период. Его взгляды, высказанные в приведенной цитате, бесспорно, правильны, но пусть кто-нибудь осмелился бы их высказать в 1930—31 гг.? По директиве того же Сталина с 1928 г. всякие разговоры о замедлении темпов в реконструктивный период объявляются буржуазными, вредительскими и т. д. Однако одно из двух — или Сталин ошибался на 14-м съезде, или он ошибся в дальнейшем со своей новой теорией нарастания темпов. Но Сталин молчит теперь и о старой, и о новой «теории».

3. На октябрьском Пленуме ЦК и ЦКК в 1927 г. Сталин говорил: «А что такое умиротворение деревни? Это есть одно из основных условий для строительства социализма. Нельзя строить социализм, имея бандитские выступления и восстания среди крестьян»[15]. Но уже в июле 1928 г. Сталин выдвигает совершенно противоположную «теорию» и заявляет: «По мере нашего продвижения вперед по пути к социализму*** сопротивление капиталистических элементов будет возрастать и классовая борьба будет обостряться»[16]. В 1927 г., по его мнению, нельзя было строить социализм, потому что мы в стране имели бандитские восстания****, а в Грузии — даже восстания[17]. А в 1929—30—31 годах мы имели сотни восстаний, среди которых многие более крупные, чем грузинские, и все это оказывается закономерным результатом «гигантских успехов в строительстве социализма», и чем дальше мы будем продвигаться вперед по пути к социализму, тем больше будет таких восстаний в деревне, ибо тем больше «будет обостряться классовая борьба». Тогда «умиротворение» деревни было «одним из основных условий для строительства социализма», а теперь обострение классовой борьбы в деревне, разжигание этой борьбы является одним из основных условий для этого строительства.

4. В той же речи на октябрьском Пленуме Сталин заявил: «На XIV съезде

* В тексте Сочинений И. В. Сталина вместо слова «цен» стоит слово «норм». Ред.

** В тексте Сочинений И. В. Сталина вместо слов «т. е. новое оборудование, новое строительство заводов» стоят слова «с использованием нового оборудования и разворотом нового строительства заводов». Ред.

*** В тексте Сочинений И. В. Сталина слова «по пути к социализму» отсутствуют. Ред.

**** Так в документе. Видимо, описка. Правильно: «выступления». Ред.

нашей партии оппозиция, во главе с Зиновьевым и Каменевым, попыталась подорвать этот маневр партии, предлагая заменить его*, по сути дела, политикой раскулачивания, политикой восстановления комбедов. Это была, по сути дела, политика восстановления гражданской войны в деревне»[18]. Однако через два года он сам выдвинул лозунг раскулачивания, ликвидации кулачества как класса, организовал в деревне грандиозную гражданскую войну, перед которой бледнеет вся политика комбедов, продразверстки и восстаний в деревне в период военного коммунизма, и при этом он остается «последовательным ленинцем».

5. Специально по вопросу о разжигании классовой борьбы в деревне Сталин говорил раньше также прямо противоположное тому, что делает в настоящее время. В своих «Вопросах и ответах» в Свердловском университете в 1925 году, когда ему не приходилось еще так лгать, как это он делает теперь, Сталин говорил: «Следует ли из этого, что мы должны разжечь классовую борьбу на этом фронте? Нет, не следует. Наоборот! Из этого следует лишь то, что мы должны всячески умерять борьбу на этом *фронте, регулируя ее в порядке соглашений и взаимных уступок и ни* в коем случае не доводя ее «до резких форм, до столкновений». И даже специально о борьбе с кулачеством он подчеркнул: «Может показаться, что лозунг разжигания классовой борьбы вполне применим к условиям борьбы на этом фронте. Но это неверно, совершенно неверно**. Ибо мы здесь также не заинтересованы в разжигании классовой борьбы. Ибо мы вполне можем и должны обойтись здесь без разжигания борьбы и связанных с ней осложнений»[19].

Итак, в 1925 г. Сталин заявляет, что мы «вполне можем и должны обойтись без разжигания классовой борьбы» с кулачеством, и лозунг обострения классовой борьбы с кулачеством он называет контрреволюционным, а в 1928 г. он заявляет: «По мере нашего продвижения вперед по пути к социализму сопротивление капиталистических элементов будет возрастать и классовая борьба будет обостряться»[16]. Но если обострение классовой борьбы с кулачеством является неизбежным «законом» для пролетарской диктатуры, тогда все разговоры о том, что «мы можем и должны обойтись без разжигания классовой борьбы на этом фронте», являются только добреньким мелкобуржуазным, реформистским и реакционным пожеланием. Если же действительно «мы можем и должны *обойтись без разжиганий борьбы*» с кулачеством, тогда утверждение, что «по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму сопротивление капиталистических элементов будет возрастать и классовая борьба будет обостряться»,— не может рассматриваться иначе, как оправдание и поощрение разжигания классовой борьбы. Оно так на самом деле и есть. Его новая теория «обострения классовой борьбы» является именно оправданием политики разжигания классовой борьбы не только с кулаком, но и с середняком, и оправдание произвола над трудящимися деревни. Запутавшийся «вождь» и его «ученые» льстецы могут сказать, что высказывания Сталина касаются только восстановительного периода, а для реконструктивного периода существуют совсем другие законы. *Но это было бы обычной сталинской уверткой.* Во-первых, по этому вопросу он никакой оговорки насчет того, что его «теория» касается только восстановительного периода, не делает, во-вторых, весь характер и смысл высказанных им здесь мыслей сам по себе говорит против такого ограниченного понимания указанной цитаты.

6. На Московской губернской конференции 23/XI—27 г. Сталин в своей речи специально подчеркивал, что индустриализация немыслима без правильной политики в деревне. Он говорил: «Вести политику разлада *с большинством крестьянства — значит открыть гражданскую войну*

* В тексте Сочинений И. В. Сталина вместо слов «этот маневр партии, предлагая заменить его» стоят слова «эту политику партии, предлагая заменить ее». Ред.

** Слова «совершенно неверно» в тексте Сочинений И. В. Сталина отсутствуют. Ред.

в деревне, затруднить снабжение нашей промышленности крестьянским сырьем (хлопок, свекла, лен, кожа, шерсть и т. д.), дезорганизовать снабжение рабочего класса сельскохозяйственными продуктами, подорвать самые основы нашей промышленности*, сорвать всю нашу строительную работу, [сорвать] весь наш план индустриализации страны»[20].

Именно это в настоящее время и случилось. Хлопок, лен, свекла, хотя и были посеяны кое-как под бичом террора и репрессий, но при плохо обработанной земле и плохом уходе урожай получился тоже плохой, да и то, что уродилось, в огромной части осталось неубранным, ушло под снег.

Десятки миллионов центнеров свеклы были не выкопаны, десятки миллионов уже выкопанной свеклы пропало в кучах под снегом, так как из-за отсутствия у крестьян транспорта и личной заинтересованности она не могла быть подвезена к заводам, которые в самую горячую пору должны были стоять без работы. Десятки тысяч га неубранного хлопка тоже погибло. То же случилось и со льном. Текстильная промышленность и теперь работает с половинной нагрузкой, пользуясь суррогатами. Кожи, шерсти, жиров и других сельскохозяйственных продуктов, необходимых промышленности, нет. Рабочий сидит на голодном пайке, не только мяса и жиров, но даже картошки и капусты не получает в достаточном количестве. Рабочие истощены, покупательная и платежная способность трудящихся масс города и деревни подорвана в корне. Подорваны все основы индустриализации. Предсказания Сталина здесь блестяще «оправдались». Но он вынужден об этом молчать.

7. По вопросу о повышении цен Сталин в 1927 г. говорил: «Я мог бы, далее, сослаться на ряд документов оппозиции в пользу повышения цен на промышленные товары, каковое повышение не может не вести к захирению нашей промышленности, к усилению кулака, к разорению середняка, к закабалению бедноты кулаками»[21]. В настоящее время цены повышены в 4—5 раз по сравнению с тем уровнем, на котором они стояли четыре года тому назад, а реальная заработная плата колоссально упала. Но, по Сталину, это теперь ведет к бурному росту промышленности и к неуклонному улучшению материального положения рабочего класса и трудящихся масс деревни.

8. Сталин, как известно, издевался в свое время над Каменевым, когда тот попытался неудачи хлебозаготовок свалить на кулака: «Кулак регульнул» — вызывало со стороны Сталина «решительный отпор»[22]. Теперь же кулак под магическим жезлом фокусника превратился во всемогущую и вездесущую силу: кулак всюду и везде строит козни социалистическому строительству. И здесь Сталин не пошел дальше политического плагиата, используемого с усердием, достойным лучшего применения.

9. Не лучше обстоит дело и с его походом против теории «деградации сельского хозяйства»[23]. Сталин громил эту теорию, как «правооппортунистическую» и доказывал, что индивидуальное крестьянское хозяйство в своей основной массе развивается и способно к развитию. Однако прошел лишь год после начала «исторического» похода Сталина, поход еще продолжался, как Сталин на конференции аграрников-марксистов выступил с новой теоретической формулой. «Наше мелкокрестьянское хозяйство,— заявил он,— не только не осуществляет в своей массе ежегодного расширенного воспроизводства, но, наоборот, не всегда** имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство»[24]. В переводе на простой язык это значит, что крестьянское хозяйство в своей основной массе (т. е. середняцкое хозяйство) не только не развивается, но или

---

* В тексте Сочинений И. В. Сталина вместо слова «промышленности» стоят слова «легкой индустрии». Ред.

** В тексте Сочинений И. В. Сталина вместо слов «не всегда» стоят слова «оно очень редко». Ред.

топчется на одном месте, т. е. переживает застой, или же катится вниз. В дальнейшем мы покажем теоретическую безграмотность последней «теории» Сталина с точки зрения марксизма-ленинизма, сейчас же отмечаем это как пример «последовательности» и «принципиальности» этого «стального» большевика, меняющего свои взгляды и принципы, как перчатки.

(Продолжение следует)

Примечания:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 175. Кугельман Людвиг (1830—1902), немецкий врач, участник революции 1848—1849 гг. в Германии, член I Интернационала, друг К. Маркса и Ф. Энгельса.
2. Имеется в виду ленинское «Письмо к съезду» (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 343—348). Впервые опубликовано в 1956 г. Здесь оно цитируется, видимо, по одной из копий, имевших хождение среди членов партии.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 346.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 345.
5. Письмо И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция» (см. Сталин И. Соч., т. 13, с. 84—102).
6. Слуцкий А. Г. (1894—1979), советский историк, автор ряда работ по истории революционного движения Западной Европы.
7. Волосевич В. О. (1882—1953), социал-демократ, большевик, в 1913—1922 гг. в эмиграции во Франции, после возвращения в Советскую Россию вузовский преподаватель истории, автор «Курса истории ВКП(б)», с 1932 г. преподавал математику.
8. Иловайский Д. И. (1832—1920), русский историк, публицист дворянско-охранительной ориентации, автор учебников по русской и всеобщей истории.
9. 18 брюмера VIII года республики (9 ноября 1799 г.) — дата начала государственного переворота, совершенного Наполеоном Бонапартом (1769—1821). К. Маркс рассматривал государственный переворот, совершенный Луи-Наполеоном Бонапартом (1808—1873) в 1851 г., как карикатуру на «18 брюмера» Наполеона Бонапарта (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 115—217).
10. Приводятся в произвольном изложении цитаты из заключительного слова И. В. Сталина на XIV съезде партии (см. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), 18—31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М.-Л., 1926, с. 502—508; Сталин И. Соч., т. 7, с. 353—391).
11. Каутский Карл (1854—1938), один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала.
12. XV съезд ВКП(б), состоявшийся в декабре 1927 г., осудил как антипартийный так называемый троцкистско-зиновьевский блок и исключил из партии его активных деятелей.
13. «Восстановительный» (1921—1925 гг.) и «реконструктивный» (1926—1937 гг.) периоды — принятые в то время термины периодизации развития страны.
14. Сталин И. Соч., т. 7, с. 315.
15. На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК, состоявшемся 21—23 октября 1927 г., И. В. Сталин выступил с речью «Троцкистская оппозиция прежде и теперь» (см. Сталин И. Соч., т. 10, с. 197).
16. Это положение было сформулировано И. В. Сталиным в речи на Пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. «Об индустриализации и хлебной проблеме» (см. Сталин И. Соч., т. 11, с. 171).
17. О восстаниях в Грузии И. В. Сталин упомянул в речи на заседании Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 г. (см. Сталин И. Соч., т. 10, с. 196). Имеются в виду вооруженные выступления крестьян в отдельных уездах Мингрелии и Гурии в конце августа 1924 г., недовольных проведением аграрной реформы, налоговой политикой и антирелигиозными мероприятиями властей. Выступления были подавлены рабочими отрядами из Батуми и Поти при поддержке войсковых частей.
18. Сталин И. Соч., т. 10, с. 196.
19. Сталин И. Соч., т. 7, с. 177, 179.
20. XVI Московская губернская конференция ВКП(б) состоялась 20—28 ноября 1927 г. 23 ноября И. В. Сталин выступил на конференции с речью «Партия и оппозиция» (см. Сталин И. Соч., т. 10, с. 259).
21. Сталин И. Соч., т. 10, с. 256.
22. Имеется в виду заключительное слово И. В. Сталина на XIV съезде ВКП(б), в котором содержится ответ Л. Б. Каменеву по вопросу об «уступках крестьянству». Л. Б. Каменев в своей речи на съезде отметил: «Мы имеем, на мой взгляд, так сказать, в краткой формуле, вот что: мы попытались в этом году урегулировать результаты хорошего урожая, который был налицо. Что получилось? Получилось то, что не мы «регульнули» мужика в этом году, а мужичок «регульнул» нас» (см. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 18—31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М.-Л., 1926, с. 263).
23. См. речь И. В. Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)» (Сталин И. Соч., т. 11, с. 245—290).
24. Всесоюзная конференция аграрников-марксистов, созванная Коммунистической академией при ЦИК СССР, проходила 20—27 декабря 1929 г. 27 декабря И. В. Сталин *выступил на конференции с речью «К вопросам аграрной политики в СССР» (см. Сталин И.* Соч., т. 12, с. 145).

Публикацию подготовили работники Общего отдела ЦК КПСС И. Курилов, Н. Михайлов, Ю. Мурин.
В подготовке примечаний участвовали: Н. Ковалев, В. Кочетов, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов.

3-й экз.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

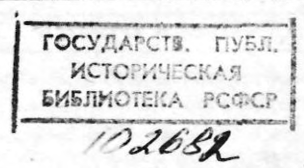

ИЗВЕСТИЯ ЦК КПСС

Информационный
ежемесячный
журнал

9 (308) сентябрь 1990

ИЗДАВАЛИСЬ В 1919-29 гг. ВОЗОБНОВЛЕНЫ В 1989 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛ.
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
102682

Редакционный совет журнала:

В. А. ИВАШКО, заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС

Б. К. ПУГО, Председатель ЦКК КПСС

А. С. ДЗАСОХОВ, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

О. С. ШЕНИН, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

Г. И. ЯНАЕВ, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

В. И. БОЛДИН, член ЦК КПСС, заведующий Общим отделом ЦК КПСС

Н. Е. КРУЧИНА, член ЦК КПСС, управляющий делами ЦК КПСС

Г. Л. СМИРНОВ, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА КПСС
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

В КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС ПО ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, СВЯЗАННЫХ С РЕПРЕССИЯМИ, ИМЕВШИМИ МЕСТО В ПЕРИОД 30—40-х и начала 50-х годов

ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ КПСС

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ «ИЗВЕСТИЙ ЦК КПСС»

ПОЧТА ЦК КПСС

ИЗ АРХИВОВ ПАРТИИ

© «Известия ЦК КПСС», 1990.

ПЛАТФОРМА «СОЮЗА МАРКСИСТОВ-ЛЕНИНЦЕВ» («ГРУППА РЮТИНА»)

СТАЛИН И КРИЗИС ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ *

3. Сталин как софист.

Для доказательства и «примирения» всех этих непримиримых противоречий к услугам Сталина имеется софистика. Беспринципный политикан по своей природе софист, политический фокусник и актер. Он надевает на себя разнообразные маски в зависимости от поставленной цели. А так как между диалектикой и софистикой есть известное внешнее сходство, ибо и тот и другой тип мышления основаны на признании принципа противоречия, то Сталину тем легче софистику выдать за диалектику.

Софистика — кажущаяся диалектика. Диалектика при известных условиях незаметно переходит в софистику, и этим Сталин искусно пользуется. Софист по своему произволу выбирает любое положение и доказывает его «истинность». Он знает, что всегда найдет группу людей, которая позволит себя обмануть.

В чем заключается сущность софистики, ее отличие от диалектики? Сущность софистики состоит в том, что выдвигаются то те, то другие односторонние и абстрактные определения в их изолированности, вне связи с окружающим, выдергиваются отдельные случаи, факты, примеры и на этом строятся «заключения» и «доказательства». А так как «при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения»[1] (Ленин), то Сталин, таким образом, всегда доказывает все, что захочется, тем более что доказывать противоположное негде — вся печать находится в личном распоряжении Сталина, и при господствующем над партией, рабочим классом и трудящимся крестьянством террором доказывать противоположное никто не осмелится, ибо это неизбежно связано с разными карами. «Сила доказательства» здесь просто заменяется «доказательством силы» — argumentum baculini. Палочное доказательство — это основной вид «доказательств» и «аргументации» Сталина по отношению к членам партии и парторганизациям. Мы уже не говорим о рабочих и основной массе деревни!

Но Сталин как софист пользуется не только палочными доказательствами, но также всеми основными приемами и методами софистики.

Во-первых, Сталин заранее принимает за доказанное то, что нужно доказать, на таком «декретированном» заранее положении строит все свои остальные выводы. Таковы его декретированные положения: «Троцкизм — авангард контрреволюционной буржуазии», «Правые — агенты кулака», «Середняк в своей основной массе повернул в сторону коллективизации» и т. д.

Во-вторых, там, где ему выгодно, он строит свои выводы на принципе: после этого, следовательно, по причине этого, связано с этим. Вредители добивались снижения темпов индустриализации, правые, как декретировал Сталин, тоже против быстрых темпов, следовательно, правые — агенты классового врага.

Пользуясь этой аргументацией, можно с таким же успехом доказать, что германская компартия «смыкается» с фашистами, ибо и те и другие добиваются свержения правительства Брюнинга[2], что русские большевики в Государственной думе «смыкались» с правыми партиями, ибо те и другие голосовали нередко вместе против ряда думских законопроек-

* Продолжение. Начало см. «Известия ЦК КПСС», 1990, № 8. Ред.

тов, что кадеты и некоторые другие правые партии были «агентами» большевиков, ибо и те и другие накануне войны 1914 года видели банкротство самодержавия и предсказывали неизбежность его крушения, а в феврале 1917 года вместе свергли его; таким образом, можно «доказать», что в настоящее время большинство сознательной части партии «смыкается» с Каутским, меньшевиками, эсерами, кадетами, является агентурой капитализма, ибо те и другие видят банкротство сталинской политики. Таким методом можно доказать все, что угодно. Берется чисто внешнее, случайное сходство, к тому же порой сфабрикованное по одному какому-нибудь вопросу, выбрасываются все коренные принципиальные различия — и «доказательство» готово.

В-третьих, Сталин зачастую прибегает к подстановке одного спорного вопроса другим. Так, например, в 1931 г. предполагалось увеличение продукции на 45%, снижение себестоимости на 10 с лишним процентов, а вместо этого мы имеем увеличение (даже по фальсифицированной сталинской статистике) всего на 20%, не считая гигантского ухудшения качества продукции. Вместо же снижения себестоимости — увеличение. Получился «просчет» около 10 миллиардов рублей, т. е. банкротство сталинского «планирования». При таком положении элементарная обязанность сколько-нибудь честного вождя состоит в том, чтобы заявить: 1) что план в основном не выполнен — выполнен меньше чем наполовину; 2) что методы планирования оказались негодными и их нужно пересмотреть и перестроить.

Вместо этого Сталин сам молчит, а через свою клику и печать кричит о том, что «мы добились гигантских успехов в третьем решающем», хотя план и «недовыполнен». Вопрос, таким образом, переносится в совершенно иную плоскость, перевертывается, ставится на голову. Гуттаперчевым, с неопределенным содержанием словечком «недовыполнен» прикрывается невыполнение плана, а криками о «гигантских успехах» — банкротство авантюристических методов планирования. Именно этим методом отвлечения внимания от главного пользуются фокусники при своих фокусах. От ловкости рук зависит много, но еще большее значение имеет искусство отвести глаза зрителя, заставить его следить не за тем, за чем нужно. Для этого фокусники и клоуны сопровождают свои шутки и фокусы непрерывной музыкой и болтовней. Все это имеет определенную цель — оторвать взор зрителя от проворных рук и манипуляций фокусника.

В-четвертых, Сталин пользуется методом подмены одних слов и понятий другими, а также словами с растяжимым понятием, которым по произволу можно давать различное толкование. Сегодня он говорит, что правые — сторонники безграничных уступок середняку, а назавтра он превращает их в агентов кулака. Сегодня «быстрым» темпом у него оказывается увеличение продукции на 20%, а 18 или 15% являются оппортунистическими, а назавтра только 30% считаются большевистским темпом, а 20% уже оппортунистическим, то вдруг оказываются 45% настоящим большевистским темпом, а 30 — оппортунистическим, а если программа 45% выполняется только на 20%, то и эти 20% сходят за подлинно большевистские темпы.

Не определив точно содержание понятия «быстрые темпы», Сталин играет этими словечками как ему вздумается.

В-пятых, Сталин применяет в полемике и доказательствах известный прием софистов, состоящий в подстановке исключения вместо правила и правила вместо исключения. Возьмем для примера те же темпы. В передовой «Правды» от 27 июня 1931 года «Народнохозяйственный план реален, надо его выполнить» мы читаем: «Мы приближаемся к концу первого полугодия. Оно принесло нам крупнейшие успехи в классовой борьбе и во всех областях народного хозяйства. Многие решающие отрасли промышленности дали за первые пять месяцев этого года громадный прирост выпуска продукции. За январь — май 1931 года по

сравнению с соответствующим периодом прошлого года электротехническая промышленность дала прирост на 42,3% (работа районных станций на 38%), метизобъединение — на 108%, станкостроение — на 37%, котлотурбина — на 35,3%, нефтеобработка — на 34,4%, швейная промышленность — на 50%».

А дальше, в средине статьи, без шума, скромно добавляется: «Однако, на фоне наших достижений этого года имеется ряд темных пятен. Есть отрасли промышленности, которые отстают, в том числе металлургия и уголь. План на этих важнейших участках не выполняется». Посмотрите, как тонко сфабриковано софистическое доказательство! Отрасли промышленности, призванные демонстрировать «выполнение» плана, охватывают 10—15% индустриальных рабочих, а «темные пятна» охватывают 85—90% рабочих, а если взять транспорт, то и больше.

Под неопределенным словечком «ряд» Сталин, таким образом, спрятал всю основную массу индустрии, затушевал банкротство 45% повышения продукции, предусмотренного планом, а негосподствующие отрасли промышленности поставил во главу угла. Или еще пример. Какая-либо область не выполняет плана хлебозаготовок, но в этой области в 5—6 районах из 100, 150 посредством ограбления населения этих районов (лишения их не только семенных, но и продовольственных фондов, посредством неслыханного террора — судов, арестов, высылок, расстрелов, распродаж имущества) добились выполнения плана, и Сталин «заключает»: ряд передовых районов выполнил и перевыполнил план, это доказывает, что план реален, надо ударить по оппортунистической практике отстающих и добиться выполнения плана. Исключение снова превращается в правило, правило делается исключением.

В-шестых, Сталин на каждом шагу прибегает к замалчиванию, утайке, затушевыванию неприятных и невыгодных для него фактов. А так как вся печать, весь аппарат в его руках, то это ему удается в совершенстве. С помощью печати и партийной машины — аппарата он, когда нужно, из мухи делает слона и наоборот. Пример первый. На 16-м съезде партии[3] Сталин делает доклад о гигантских успехах индустриализации и коллективизации, о правильности «генеральной линии партии» и при этом скрывает два решающих факта. Докладывая об успехах индустриализации, он скрыл от партии, что в это время вся текстильная промышленность с 600 тыс. рабочих из-за отсутствия сырья стояла целиком 4 месяца, ряд других отраслей легкой промышленности, а также сотни предприятий тяжелой работали на 2/3 и даже наполовину. Почему он этот крупнейший экономический и политический факт замолчал, обманул партию и рабочий класс? Потому, что это разоблачало его политическое банкротство, показывало, что его «чудеса» на отдельных участках достигнуты за счет паралича ряда крупнейших отраслей промышленности. Точно так же, докладывая о коллективизации, он скрыл от масс, что дутые потемкинские «успехи» коллективизации были достигнуты за счет невероятного террора в отношении основных масс деревни, что в стране прошла волна невиданных крестьянских восстаний середняцко-бедняцких масс, восстаний, в которых во многих случаях участвовали члены партии и комсомольцы, восстаний, которыми порой руководили члены партии с 1918 г., а в одном случае даже районный уполномоченный ОГПУ. Лишь крупных восстаний с тысячами участников в каждом в этот период по СССР было более 500, а мелких — и того больше. Почему об этом крупнейшем политическом факте в докладе Сталин не сказал ни звука? Может быть, потому, чтобы об этом не знала международная буржуазия? Но почему же тогда разрешалось знать международной буржуазии о грузинском восстании, о котором в свое время Сталин смело говорил? На деле Сталину не столь важно обмануть международную буржуазию, сколько рабоче-крестьянские массы Советского Союза. Если бы на съезде он сказал правду о восстаниях в деревне, то что бы осталось от его колхозной волны?

Второй пример. В конце 1931 г. ЦК ВКП(б) было опубликовано «историческое» постановление о кооперации[4]. Кооперация — основная и гигантская организация, занимающаяся торговлей, и решающим, коренным, принципиальным вопросом в работе ее является политика цен. Но как раз о политике-то цен в этом «историческом» постановлении и не было ни звука. Чем же объясняется такая «забывчивость«? А тем, что в этот момент произведено было повышение цен на товары в несколько раз. И это в то время, когда шло падение покупательной способности червонца. Оправдать повышение цен никак здесь нельзя. Ведь всего три года тому назад в борьбе с троцкистами снижение цен выдвигалось как альфа и омега советской торговой политики. Сталин и здесь совершил один из многочисленных политических плагиатов, но признаться в этом не может. И политика цен исчезла из «исторического» постановления о советской торговле.

В-седьмых, там, где Сталин ходом событий оказывается явно припертым к стене, где явно обнаруживается банкротство его руководства, где в то же время замолчать факты никак нельзя, там он прибегает к таким софистическим увerткам, к которым обычно прибегают только мелкие карманные жулики, когда их ловят с поличным,— он сваливает вину на других.

Ленин говорил: «Надо помнить, что политический руководитель отвечает не только за свою политику, но и за то, что делают руководимые им»[5]. Сталин поступает наоборот: он свою собственную вину, банкротство своего руководства сваливает на других. При царе его верные холопы и слуги, когда приходилось им сталкиваться с произволом местных властей, спасая авторитет, говорили: «Законы святы, да чиновники — лихие супостаты». Сталин в подобных случаях поступает таким же образом. Он также сваливает вину за все безобразия, являющиеся системой и неизбежным продуктом его политики, на местных работников, прикрывает это для затушевывания насилия и издевательств над деревней туманными словечками: «перегибы» и «администрирование» — и выходит сухим из воды. Вождь хорош, принципы его политики, его директивы идеальны, а местные исполнители, районные и сельские работники никуда не годятся — они обязательно или «переадминистрируют», или попадут под влияние самотека, или учинят «левый загиб», или впадут в правый уклон, или окажутся «агентами кулака». Лишь немногие счастливцы из местных районных и сельских работников за последние два года спаслись от обвинений в уклонах. Подавляющее большинство руководящих партийных и советских работников района и села сняты с работы за всякого рода загибы и оппортунизм, тысячи из них преданы суду и посажены в тюрьму.

Для иллюстрации сталинского приема сваливания своих преступлений на других достаточно привести один классический пример из многих. Это его «знаменитая» статья о перегибах в коллективизации весной 1930 года,— «Головокружение от успехов»[6]. Общеизвестно, что коллективизация примерно уже с конца 1928 года начала проводиться методами прямого и косвенного принуждения, а в дальнейшем — 1929—1930 гг.— и прямого насилия и террора. Раскулачивание, хлебозаготовки, налоги, массовые аресты, расстрелы и пр.— все это было использовано для терроризирования середняцких и бедняцких масс деревни, чтобы загнать их в колхозы. Официальные постановления ЦК «о добровольном вступлении в колхозы» стали только обычным фарисейским, лицемерным прикрытием для прямо противоположной практики коллективизации. Информация о том, какими методами осуществляется коллективизация, какими методами выколачивается у мужиков хлеб и налоги,— у Сталина была превосходная.

Сталин хотя и ограничен, но достаточно умен, чтобы знать в основном действительное положение вещей в стране, в частности в деревне. Но он и тогда уже запутался настолько, что изменить политику ему уже было

невозможно. Поворот политики снова на ленинские рельсы означал бы не только банкротство его новой «теории» обострения классовой борьбы по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму, его «чуда» с темпами индустриализации и коллективизации, но и позорного изгнания его с поста генсека. Поэтому он вынужден был играть «ва-банк» и самым бесстыдным образом фальсифицировать в газетах, в том числе и в «Правде» — его личном непосредственном рупоре,— фактическое положение вещей. Однако, когда весной 1930 года во всей стране, как результат его политики, прошла волна невиданных в истории крестьянских середняцко-бедняцких восстаний, когда Сталин почувствовал, что почва под ногами его и его клики горит, что их господство может кончиться, когда он оказался припертым к стене, то вместо того, чтобы по-ленински честно и открыто признать провал прежней политики и изменить курс, он пошел на трюк. Этим трюком и явилась его статья *«Головокружение от успехов». В этой статье Сталин заявил, что до* февраля 1930 года коллективизация шла добровольно, а с февраля месяца у местных работников «закружилась от успехов голова» и они стали вопреки директивам ЦК насильно принуждать крестьян вступать в *колхозы. Это «левый загиб», с которым должно быть решительно* покончено, и линия партии решительно выправлена. Тут Сталин вспомнил и привел ряд ценных указаний Ленина о коллективизации, о полной добровольности для крестьян вступать в коллективы. В результате этой статьи тысячи районных работников были исключены из партии только за то, что они проводили политику Сталина и его клики о процентном выполнении коллективизации, тысячи были брошены в тюрьмы за то, что по прямым директивам секретарей обкомов, под угрозой исключения из партии, должны были к определенному сроку «наколлективизировать» определенный процент. Местные работники были брошены в жертву *обозленным массам деревни, для того чтобы отвлечь внимание от дей*ствительного виновника, а Сталин выступил перед мужиками в роли спасителя от «местных головотяпов», в роли Наполеона.

Статья его является образцом не только в перекладывании вины на других, но и образцом фальши и лицемерия Сталина, так как вслед за ней был издан по советской линии декрет, по которому системой налоговых обложений единоличник с прежней силой загоняется в колхозы.

В-восьмых, там, где явное политическое надувательство нужно выдать за правду, он прибегает иногда к способу «ошарашивания», оглушения масс набором особенно громких и страшных слов, начинает бешеную кампанию во всех газетах и журналах, изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц долбя одно и то же. Бесконечное количество статей в газетах и журналах, тысячи брошюр и книг на одну и ту же тему — все направляется на то, чтобы ложь выдать за правду. Где нельзя добиться результатов с помощью логики, он заменяет ее риторикой, воздействием на чувства масс, на их настроение, запугивая грозными словами одних, льстя приятными словами другим, приводя в недоумение третьих. Софистика в известной степени вообще сводится к «силе слова». Здесь софист разными способами достигает своей цели. Он или чрезмерно удлинит свое рассуждение там, где нужно утомить внимание слушателей или читателей, или запутает все «концы» так, что неопытный, неискушенный в политике и логике человек ничего не поймет, или, когда ему угрожает верное поражение, отговорится недостатком времени для освещения вопроса, или, наконец, с пафосом совсем не к месту начнет взывать к долгу, совести, мужеству, стойкости слушателей, напоминая им прошлые геройские подвиги их и их предков, клеймя презрением и запугивая возражающих и одобряя соглашающихся. Под магическим жезлом слов софиста безобразное превращается в прекрасное, зло в добро, преступление в героизм, вред в пользу. Ошибочное рассуждение, будучи выражено просто, не обманет и ребенка. Если же его развить в нескольких томах или сотнях статей, если его распространять в течение несколь-

ких лет в десятках миллионов книг и брошюр, то оно может запутать миллионные массы, политически слабо развитые. Сталин и его клика «по мере надобности» пользуются также и этим методом для оправдания своего руководства.

Само собою разумеется, что отмеченными методами Сталин пользуется не отдельно каждым, а всеми или несколькими сразу, ибо все они тесно переплетаются друг с другом и переходят один в другой. От этого они не перестают быть софистическими. Все эти приемы «доказательств» в борьбе с политическими противниками, инакомыслящими по партии и составляют «арсенал» сталинской «диалектики».

Чем отличается сталинская «диалектика» от диалектики Маркса— Энгельса и Ленина? Тем, что она в корне враждебна марксизму-ленинизму.

Ленин следующим образом характеризует сущность подлинной материалистической диалектики, диалектического метода. Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и опосредствования. Мы никогда этого не достигнем полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и омертвения. Ленин требует всестороннего учета явлений в их конкретном развитии, не допускает выдергивания кусочка одного, кусочка другого («Еще раз о профсоюзах...»)[7]. А этот метод не имеет ничего общего со сталинскими софистическими «фокус-покусами», с его фабрикацией и подтасовкой фактов, с его выдергиванием отдельных заводов, отдельных колхозов для «доказательства» правильности и реальности всего плана.

В другом месте, в ранней незаконченной работе Ленина «Статистика и социология», мы находим по этому же вопросу следующее место, попадающее прямо не в бровь, а в глаз Сталину с его методом фальсификации и подтасовки фактов, искажением действительности для оправдания своих замыслов. «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в целом, в их связи, не только упрямая, но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже.[...] Надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникает * подозрение — и вполне законное подозрение — в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится субъективная стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. А это ведь бывает чаще, чем кажется» («Письма к родным» — предисловие М. И. Ульяновой, стр. 15—16)[8].

Deta fabula naratur! О тебе идет речь! Это латинское изречение следовало бы поставить эпиграфом над всей сталинской политикой и его статьями последних лет. Оно как будто бы специально написано о сталинской игре в примерчики, выдергивании отдельных выгодных фактиков, о стряпне на сталинской кухне всякого рода уклонов, загибов, заскоков, перерождений и пр. для оправдания его грязных дел.

---

* В тексте Полного собрания сочинений В. И. Ленина вместо слова «возникает» стоит слово «возникнет». Ред.

Достаточно уяснить одно это гениальное ленинское изречение, чтобы понять характер и методы сталинских доказательств «теорий», реляций *и сводок. Эти обзоры и сводки «побед» с фронта индустриализации* и коллективизации, о подъеме масс и пр. как две капли воды похожи по «методологии» на куропаткинские сводки о победах над японцами [9]. Во время русско-японской войны в казенных царских газетах сегодня сообщалось о том, что сотник такой-то со своим эскадроном в лихой атаке «проучил японский караул»; завтра — что капитан такой-то со своим батальоном в лихой штыковой атаке переколол роту японских солдат; на следующий день — что «япошке скоро капут», так как армия вся горит желанием постоять за «батюшку царя», и т. д. А в этот момент 400-тысячная армия, разгромленная и окончательно деморализованная, голодная, озлобленная, потерявшая веру в полководцев и в победу, в панике отступала с одной позиции на другую, и положение становилось с каждым днем все более угрожающим.

Такими же победными реляциями Сталин кормит массы партии и рабочих. Сегодня сообщается, что такой-то сельсовет «в порядке соцсоревнования и ударничества, беспощадно борясь с кулачеством и его агентурой — правыми оппортунистами», успешно выполнил встречный план хлебозаготовок; завтра — секретарь ячейки Петров и директор Иванов «рапортуют» о пуске нового завода или цеха; на следующий день — что рабочие завода Петровского или Ворошилова с энтузиазмом выполнили план подписки на заем и в порядке встречного — продолжают подписку. А в этот момент страна, обнищавшая, ограбленная, разоренная, нагая и голодная, с подорванной в корне производительной, покупательной и платежной способностью, потерявшая веру в дело социализма, терроризированная, озлобленная, представляющая сплошной пороховой погреб,— все дальше и дальше загоняется в тупик... Таково сталинское руководство!

Беспринципный политикан и софист, повар грязной стряпни, специалист по организации «дел Бейлиса» [10] применительно к условиям Советского Союза — таков морально-политический облик Сталина!

Ленин в своем завещании разоблачил нелояльность, нечестность, недобросовестность Сталина; он высказал опасение, что Сталин не сумеет пользоваться осторожно властью генсека. И ход событий с лихвой подтвердил его гениальную прозорливость. Ленин уже тогда нащупал политическое лицемерие Сталина, его фарисейство. Теперь это фарисейство ясно и для ребенка.

4. Сталин как вождь и теоретик.

Партийный аппарат и кучка окружающих Сталина карьеристов и льстецов упорно, изо дня в день, из месяца в месяц, на всех перекрестках трубят о том, что Сталин — великий теоретик и вождь, гениальный ученик Ленина. Его имя в настоящее время эти «ученые» карьеристы ставят рядом с именами Маркса, Энгельса и Ленина. Всякого, кто этого не делает, берут под сомнение и «обстрел».

Сталин, уцепившись за Маркса, Энгельса и Ленина, за их спиной мошенническим способом намерен пробраться в ряды учителей рабочего класса. Если история не признает его великим человеком, то он не намерен признавать историю и с помощью своих «ученых» карьеристов хочет переделать ее заново.

Если он никогда не способен подняться на вершины теоретического и духовного величия Маркса, Энгельса и Ленина, то он намерен, наоборот, их опустить до уровня своего собственного ничтожества; если господствующие классы с помощью печати и обработки сознания масс превращали иногда гениальных людей в авантюристов, то почему же господствующая клика авантюриста не может его превратить в гениального человека!

Ставить имя Сталина рядом с именами Маркса, Энгельса, Ленина — это значит издеваться над Марксом, Энгельсом, Лениным, это значит издеваться над пролетариатом, это значит потерять всякий стыд, перейти все пределы низости; ставить имя Ленина рядом с именем Сталина — это все равно, что Эльбрус ставить рядом с кучей навоза; ставить произведения Маркса, Энгельса и Ленина рядом с «произведениями» Сталина — это все равно, что ставить рядом с музыкой великих композиторов Бетховена, Моцарта, Вагнера и др. музыку уличного шарманщика.

Ленин был вождем, но не был диктатором; Сталин, наоборот, является диктатором, но не является вождем. Пролетарской революции нужны хорошие вожди, пролетарская ленинская партия не может быть без вождей, но пролетарской революции не нужны диктаторы. Партия и пролетариат должны бороться даже против самых «лучших» диктаторов, ибо вырождение вождей в диктаторов означает вырождение и перерождение самой пролетарской диктатуры.

Какая разница между вождем и диктатором?

Подлинный вождь выдвигается прежде всего движением масс, он опирается в первую очередь на массы и на их доверие, он глубочайше связан с массами, постоянно вращается среди них, он идет во главе их, говорит им правду, не обманывает их, и массы убеждаются на собственном опыте в правильности его руководства и его поддерживают. Таков был именно Ленин — это гениальный вождь пролетариата, таковы были основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс, таковы были и подлинные вожди буржуазной революции во Франции — Робеспьер, Марат и т. д. Диктатор, наоборот, большей частью приходит к власти или через подавление революции, или после спада волны революции, или через внутренние комбинации правящей клики, или через дворцовый переворот, опираясь на государственный или партийный аппарат, армию, полицию. Диктатор опирается в основном не на массы, а на свою верную клику, на армию, на государственный или партийный аппарат; он не связан с массами, он не вращается среди них, он может с ними заигрывать и льстить им, но он обманывает массы, он правит не потому, что массы ему доверяют, а чаще всего вопреки этому. Политика диктатора — это политика внутренних закулисных комбинаций, политика подбора лично ему верных людей, политика оправдания, защиты и возвеличивания его господства. Наполеон, Муссолини, Пилсудский, Хорти, Примо де Ривера, Чан Кайши и пр.— все они в основном укладываются в эту характеристику. В эту характеристику укладывается и диктатура Сталина, хотя его диктатура и отличается коренным образом от буржуазных диктаторов* тем, что она выросла на базе пролетарской диктатуры, являясь искажением пролетарской диктатуры и содействуя ее дальнейшему искажению и вырождению.

Сталин никогда не был настоящим, подлинным вождем, но ему тем легче было в ходе событий превратиться в настоящего диктатора. Свою сегодняшнюю роль он занял не благодаря поддержке масс. Он пришел к своему теперешнему безраздельному господству путем хитрых комбинаций, опираясь на кучку верных ему людей и аппарат, и с помощью одурачивания масс. Он оторван от масс, он не связан с ними, он держится не на доверии масс, а на терроризировании их. Словом, черты современного Сталина — это черты диктатора, а не вождя.

«Работа» по канонизированию Сталина приняла грандиозные размеры. Люди всех рангов взапуски стараются перещеголять друг друга в области «соцсоревнования» на поприще услужения «вождю». Теоретические статьи в журналах превратились просто в ходатайства о повышении по службе и мотивированные подписки о политической благонадежности по отношению к Сталину. Партийная машина «заказ» выполняет аккуратно. Но затея канонизирования все же обречена на явный про-

* Так в документе. Ред.

вал. Мы уже не говорим о его «ошибках» или, выражаясь точнее, о сплошной цепи извращений марксизма-ленинизма за последние 4—5 лет. Но если взять его позицию периода 1914—1927 гг., то и тут имеются такие черные «заплаты» на его «чистых» ризах, которые он не сможет выскоблить и затереть никакой фальсификацией истории партии.

Во-первых, Сталин в период мировой империалистической войны был не большевиком-пораженцем, а платоническим интернационалистом, т. е. стоял не на точке зрения циммервальдской левой, как Ленин, а на точке зрения большинства Циммервальдской конференции, т. е. на точке зрения Мартова, Троцкого и др.[11].

Что это именно так — об этом свидетельствует не кто иной как сам Сталин в своей статье «О войне», помещенной в его сборнике «На путях к Октябрю». В этой статье мы читаем: «Поведение Геда, Самба и др. *получило должную и авторитетную оценку в определенных резолюциях* социалистических конгрессов в Циммервальде и Кинтале (1915—1916 гг.) против войны. Последующие события подтвердили всю правильность и плодотворность положений Циммервальда-Кинталя» (стр. 4)[12].

Может ли еще быть после этой цитаты сомнение, что в мировую войну Сталин не был большевиком-пораженцем, а был центристом: *«События подтвердили всю правильность и плодотворность положений Циммервальда-Кинталя»*. Сталин, таким образом, еще в 1917 г. был целиком согласен с решениями Циммервальдской и Кинтальской конференций. На деле события подтвердили не «всю правильность и плодотворность положений Циммервальда-Кинталя», а всю правильность и плодотворность циммервальдской левой. А это, как известно, не одно и то же.

Ленин о Циммервальдской конференции в своей статье «Первый шаг» пишет: «Конференция отклонила, 19 голосами против 12, сдачу в комиссию проекта резолюции, предложенного нами и другими революционерами* марксистами, а наш проект манифеста сдали в комиссию вместе с двумя другими для выработки общего манифеста. Принятый манифест *фактически означает шаг к идейному и практическому* разрыву с оппортунизмом и социал-шовинизмом. Но в то же время этот манифест, как покажет его разбор, страдает непоследовательностью и недоговоренностью»[13]. Большевики, следовательно, остались на конференции в меньшинстве и считали, что манифест и резолюции, принятые конференцией, страдают непоследовательностью и недоговоренностью, а Сталин их считает целиком правильными (события подтвердили всю правильность положений Циммервальда-Кинталя). Таков этот «твердокаменный», «последовательный», «стальной» большевик во время войны. Сталин различными софистическими увертками и криками о клевете будет пытаться этот факт затушевать, но никого из честных партийцев, марксистов-ленинцев, рабочих он не одурачит: факт слишком ярко говорит о себе.

Во-вторых, позиция Сталина в 1917 г. до приезда Ленина была, как *известно, полуменьшевистской. В той же статье* «О войне» Сталин приветствует обращение Петроградского СР и СД «К народам всего мира» и выход из войны видит в давлении на Вр[еменное] правительство с требованием изъявления своего согласия немедленно открыть мирные переговоры. В этих взглядах Сталина нет ни грана большевизма, ни грана ленинизма. В своем предисловии к сборнику «На путях к Октябрю» Сталин пытается смазать истинный смысл своих позиций, спрятать его за спину партии. Он пишет, что первые три статьи отражают известные колебания большинства нашей партии по вопросу о мире и власти Советов, имевшие место, как известно, в марте — апреле 1917 г. Теперь он не признает никаких «объективных условий». Там, где можно и необходимо учитывать строжайше объективные условия и с ними считаться, он их отвергает. Там же, где недопустимо прятаться за объективные усло-

* В тексте Полного собрания сочинений В. И. Ленина вместо слова «революционерами» стоит слово «революционными». Ред.

вия, он их привлекает для спасения положения. Это, видите ли, «был период крутой ломки старых позиций». Но это только объяснение его полуменьшевистской позиции, но не ее оправдание. От поведения вождей в огромной степени зависит поведение масс. И человек, претендующий на звание вождя, не имеет права прятаться за настроения масс и за крутую ломку старых позиций. Вождь должен себя показать именно в момент «крутой ломки старых позиций».

Сталин же в этот момент показал себя не большевиком, а полуменьшевиком. Платонический интернационалист, небольшевик в период мировой империалистической войны, полуменьшевик в марте — апреле 1917 г.— таков этот «герой нашего времени».

В-третьих, посмотрим, каковы были взгляды Сталина по вопросу о Брестском мире в 1918 г. До сих пор было распространено мнение, что взгляды Сталина целиком совпадали со взглядами Ленина. В действительности это далеко не так. Эти взгляды зафиксированы не в литературных выступлениях Сталина, а в протоколах Центр. К-та РСДРП(б) (август 1917 г.—февраль 1918 г.). В этих протоколах мы читаем следующее: «Тов. Сталин считает, что, принимая лозунг революционной войны, мы играем на руку империализму. Позиция т. Троцкого не есть позиция. Революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться.

Тов. Ленин доказывает, что он не согласен в некоторых частях со своими единомышленниками Сталиным и Зиновьевым. С одной стороны, конечно, на Западе есть массовое движение, но революция там еще не началась. Однако, если бы мы в силу этого изменили свою тактику, то мы явились бы изменниками международному социализму»[14].

Приведенные выдержки из документов свидетельствуют, что Сталин высказывался за Брестский мир совсем иначе, чем Ленин. Ленин подходил к вопросу о Брестском мире как большевик-интернационалист, Сталин же — как национал-большевик. Для Ленина Брестский мир был средством задержаться до появления общей социалистической революции, ибо «на Западе есть массовое движение, но революция там еще не началась». С точки же зрения Сталина «революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться».

Ленин страстно верил в революционное движение на Западе и видел его. Сталин не верил в него («с потенцией мы не можем считаться») и не видел его («есть только потенция»). Сталин, по существу, предлагал надолго махнуть рукой на мировую революцию — улита едет, когда-то будет. Ленин же русскую революцию рассматривал как начало мировой революции, которая неизбежна в ближайшие годы. Именно поэтому Ленин назвал в косвенной форме позицию Сталина изменнической «по отношению к международному социализму».

Таков Сталин как «интернационалист» в период заключения Брестского мира.

Наконец, в-четвертых, посмотрим на позицию Сталина в китайской революции в 26—27 году. Эта позиция была также не большевистской, а полуменьшевистской, подлинно оппортунистической, понимая, конечно, это выражение в марксистско-ленинском, а не сталинском смысле. Оппортунизм этой позиции заключался не в том, что Сталин высказывался за допустимость временных блоков с революционной буржуазией (это было правильно), а в том, что в этом блоке он компартию превращал в придаток, в хвост Гоминьдана, что усыплял бдительность масс и китайской компартии по отношению к буржуазии, что он действовал вопреки требованию Ленина: следи за союзником, как за врагом.

Сталин по обыкновению вину за оппортунистическое руководство китайской революции свалил на руководство китайской компартии. Но каждый знает, что китайская компартия, даже в мелочах, тогда слепо следовала директивам Коминтерна, где первую скрипку играл уже Сталин.

Обанкротившись со своей оппортунистической линией руководства китайской революцией и свалив вину за это на ЦК китайской компартии, Сталин через 1—2 месяца круто поворачивает от оппортунизма к авантюризму и приводит китайскую революцию к разгрому. Все эти факты неоспоримы. Их можно «оправдать» только с помощью софистических уловок.

Эти факты снова показывают «блестящие» качества Сталина как «вождя», они показывают, что мы имеем перед собой не «твердокаменного большевика», а большевика, допускавшего в решающие моменты жизни партии грубейшие оппортунистические ошибки и колебания, а теперь превратившегося в беспринципного политикана и авантюриста.

Если так дело обстоит со Сталиным как с вождем, то нисколько не лучше он выглядит и как теоретик. Говорить о Сталине как о теоретике до 1917 г. просто смешно. Все его теоретические работы до 1917 года сводятся к трем маленьким статейкам по национальному вопросу, помещенным в свое время в «Просвещении»[15], а затем, в первые годы революции, изданным отдельной брошюрой. Эти статьи представляют из себя очень посредственную композицию взглядов Ленина по национальному вопросу, и только. Дальше идет его сборник статей «На путях к Октябрю». Как нами уже отмечалось, первые статьи его сборника, написанные до приезда Ленина, являются полуменьшевистскими. Что же касается остальных, то в них автор показывает себя крайне посредственным «теоретиком» со слабой марксистской эрудицией. Та же печать ограниченности, неподвижности, схематизма, узости кругозора и слабой эрудиции автора лежит и на всех остальных его работах, в том числе и на самой лучшей и ценной — «К вопросам ленинизма».

В своих работах он обнаруживает не богатый теоретический багаж, а лишь уменье и ловкость скрывать его убожество. Что это именно так, что мы имеем перед собой не теоретика, а «ворону в павлиньих перьях»,— мы это покажем на важнейших теоретических вопросах.

5. Ленинизм и борьба с оппортунизмом.

Остановимся прежде всего на коренном вопросе учения Маркса — Ленина — на борьбе с оппортунизмом. Защита чистоты теоретических принципов марксизма-ленинизма — основная обязанность большевика, коммуниста. Непримиримая борьба с оппортунизмом, выражающим буржуазное влияние на партию пролетариата,— решающее условие торжества пролетарской революции победоносного социалистического строительства.

Все это бесспорно абсолютно. Но кто усвоил только это требование в учении Ленина, тот еще не стал большевиком. Нельзя забывать, что всякую истину, всякое великое учение можно извратить, опошлить, превратить в карикатуру. Ленин в своем гениальнейшем произведении «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» по этому вопросу пишет: «Самое верное средство дискредитировать новую политическую (и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы, во имя защиты ее, довести ее до абсурда. Ибо всякую истину, если ее сделать «чрезмерной»... если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях превращается в абсурд»[16]. Именно это в настоящее время и случилось с ленинским учением о борьбе с оппортунизмом. Сталин ленинское учение о борьбе с оппортунизмом опошлил до последних пределов, довел его до абсурда, превратил в карикатуру и объект насмешек и издевательств и для самих членов партии, и для рабочих и трудящихся вообще, и для врагов пролетарской диктатуры. Сталин борьбу с оппортунизмом просто превратил в орудие терроризирования партии в целях защиты своих безграмотных антиле-

нинских теорий и политики, превратил в бич для подхлестывания членов партии при проведении всякого рода кампаний.

Что такое оппортунизм?

Энгельс дает следующее классическое определение оппортунизма: «Это забвение великих, коренных соображений из-за минутных интересов [дня], эта погоня за минутными успехами в борьбе* из-за них без учета дальнейших последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему,— может быть происходит [и] из-за честных мотивов. Но [это] есть оппортунизм и останется** оппортунизмом, а «честный» оппортунизм, пожалуй, опаснее всех других»[17].

Точно такое же определение оппортунизма дает и Ленин. Он говорит: «Оппортунизм состоит в том, чтобы жертвовать коренными интересами, выгадывая временные частичные выгоды. Вот в чем гвоздь, если брать теоретическое определение оппортунизма»[18].

Если расшифровать эти формулировки Энгельса и Ленина, если их конкретизировать, то можно сказать, что оппортунизм для партий, только еще борющихся за власть, состоит в отказе от борьбы за вооруженное низвержение буржуазии, в капитуляции перед трудностями и опасностями этой борьбы, в подмене борьбы за мировую пролетарскую революцию борьбой за реформы, в затушевывании непримиримости классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом, в стремлении примирить эти противоречия вместо того, чтобы обострить их, в подрыве международной солидарности пролетариата, в отречении от нее, в сеянии иллюзий в рядах рабочего класса, что в рамках капитализма пролетариат может добиться улучшения своего положения, в преклонении перед стихийностью рабочего движения, в забвении своей обязанности всемерно защищать Советский Союз, в стремлении примирить мировоззрение революционного пролетариата — марксизм-ленинизм, растворить его, искалечить и изуродовать применительно к той или иной разновидности буржуазного мировоззрения. Что же касается партий и пролетариата, уже завоевавших государственную власть, то здесь содержание понятия оппортунизма значительно расширяется и в то же время видоизменяется.

Для коммунистической партии, где пролетариат уже завоевал политическую власть, все старое содержание понятия оппортунизма также сохраняется, поскольку это касается правильного применения принципов ленинизма в борьбе за низвержение господства капитала в тех странах, где властвует буржуазия. Когда же мы переходим к самой стране пролетарской диктатуры, то здесь содержание понятия оппортунизма несколько видоизменяется. Здесь мы также не можем терпеть никакого затушевывания классовых противоречий ни между пролетариатом и капиталистическими элементами города и деревни, ни между пролетариатом и средним крестьянством. Трезвая, ясная, честная, прямая последовательная марксистско-ленинская оценка, трезвый марксистско-ленинский анализ и здесь, как и везде, абсолютно необходимы.

Но в условиях пролетарской диктатуры мы уже не заинтересованы в разжигании классовой борьбы, в ее обострении не только между пролетариатом и средним крестьянством, но и между пролетариатом и капиталистическими элементами.

Политика разжигания классовой борьбы, как и показал опыт последних трех лет, гигантски дезорганизует и подрывает в корне социалистическое строительство. Пролетарское же государство имеет все возможности, не поступаясь ни пядью своих позиций, не разжигать классовой борьбы.

Если даже буржуазии, хотя и временно, и в узких пределах, без

---

* В тексте 2-го издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса вместо слов «в борьбе» стоят слова «и борьба». Ред.

** В тексте 2-го издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса вместо слова «останется» стоит слово «остается». Ред.

уступки своих позиций, с помощью аппарата буржуазного государства, печати, церкви, удается умерять классовую борьбу, смягчать ее, придавать ей «законные», так сказать, нормальные формы, регулировать ее, то пролетарское государство располагает в десятки раз более могущественными средствами для регулирования классовой борьбы. Когда-то и Сталин, как мы видели выше, понимал эти элементарные марксистские истины. Теперь же, окончательно запутавшись и изолгавшись, он открыл даже «закон» неизбежного обострения классовой борьбы «по мере нашего продвижения по пути к социализму».

Вторая особенность. Капитуляция перед трудностями социалистического строительства, игнорирование задач социалистического строительства, пренебрежение ими, преклонение перед стихийностью, самотеком, отказ от необходимо быстрых темпов индустриализации страны. Этой черты у оппортунизма до завоевания политической власти, естественно, нет. Сталин здесь особенно много напустил тумана, одну долю правды смешал с 9 долями лжи, и нужны величайшие усилия, чтобы отделить крупицы истины от огромного количества вздора. Капитуляция перед трудностями социалистического строительства в одной экономически отсталой стране — бесспорный оппортунизм. Однако констатированием этого факта вопрос еще не решается, а только лишь ставится.

Кто действительно капитулирует перед трудностями, тот оппортунист, но кто кричит только о капитуляции, тот еще не большевик, а, может быть, только демагог, фразер, болтун, преследующий совсем не преодоление трудностей, а свои личные, честолюбивые цели, ибо суть вопроса в способах преодоления трудностей. Если политическая линия руководства такова, что, призывая на борьбу с трудностями, она обеспечивает преодоление этих трудностей и победу социалистического строительства, то такая линия является действительно ленинской. Если же политическая линия руководства не только не обеспечивает преодоления этих трудностей, но, наоборот, увеличивает их, громоздит одну на другую, загоняет партию и страну в тупик и губит социалистическое строительство, дискредитирует его в самом корне, то она является антиленинской, хотя ее и нельзя назвать оппортунистической. Политика Аракчеева, не капитулировавшего перед трудностями и знавшего только один лозунг — «Гони!», не содержит, конечно, в себе оппортунизма, но в ней нет и ни грана ленинизма. Преклонение перед стихийностью, самотеком является оппортунизмом, однако игнорирование конкретной обстановки, перепрыгивание через всю сумму материальных, культурных, бытовых и политических условий, в которых приходится работать, экономическая и политическая хлестаковщина — в не меньшей мере является авантюризмом.

Сталин в настоящее время под эту хлестаковщину и авантюризм подвел настоящую «теоретическую базу». В своей речи «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» он пишет: «Наконец, два слова о нашем производственном плане на 1931 год. Существуют некоторые околопартийные обыватели, которые уверяют, что наша производственная программа нереальна, невыполнима. Это нечто вроде «премудрых пискарей» Щедрина, которые всегда готовы распространить вокруг себя «пустоту недомыслия». Реальна ли наша производственная программа? Безусловно, да!.. Она реальна хотя бы потому, что ее выполнение зависит теперь исключительно от нас самих, от нашего умения и нашего желания использовать имеющиеся у нас богатейшие возможности. Чем же иначе объяснить тот факт, что целый ряд предприятий и отраслей промышленности уже **перевыполнил** план?.. Было бы глупо *думать, что производственный план сводится* к *перечню цифр и заданий.* На самом деле производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей производственной программы — это живые люди, это мы

с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план. Есть ли у нас она, эта самая решимость? Да, есть. Стало быть, наша производственная программа может и должна быть осуществлена»[19].

Такова сталинская «философия» борьбы за выполнение плана, за высокие темпы. По своей теоретической марксистско-ленинской безграмотности, по своему полному разрыву с материалистической диалектикой, по своей пустоте, по абсолютному отсутствию даже малейшей попытки подойти к действительному анализу тех условий, от которых зависит выполнение плана, по своему обнаженному, неприкрытому желанию пустой болтовней и выдергиванием отдельных «фактиков» затушевывать банкротство авантюристических темпов и методов планирования эта речь представляет настоящий перл.

Всякий, кто не забыл еще азы марксизма-ленинизма, кто не разучился еще под влиянием повседневного извращения учения Маркса — Энгельса — Ленина по-ленински мыслить, тот сразу же скажет, что ленинизмом от речи Сталина и не пахнет. По своему объективному содержанию — это философия экономического и политического авантюризма, это чистейший субъективный идеализм, это своеобразная эсеровщина в новом издании.

Посмотрим, что за аргументы защиты реальности плана приводит Сталин. Во-первых, реальность плана, по Сталину, доказывается тем, что ряд предприятий и отраслей промышленности уже перевыполнили план. Во-вторых, тем, что выполнение плана зависит исключительно от нас самих. Реальность плана — это наша решимость выполнить этот план? Вот и все, что мог привести Сталин в защиту реальности плана. Но эти положения в действительности не только ничего не доказывают, а лишний раз обнаруживают, к каким убогим софистическим приемам вынужден прибегать Сталин для оправдания своей политики.

Доказывает ли реальность плана всей промышленности выполнение плана отдельными предприятиями и даже целыми отраслями промышленности? Ни в коем случае. Это именно то выдергивание отдельных «фактов», которое так беспощадно бичевал Ленин. Из 50 тысяч предприятий всегда можно вырвать, выдернуть 500—600 предприятий, которые выполняют план, но это еще абсолютно ничего не говорит о реальности плана в целом. Одни из этих предприятий выполнили план потому, что их полностью снабжали за счет других предприятий сырьем, другие потому, что их лучше за счет других предприятий финансировали, третьи потому, что их обеспечили самыми лучшими, самыми квалифицированными специалистами, четвертые просто потому, что этот план, по сравнению с прошлым годом, не только не давал никакого роста продукции, но — даже ее уменьшение, пятые — за счет колоссального ухудшения качества продукции, шестые, наконец, просто дали дутые сведения о выполнении плана, занимались очковтирательством, подражая Сталину. И на таком «теоретическом» базисе Сталин строит свои выводы!

Примерно так же обстоит дело и с отдельными отраслями промышленности. Сталин вырывает автомобильную промышленность, электротехническую, машиностроительную и еще пару подобных и на них строит заключение. Но это молодые отрасли промышленности: они имеют еще ничтожные объемы производства и только еще осваивают технику. Естественно, они дают высокие темпы, но эти отрасли промышленности имеют не больше 10% всего состава промышленных рабочих СССР; они были поставлены в исключительно благоприятные условия по отношению ко всей основной массе промышленности (в отношении снабжения сырьем, финансами, иностранной валютой, строительными материалами и пр.); они снабжались всем этим за счет всей основной массы промышленности; эти отрасли промышленности сосредоточили на своих предприятиях огромное количество излишней рабочей силы; рабочие этих предприятий за счет всех остальных рабочих лучше питались в столовых, лучше

снабжались в закрытых распределителях продуктами, одеждой и т. д., лучше обслуживались спецодеждой. Вот где секрет выполнения плана этими отраслями промышленности, если при этом отвлечься от фальсификации статистических данных. Но Сталин и здесь рассуждает по принципу: если возможно исключение, то возможно и правило. Если некоторые люди лгуны, то и все люди могут быть лгунами.

Замечательное «марксистско-ленинское» рассуждение! Сталин с конкретным анализом к этому вопросу боится и прикоснуться, ибо такой анализ вскрыл бы пружины его эквилибристики с темпами. Поэтому он и ограничивается декретированием вместо доказательства.

Что касается второго доказательства Сталина, то оно свидетельствует еще более наглядно о том, насколько Сталин запутался и изолгался. Сваливать все на «объективные условия», искать их там, где их нет,— является, конечно, оппортунизмом. Но отрицать их там, где они налицо, отказываться от строжайшего, конкретного, смелого и честного марксистского анализа и учета этих условий,— значит вести партию и страну на верное поражение, значит руководить вслепую...

Сталин заявляет, что выполнение плана зависит теперь исключительно от нас самих. Это чистейший вздор, безграмотность. Выполнение плана зависит от того, насколько правильно он составлен. Дутый план, учитывающий только одну нашу решимость его выполнить, заранее обречен рано или поздно на банкротство. Правильный план должен удовлетворять по крайней мере следующим условиям: 1) правильный и строжайший учет наличных материальных ресурсов; 2) правильный учет, соблюдение меры тех изменений и сдвигов, которые должны быть произведены в соотношениях между отдельными элементами народного хозяйства на базе систематического быстрого роста производительных сил и повышения удельного веса социалистического сектора в данный период и на данном пространстве; 3) обязательный и неуклонный реальный рост материального и культурного уровня рабочего класса и трудящихся масс.

Выполнение плана зависит не только не исключительно от нас самих, но оно в огромной степени зависит: а) от сырьевой базы, б) от снабжения рабочих продовольствием и одеждой, в) от наличия достаточного количества финансовых средств, г) от достаточного количества железнодорожного, водного и гужевого транспорта и д) от личной заинтересованности рабочих и всех трудящихся в осуществлении плана. Без этих условий всякие разговоры о выполнении плана, о воле к труду, о «нашей решимости» являются только фразой, болтовней и пусканием пыли в глаза рабочим. Но именно эти условия Сталин и затушевывает, замазывает, отвлекает от них внимание рабочих, ибо они отсутствуют. В самом деле: сырьевая база в корне подорвана, рабочие голодают (даже картофель стал дефицитным продуктом), рабочие разуты и раздеты, финансировать промышленность нечем, ибо налоги поступают слабо и платежеспособность населения подорвана до основания, гужевой транспорт почти уничтожен совершенно, личная заинтересованность рабочих и крестьян убита...

В итоге от сталинской реальности плана остается пустое место. Вместо выполнения плана — фразы о выполнении плана. Результаты 1931 хозяйственного года это и подтвердили.

Обратимся теперь к «быстрым темпам». Мы уже отметили выше, что Сталин жонглирует этими словами, как ему нравится, вкладывая в них самое различное содержание, в зависимости от того, что ему выгодно. Что такое быстрые темпы? Если не сходить с почвы марксизма и если не менять содержание понятия «быстрые темпы» в зависимости от сталинской «экономической конъюнктуры», то оно может иметь только одно-единственное содержание: более быстрый рост социалистических производительных сил, чем рост капитализма в период его расцвета. Если капиталистические страны в период расцвета давали ежегодный прирост продукции от 6 до 10%, то Советский Союз, уничтожив частную собственность на землю, экспроприировав фабрики, заводы, транспорт, имея

в своих руках все решающие экономические командные высоты, ведя плановое хозяйство и опираясь на поддержку, активность и творчество масс, имеет все возможности осуществлять более высокие темпы. Кто отрицает эту возможность, тот отрицает преимущества социалистического хозяйства, тот оппортунист.

А дальше в рамках этой принятой принципиальной установки начинается уже точный расчет и подсчет. Будет ли этот рост ежегодно равняться 12, 13, 15, 18, 20%,— это нужно доказать, во-первых, точными выкладками и подсчетом и, во-вторых, самим опытом социалистического строительства, постоянно при этом, однако, имея в виду, что быстрые темпы должны быть обеспечены не на 3—4 года, а на длительный исторический период и что они должны опираться на бескризисное развитие социалистической экономики, а также на действительный рост материального благосостояния масс. И тот, кто утверждает, что возможным темпом является 12% роста продукции в год, также мало является на основании этого оппортунистом, как и тот, кто утверждает, что можно взять темпы в 20 или 30% ежегодного роста.

Кто же сегодня 15% роста провозглашает оппортунистическим, объявляя на завтра 25%, а на следующий год — 30%, а затем начинает всю эту операцию проделывать в обратном порядке, тот издевается над ленинским учением о борьбе с оппортунизмом, тот превращает борьбу с оппортунизмом в карикатуру, в посмешище и этим самым не содействует борьбе с оппортунизмом, а лишь укрепляет его.

Теперь несколько слов о борьбе с оппортунизмом на практике. Тут Сталин побил все рекорды опошления ленинизма. Оппортунизм в хлебозаготовках, оппортунизм в самозаготовках, оппортунизм в дровозаготовках, оппортунизм в заготовке семян, оппортунизм в лесосплаве, оппортунизм в заготовке шерсти, льна, оппортунизм в уходе за лошадью, оппортунизм в очистке скотных дворов, ям, оппортунизм в работе крысоловов. Всюду оппортунизм!

Все выкрашено в одну сталинскую серую краску! Все превращены в оппортунистов! Но там, где все оппортунисты, там нет оппортунистов, там делается невозможной или, по крайней мере, гигантски затрудняется борьба с действительными оппортунистами, ибо они теряются во всей остальной массе специально сфабрикованных оппортунистов.

Мало того, когда это острое ленинское оружие борьбы с оппортунизмом начинают применять без разбору ко всем, с целью клеветы и терроризирования масс, то оно, естественно, притупляется, теряет свое прежнее значение и на него начинают смотреть просто как на средство расправы с инакомыслящими и средство для запугивания масс, во что на деле борьба с оппортунизмом в основном и выродилась в данный момент. С другой стороны, именно подлинные оппортунисты, бывшие меньшевики, эсеры особенно хорошо сумели приспособиться к современной сталинской политике и теперь выступают в виде надежной опоры Сталина. «Всякий оппортунизм отличается приспособляемостью, хотя не всякая приспособляемость есть оппортунизм*»[20] (Ленин).

Самая характерная черта оппортунистов заключается в том, что они всюду и везде прекрасно умеют приспособиться к господствующему режиму: в Англии они приспособились к конституционной монархии и являются министрами «его королевского величества» — короля Великобритании; в Германии они — верные слуги Гинденбурга [21]; в Италии они после первого окрика Муссолини переметнулись на сторону фашизма и в течение 12 лет добросовестно служат режиму кровавого фашистского террора, в Болгарии они — защитники цанковщины и ее наследников [22], в Японии они поддерживают полуфеодальную монархию и всю ее политику.

* В тексте Полного собрания сочинений В. И. Ленина эта фраза выглядит следующим образом: «Всякий оппортунист отличается приспособляемостью (но не всякая приспособляемость есть оппортунизм)». Ред.

Наши оппортунисты тоже сумели приспособиться к режиму Сталина и перекрасились в защитный цвет. И всех подлинных, самых матерых оппортунистов в настоящее время надо искать как раз в рядах правящей клики Сталина!

Гринько [23], Н. Н. Попов [24] — бывшие меньшевики, столь хорошо известные Украине, Межлаук [25] — зам. пред. ВСНХ, бывший кадет, потом меньшевик, Серебровский [26] — зам. пред. наркомтяжа*, бывший верный слуга капиталистов, Киров [27] — член Политбюро, бывший кадет и редактор кадетской газеты во Владикавказе**. Все это, можно сказать, столпы сталинского режима. И все они представляют из себя законченный тип оппортунистов. Эти люди приспособляются к любому режиму, к любой политической системе. Мы уже не говорим о сотнях и тысячах таких же «стопроцентных сталинцев» рангом пониже — о членах коллегий наркоматов, председателях объединений и трестов, о работниках аппаратов ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У и других партийных организаций.

Мало того, сталинская общая и внутрипартийная политика, рвущая с ленинизмом и в то же время с помощью террора вынуждающая всех признавать ее ленинской, заставляющая всех ежедневно каяться в своих ошибках и под угрозами менять несколько раз свои взгляды в зависимости от требований начальства,— такая политика даже из подлинных большевиков-ленинцев вырабатывает оппортунистов, ибо она вырабатывает в них основные качества всякого оппортуниста — капитулировать перед правящей силой, ведущей политику, враждебную рабочему классу и ленинизму, менять свои убеждения в зависимости от требований этой силы; короче, она заставляет превращаться большевика в беспринципного политикана.

Что имеет общего невыполнение плана хлебозаготовок по тому или иному району или даже Союзу с оппортунизмом? Невыполнение плана может объясняться самыми различными причинами: недостатком хлеба и плохим урожаем, плохой погодой, препятствующей обмолоту и возке, неуменьем заготовителей организовать дело, сопротивлением основной массы деревни продавать хлеб за низкие цены, за которые к тому же в обмен нельзя купить никаких товаров и т. д. Но для Сталина всех этих причин не существует. Для него существует только сопротивление кулачества и оппортунизм. И Сталин вынужден за весь этот вздор цепляться, ибо он не может сказать правду и дать трезвый и марксистский анализ, он вынужден аргументы заменять пустой, громкой и страшной фразой.

Затем, откуда это следует, что выколачивание из деревни последнего пуда хлеба, картофеля, экспроприация у середняка или бедняка последней коровенки или овцы, лишение крестьянина последнего фунта льна или шерсти, курицы или яйца,— является ленинизмом? Ведь эта политика подрывает в корне сырьевую базу социалистического строительства. Если ты вчера деревню во имя интересов соц. промышленности обобрал дочиста, то ты сегодня во имя тех же интересов от нее ничего не получишь, что мы и наблюдаем.

Откуда дальше следует, что насилия и издевательства над трудящимися массами деревни (не над кулаком) в целях выполнения всякого рода планов, бешеный террор,— это и есть ленинизм? Откуда, наконец, следует, что работник, не умеющий заготовлять хлеб, является оппортунистом, а работник, умеющий выполнить эту функцию, является ленинцем, выдержанным большевиком?

Можно быть превосходным заготовителем хлеба, шерсти, дров, картофеля, капусты, специалистом по травле крыс, клопов и тараканов и в то же время абсолютно не иметь ничего общего с ленинизмом. И наоборот, можно быть превосходным пролетарским революционером, сознатель-

* Так в документе. Ред.

** Характеристика политических позиций указанных в документе лиц в дооктябрьский период отражает личные взгляды М. Н. Рютина. Ред.

ным честным коммунистом, последовательным марксистом-ленинцем и никуда не годным заготовителем шерсти, картофеля, плохим конюхом или заведующим столовой. Хороший хлебозаготовитель, хороший заведующий столовой или специалист по травле крыс в коммунальных домах и хороший пролетарский революционер, коммунист — качественно совершенно различные явления. Сталин же сваливает их в одну кучу. Хороший большевик обязательно должен быть хорошим специалистом по травле крыс, и специалист по травле крыс обязательно должен быть хорошим большевиком.

Если Ромен Роллан в свое время изобрел чиновничий империализм, теократический империализм и империализм революционных рабочих синдикатов, если известный итальянский писатель Марио Мароссо написал целую книгу «об артистическом капитализме», а Эрнест Сейэр в своем четырехтомном сочинении «Философия империализма» подробно изучает «расовый империализм», «утилитарный империализм», «демократический империализм», «иррациональный империализм», если, наконец, ученики Сейэра договорились даже до муравьиного, пчелиного и древесного империализма, то Сталин изобрел целую серию оппортунистов: «Оппортунизм хлебозаготовителей», «оппортунизм шерстяной», «оппортунизм яичный», «оппортунизм в уничтожении блох и тараканов».

Вышеперечисленные буржуазные ученые и писатели качественно самые различные явления объединяли одним словом «империализм», а Сталин качественно самые различные явления объединяет одним словом «оппортунизм». Буржуазные ученые брали один чисто внешний признак и говорили: всякое проявление стремления к расширению, присущее всем живым существам, является империализмом, а по Сталину и по сталинской печати,— всякое невыполнение плана или сомнение в его реальности является оппортунизмом и квалифицируется как оппортунизм.

Изречение Ленина о том, что «всякую истину можно довести до абсурда, если ее преувеличить, если ее вывести за границу действительной применимости»[28],— на сталинской борьбе с оппортунизмом, таким образом, замечательно ярко подтверждается.

Почему, в самом деле, при Ленине не было этой карикатурной борьбы с оппортунизмом на практике? Или не было никакой практики? Или Ленин не видел оппортунизма? Или, может быть, Ленин не додумался до сталинского «изобретения»? Или, может быть, все планы выполнялись? Или не было сопротивления кулачества в период гражданской войны? Или была совершенно иная обстановка? Только потому, что Ленин был гениальный диалектик, а не софист. Он умел отличать оппортунизм от качественно иных явлений. Только потому, что Ленин был честным, гениальным вождем, а не беспринципным политиканом, занимающимся грязной стряпней. И именно поэтому ленинская борьба с оппортунизмом была победоносной.

Сталин же идет в одну дверь и попадает в другую: он мечет гром и молнии против оппортунизма, вредительства и контрреволюции и он же тащит их за собой на своей спине — такова диалектика и ирония истории. Действительная борьба с действительным оппортунизмом начнется лишь после того, как Сталин и его клика будут изгнаны со своих руководящих постов, борьба длительная, упорная и тяжелая, ибо сталинская политика, во-первых, вырабатывает многочисленные кадры подлинных оппортунистов и, во-вторых,— создала необычайно благоприятную питательную базу для оппортунизма, дискредитировав все основные принципы ленинизма. Сегодня это утверждение звучит парадоксально. Но через некоторый период оно будет ясно для всякого марксиста-ленинца.

Всякое действие, доведенное до крайности, переходит в свою собственную противоположность, говорил старик Гегель. В свою собственную противоположность превратилась и сталинская борьба с оппортунизмом.

(Продолжение следует)

Примечания:

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 304.
2. Брюнинг Генрих (1885—1970) — немецкий политический деятель, германский рейхсканцлер в 1930—1932 гг.
3. XVI съезд ВКП(б) состоялся 26 июня — 13 июля 1930 г.
4. Имеется в виду резолюция Пленума ЦК ВКП(б) (28—31 октября 1931 г.) «О развертывании советской торговли и улучшении снабжения рабочих» (см. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984, т. 5, с. 366—369).
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 221.
6. Статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов» была опубликована в «Правде» 2 марта 1930 г. (см. Сталин И. Соч., т. 12, с. 191—200).
7. См. Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина.— Полн. собр. соч., т. 42, с. 290, 286.
8. Цитируется по предисловию М. И. Ульяновой к сборнику В. И. Ленина «Письма к родным» издания 1930 г. Работа В. И. Ленина «Статистика и социология» впервые была опубликована в журнале «Большевик» в 1935 г. (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 349—356).
9. Имеется в виду Куропаткин А. Н. (1848—1925), с октября 1904 г. главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке во время русско-японской войны 1904—1905 гг.
10. «Дело Бейлиса» — судебный процесс (Киев, 1913 г.) над евреем М. Бейлисом по ложному обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика. Был организован царским правительством и черносотенцами. Вызвал протест передовой общественности в России и за рубежом; суд присяжных оправдал Бейлиса.
11. Циммервальдская конференция (1915 г., Швейцария) — международная социалистическая конференция, выступила против развязанной империалистами мировой войны и социал-шовинизма. В. И. Ленин организовал на конференции циммервальдскую левую, которой противостоял так называемый циммервальдский центр. Конференция приняла компромиссный манифест, который указывал на империалистический характер войны, но не содержал тех четких политических лозунгов, на которых настаивал В. И. Ленин.
12. Сталин И. Соч., т. 3, с. 4—8.

Кинтальская конференция (1916 г., Швейцария) приняла антивоенный манифест и другие документы, которые, хотя и не содержали ленинского лозунга о превращении войны империалистической в войну гражданскую, но включали внесенные по настоянию В. И. Ленина и циммервальдской левой призывы к всеобщей интернациональной борьбе против войны, за социализм.

13. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 38.
14. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М. 1958, с. 171—172. См. также «Известия ЦК КПСС», 1989, № 2, с. 180.
15. «Просвещение» — большевистский легальный ежемесячный журнал, издавался в Петербурге с 1911 г. Имеется в виду статья И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», опубликованная в трех номерах журнала (март, апрель и май) 1913 г. под заглавием «Национальный вопрос и социал-демократия». См. Сталин И. Соч., т. 2, с. 290—367.
16. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 46.
17. Цитата приведена произвольно. См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 237.
18. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 58.
19. Сталин И. Соч., т. 13, с. 79—80.
20. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 124.
21. Гинденбург Пауль фон (1847—1934) — немецкий военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. С 1925 г. президент Веймарской республики. В 1933 г. передал власть в руки фашистов.
22. Цанков Александр (1879—1959) — болгарский государственный и политический деятель. Один из организаторов фашистского переворота 9 июня 1923 г. В 1923—1926 гг. глава фашистского правительства. В 1926 г. стал председателем Народного собрания. В 1932 г. основал фашистскую партию Национально-социальное движение.
23. Гринько Г. Ф. (1890—1938) — член партии с 1919 г. С октября 1930 г. нарком финансов СССР. Репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии посмертно.
24. Попов Н. Н. (1891—1938) — член партии с 1919 г. В 1929—1933 гг. член редколлегии газеты «Правда». Репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии посмертно.
25. Межлаук В. И. (1893—1938) — член партии с июля 1917 г. В 1924—1931 гг. член Президиума и заместитель председателя ВСНХ СССР, начальник Главметалла, с 1931 г. первый заместитель председателя Госплана СССР. Репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии посмертно.
26. Серебровский А. П. (1884—1938) — член партии с 1903 г. С 1932 г. заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. Репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии посмертно.
27. Киров (Костриков) С. М. (1886—1934) — член партии с 1904 г. В 1909—1911, 1912—1917 гг. работал корректором, репортером, секретарем редакции частной газеты «Терек» во Владикавказе; одновременно член владикавказской организации большевистской партии. С 1926 г. первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) и горкома партии и Северо-Западного Бюро ЦК ВКП(б), с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). Убит 1 декабря 1934 г. в Смольном.
28. Цитата приведена произвольно. У В. И. Ленина говорится: «...Всякую истину, если ее сделать «чрезмерной» (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда...». См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 46.

Публикацию подготовили работники Общего отдела ЦК КПСС И. Курилов, Н. Михайлов, Ю. Мурин.

В подготовке примечаний участвовали: Н. Ковалева, В. Кочетов, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов.

3-й экз.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Информационный ежемесячный журнал

10 (309) октябрь 1990 ИЗДАВАЛИСЬ В 1919-29 гг. ВОЗОБНОВЛЕНЫ В 1989 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛ. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
102682

Редакционный совет журнала:

В. А. ИВАШКО, заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС

Б. К. ПУГО, Председатель ЦКК КПСС

А. С. ДЗАСОХОВ, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

О. С. ШЕНИН, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

Г. И. ЯНАЕВ, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

В. И. БОЛДИН, член ЦК КПСС, заведующий Общим отделом ЦК КПСС

Н. Е. КРУЧИНА, член ЦК КПСС, управляющий делами ЦК КПСС

Г. Л. СМИРНОВ, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

XXVIII СЪЕЗД КПСС: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

В КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС ПО ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, СВЯЗАННЫХ С РЕПРЕССИЯМИ, ИМЕВШИМИ МЕСТО В ПЕРИОД 30—40-х и начала 50-х годов

СТЕНОГРАММЫ, ЗАПИСИ БЕСЕД, ОТЧЕТЫ

ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ КПСС

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ «ИЗВЕСТИЙ ЦК КПСС»

ПОЧТА ЦК КПСС

ИЗ АРХИВОВ ПАРТИИ

© «Известия ЦК КПСС», 1990.

ПЛАТФОРМА «СОЮЗА МАРКСИСТОВ-ЛЕНИНЦЕВ» («ГРУППА РЮТИНА»)

СТАЛИН И КРИЗИС ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ *

6. Ленинизм и социалистическое общество.

Сталин на 16-м съезде партии заявил, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического хозяйства и уничтожения классовых различий еще далеко.

Молотов на 17-й партконференции, через полтора года после 16-го съезда, пошел уже дальше и со всей определенностью заявил, что мы уже вступили в первую фазу коммунизма, т. е. мы в настоящее время живем уже в социалистическом обществе, хотя и в начальной его стадии.

В резолюции 17-й конференции по докладам Молотова и Куйбышева эта мысль конкретизируется следующим образом: «В результате осуществления большевистских темпов социалистического строительства и ликвидации в основном паразитических классов уже в первом пятилетии ликвидируются основы и источник эксплуатации человека человеком, растет недостижимыми для капиталистических стран темпами народный доход, уничтожены безработица и нищета (пауперизм), уничтожаются «ножницы цен» и противоположность между городом и деревней, растет ** из года в год благосостояние и культурный уровень рабочих и трудящихся крестьян, падает смертность и быстро возрастает народонаселение СССР.

Все эти достижения являются результатом колоссального роста революционной активности широчайших масс рабочего класса и трудящихся крестьян, результатом громадного подъема социалистического соревнования и ударничества, наконец, результатом ленинской политики нашей партии, последовательно проводившей развернутое по всему фронту наступление на капиталистические элементы»[1].

Дальше резолюция конференции подчеркивает, что основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества.

С формальной стороны эта резолюция в общем и целом не противоречит учению Маркса и Ленина о первой фазе коммунизма (социалистическом обществе). Если бы в действительности с нашим социалистическим строительством дело обстояло именно таким образом, как утверждает резолюция 17-й конференции, мы действительно вступили бы в социалистическое общество.

Однако суть сталинской «генеральной линии» заключается в том, что она и в данном важнейшем вопросе формально как будто бы опирается на учение Маркса и Ленина, а по существу представляет издевательство над марксизмом и ленинизмом самым гнуснейшим и подлейшим дискредитированием учения наших учителей.

---

* Продолжение. Начало см. «Известия ЦК КПСС», 1990, №№ 8—9. Ред.

** В тексте резолюции XVII конференции ВКП(б) вместо слова «растет» стоит слово «растут». Ред.

Самый злейший враг коммунизма, самый гениальный провокатор не мог бы придумать ничего более лучшего, чем Сталин, провозгласивший устами Молотова, что мы уже живем в социалистическом обществе, хотя и в начальной его стадии.

Правильность всякого теоретического положения и политического утверждения должна обязательно проверяться и подкрепляться фактами, практикой, действительностью. Перейдем и мы к такой проверке.

1. Резолюция утверждает, что мы добились гигантских «успехов в социалистическом строительстве». В действительности, несмотря на постройку десятков крупных заводов по последнему слову техники и наличие ста тысяч тракторов в деревне, мы имеем подрыв самых основ социалистического строительства. Во-первых, подорвана основная производительная сила Советского Союза — сам рабочий класс и трудящиеся массы деревни: они истощены, они работают полуголодными, они разуты и раздеты. Во-вторых, подорвана в корне их платежная и покупательная способность, вследствие чего вся индустриализация повисла теперь в воздухе. В-третьих, подорвана вся сырьевая и сельскохозяйственная база промышленности.

2. Резолюция утверждает, что у нас растет недостижимыми для капиталистических стран темпами народный доход. В действительности народный доход у нас за последние четыре года падает, основной капитал страны не увеличивается, а уменьшается. Строительство новых фабрик и заводов стоимостью в 8—10 миллиардов рублей на одном полюсе связано с уничтожением основного капитала 20—30 миллиардов рублей на другом полюсе, производительность народного труда в целом не возросла, а упала.

Строительство новых фабрик и заводов идет не за счет роста народного дохода, а за счет экспроприации крупной части заработной платы рабочих — посредством всякого рода займов, налогов, членских взносов, лишения рабочих пособий, спецодежды, бешеного повышения цен и за счет экспроприации основных масс деревни.

3. Резолюция утверждает, что уничтожаются «ножницы цен». В действительности «ножницы цен» гигантски возросли. Крестьянин за свои продукты получает по нормированным ценам заготовок жалкие гроши 1 р. 50 к.— 2 р. за пуд хлеба и платит за метр ситцу также 1 р. 50 коп.

4. Резолюция утверждает, что мы ликвидировали безработицу и нищету. В действительности мы безработицу временно ликвидировали, а нищету гигантски увеличили. В настоящее время, за исключением ничтожной правящей клики и незначительного процента высокооплачиваемых рабочих и специалистов (всего 1—2 миллиона человек), все остальные 158 миллионов населения Советского Союза являются пауперами или полупауперами.

5. Резолюция утверждает, что уже в первой пятилетке уничтожается противоположность между городом и деревней. В действительности на базе общего обнищания масс города и деревни противоположность между городом и деревней не только не уменьшается, но увеличивается.

В деревне отбирается почти даром хлеб, мясо, шерсть, кожа, лен, куры, яйца и пр., все это стягивается в голодающие города и экспортируется за полцены за границу. Деревня превращена в самый худший вид колонии. Товаров в деревне нет; в то же время домотканую одежду и обувь приготовить не из чего, ибо лен, шерсть, кожа отобраны, а скот вырезан и передох от плохого ухода и отсутствия кормов.

Лапти стали остродефицитным товаром. В результате вся деревня одевается в жалкое отребье. Трудодень колхозника в среднем оплачивается 15—20 копейками, что в переводе на золотой рубль дает две-три копейки. Деревня в настоящее время представляет сплошное кладбище. Рост противоположности между городом и деревней на базе общего ухудшения положения рабочих и основной массы деревни находит,

между прочим, свое блестящее выражение в обезлюдении деревни и в бегстве всего здорового и трудоспособного населения в города. Таково сталинское уничтожение противоположности между городом и деревней. Что же касается уничтожения безработицы, то, во-первых, как мы уже подчеркнули, безработица была уничтожена за счет гигантского роста нищеты подавляющего большинства населения Советского Союза, во-вторых, в настоящее время вновь уже имеется в Советском Союзе не менее 300—400 тысяч безработных, а в ближайший период предстоит гигантский рост безработицы. Сталин скрывает начавшуюся безработицу, он будет, конечно, скрывать ее и в дальнейшем.

6. Резолюция утверждает, что растет из года в год благосостояние рабочих и трудящихся крестьян. В действительности их благосостояние за последние 4 года гигантски ухудшилось. Реальная заработная плата среднего рабочего составляет в настоящее время не более 25% от реальной заработной платы 1927 года, расходная часть бюджета середняка-крестьянина (колхозника) на свои семейные нужды в товарных рублях в настоящее время в 3—4 раза ниже, чем в 1926—1927 гг. К этому привела авантюристическая антиленинская политика Сталина. Рабочий целыми неделями не видит ни грамма мяса, масла, молока; за аршином ситца он вынужден простаивать в очередях многими часами; ни вилки, ни стакана, ни ложки негде купить. Сталин в противовес этому выдвигает дома отдыха и увеличение числа работающих в семье, но дома отдыха были и в 1927 году и работали лучше, чем теперь. Что же касается дополнительного вовлечения рабочих в производство, то оно ни в какой мере не покрывает гигантского падения реальной заработной платы и всех страданий рабочих за последние годы. Только люди, потерявшие всякий стыд, могут говорить о неуклонном росте благосостояния рабочих и трудящихся, только для издевательства над рабочими можно утверждать, что им живется теперь лучше, чем в 1926—1927 гг.

7. Резолюция утверждает, что «в сельском хозяйстве произошел коренной перелом, выразившийся в окончательном повороте к социализму бедняцко-середняцких масс деревни». В действительности крестьяне загнаны в колхозы с помощью террора, прямых и косвенных форм принуждения и насилия. Колхозы держатся исключительно на репрессиях и на том, что для крестьянина создана такая обстановка, что ему некуда податься. Отсюда производительность труда колхозника несравненно ниже, чем единоличника, и качество работы хуже.

В колхозах крестьянину благодаря сталинской политике систематического обирания деревни живется не только лучше, чем он жил раньше в индивидуальном хозяйстве, но во много раз хуже. В результате всего этого не только сто тысяч тракторов не смогут убедить деревню в преимуществах коммунального хозяйства, но и количество в несколько раз больше.

Техника должна опираться на правильную политику. Только при правильной политике техника решает все! Техника без правильной политики не решает ничего.

8. Резолюция утверждает, что мы имеем колоссальный рост активности и подъем среди рабочих и трудящихся крестьян. В действительности же мы имеем за последние годы огромное падение активности среди пролетариата и трудящихся масс деревни, необычайную затравленность, задавленность, запуганность, забитость.

Аппарат свою собственную шумиху, суетню, трескотню и бумажную запись в ударники выдает за активность масс. При господстве террора над трудящимися массами не может быть речи ни о каком действительном росте активности среди масс.

Таким образом, все заключение о том, что мы уже вступили в первую фазу коммунизма, «целиком», от начала и до конца, основано на лживых посылках и утверждениях. Все посылки оказываются выдуманными,

сфабрикованными, фальшивыми. В результате сталинское «социалистическое общество» целиком оказывается лишенным социалистического содержания.

В действительности мы в настоящее время несравненно дальше находимся от социалистического общества, чем в 1926—1927 гг. Для каждого марксиста-ленинца, который умеет отличать форму от содержания, в этом не может быть никакого сомнения.

[7.] Классы и обострение классовой борьбы.

Мы уже отметили выше, что Сталин в беседе со свердловцами в 1925 г.* выдвинул одну теорию классовой борьбы и в 1928 г.— совершенно противоположную, не отказываясь, однако, при этом от своей первой теории, а просто замалчивая ее для того, чтобы скрыть свою непоследовательность и свое политиканство.

Первая теория в основном, бесспорно, правильна и было бы бесчестным, как это делает Сталин со своими политическими противниками, только потому что эти взгляды высказал Сталин, считать их антимарксистскими, антиленинскими, оппортунистическими.

Вторая, наоборот, рвет с марксизмом-ленинизмом, рвет с материалистической диалектикой, представляет из себя софистическую подделку под ленинизм. Суть второй теории, как известно, выражена в словах Сталина: «По мере нашего продвижения вперед, к социализму**, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться»[2]. Обосновывает эту теорию Сталин просто: ни один еще отживающий класс не сходил добровольно с исторической арены. Если мы будем подрывать самые корни капиталистических элементов, если мы будем наступать на них, естественно, они будут оказывать бешеное сопротивление. Вот и вся «теоретическая база» обострения классовой борьбы. По своей методологии «теория обострения классовой борьбы» столь же механистична и антидиалектична, как и теория Бухарина с его мирным врастанием «кулацких кооперативных гнезд» в социалистическую систему[3].

В чем фальшь теории Бухарина? В том, что он механически объединяет кулацкую, капиталистическую экономику с социалистической, забывает антагонистическую природу кулацкого хозяйства по отношению к социалистическому хозяйству, игнорирует это коренное решающее отличие и заставляет в своих собственных теоретических измышлениях одну враждебную экономическую систему (уклад) врастать в другую. Кулацкое хозяйство до тех пор кулацкое, пока оно в той или иной форме основано на эксплуатации чужого труда. Его внутренняя, так сказать, органически присущая ему тенденция заключается в том, чтоб вытеснить, уничтожить, разложить все остальные, противостоящие ему экономические уклады (и в первую очередь, социалистический) и овладеть безраздельно полем борьбы.

Но такова же тенденция, динамика развития и социалистического хозяйства: оно развивается таким образом, что вытесняет, побивает, подрывает элементы капиталистической экономики и переделывает на социалистический лад простое мелкое крестьянское хозяйство; оно также стремится занять и занимает, в силу своих преимуществ, все поле борьбы.

Между кулацким хозяйством и социалистическим хозяйством при правильной ленинской политике в деревне, как это было до 1928 г. и как это должно было быть в дальнейшем, конечно, существуют не простые

---

* См. «Известия ЦК КПСС», 1990, № 8, с. 205. Ред.

** В тексте Сочинений И. В. Сталина слова «к социализму» отсутствуют. Ред.

формы классовой борьбы, а чрезвычайно сложные, своеобразные, особенные. С одной стороны, партия и пролетариат не заинтересованы в разжигании классовой борьбы с кулачеством, ибо это дезорганизует социалистическое строительство; с другой стороны, мы не можем ни на йоту затушевывать противоречия между кулачеством и пролетарской диктатурой, ибо это неизбежно повело бы к перерождению пролетарской диктатуры, к гибели пролетарской диктатуры.

Между пролетарским государством и кулачеством идет все время упорная классовая борьба, но в этой классовой борьбе, несомненно, имеются элементы (хотя и неравноценных) взаимных уступок, компромиссов, своеобразного «сотрудничества».

Пролетариат ставит своей задачей ликвидацию (но, конечно, не в теперешних сталинских формах) капиталистических элементов, но в то же время до известного предела и до известного момента он вынужден «сохранять» эти элементы, иначе оказывается невозможным, немыслимым и сама ликвидация их. «Сохранять», чтобы их ликвидировать, таковы противоречия социалистического строительства.

Бухарин увидел, заметил элементы известного, вынужденного компромисса со стороны кулачества по отношению к пролетарской диктатуре, но забыл при этом об основном противоречии между пролетариатом и капиталистическими элементами деревни. Забыл о борьбе между ними, упустил из виду, что основное, решающее во взаимоотношениях рабочего государства с кулачеством — не компромисс, а классовая борьба, хотя и в своеобразных формах.

В чем фальшь и несостоятельность теории Сталина? В том, что она по своей методологии так же механистична и антидиалектична, как и теория Бухарина, в том, что она видит лишь одни моменты, влияющие на обострение классовой борьбы, и игнорирует, скрывает, затушевывает другие, несравненно более важные, решающие, действующие в обратном направлении, ослабляющие (при правильной ленинской политике партии) силу сопротивления кулачества, изолирующие его от масс, раздробляющие и деморализующие его, вызывающие пассивность и упадок его энергии.

Сталин в одной из своих речей заявил, что не было еще в истории примера, чтоб погибающий класс без борьбы уступал свои позиции. Он будет бешено бороться, защищать с боем каждую пядь своих интересов[4]. Это верно. Но такая общая голая формула абсолютно еще ничего не доказывает, это по обыкновению пустая и «громкая» сталинская оговорка. Сталин, если он хочет апеллировать к истории для доказательства правильности своей теории, должен был бы показать, что в истории имеются примеры, доказывающие, что после того, как уже утвердилось после революции политическое господство нового класса, сопротивление умирающих классов, потерпевших в борьбе с революцией поражение, начинает возрастать и борьба с ними начинает обостряться. Такой пример был бы весьма убедительным и доказательным, но именно таких примеров Сталин и не может привести, ибо в истории их нет. Наоборот, история буржуазных революций в ряде стран дает нам классические примеры прямо противоположного порядка, когда после победы буржуазии и укрепления ее господства сила сопротивления потерпевшего поражение дворянства систематически ослабевает, и его классовая борьба с новым господствующим классом постепенно смягчается. Именно об этом свидетельствует история классической буржуазной революции во Франции, об этом же говорит и история английских революций.

Столь «любимый» рабочими и партийцами Харькова Л. М. Каганович года три тому назад, на активе в Свердловске, для оправдания сталинской теории пытался даже эксплуатировать имя Маркса. Он говорил, что еще Маркс подчеркивал: «Силы революции сплачивают силы контррево-

люции», а наши оппортунисты, дескать, этого не понимают и говорят о затухающей кривой классовой борьбы. Надо иметь, однако, наглость, чтобы таким шулерским образом использовать это выражение Маркса. Правильно ли утверждение Маркса? Бесспорно, правильно. Но Маркс, говоря о «классовой борьбе», имеет в виду период непосредственной борьбы за власть между двумя основными борющимися силами.

Пока идет вооруженная борьба за власть между силами революции и контрреволюции, пока победа окончательно не решена, силы революции действительно сплачивают силы контрреволюции. Когда же враг оказывается в открытом бою разбитым, тогда начинается прямо противоположный процесс: если побеждает контрреволюция, силы революции на долгий период ослабевают, оказываются деморализованными. Таковы последствия июньского поражения парижских рабочих[5], таковы последствия поражения Парижской коммуны, таковы последствия поражения революции 1905 г. в России. И, наоборот, если в открытом бою побеждает окончательно пролетариат, то после этого начинается период ослабления, распада, дробления и разложения сил контрреволюции. Таковы последствия победы Октябрьской революции. При этом, если после своего поражения пролетариат через некоторый период, обогащенный опытом, поднимается на борьбу с новой удесятеренной силой, ибо рост капитализма неизбежно влечет за собой развитие, рост и укрепление пролетариата, то после поражения буржуазии она в дальнейшем уже не в состоянии даже с прежними силами подняться на борьбу, ибо рост пролетариата отнюдь не означает после пролетарской революции прежнего роста буржуазии. Известный рост новой буржуазии в восстановительный период, как это имело, например, место в Сов[етском] Союзе, неизбежен, откуда, конечно, и некоторое усиление ее политической и экономической активности. Однако с переходом в реконструктивный период и этот процесс меняет свое направление.

Кагановичу до всего этого нет никакого дела; ему важно авторитетом Маркса подкрепить антимарксистскую теорию своего «патрона» и обмануть членов партии и рабочих.

Посмотрим теперь, насколько гармонирует теория Сталина с другими его утверждениями и решениями ЦК ВКП(б) за последние 3—4 года. Сталин утверждал: по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму сопротивление капиталистических элементов будет возрастать и классовая борьба будет обостряться. Но наряду с этим мы, по словам Сталина, в последние годы: а) осуществляем ликвидацию кулачества как класса и выкорчевываем корни капитализма, б) имеем укрепление союза рабочего класса с середняком, что нашло свое выражение, между прочим, и в том, что середняк окончательно повернул в сторону социализма, в) имеем подъем материального благосостояния и культурного уровня политической сознательности середняцких и бедняцких масс деревни.

Сталин не видит никакого противоречия между его теорией и утверждениями о ликвидации кулачества как класса, об улучшении материального положения середняцких и бедняцких масс, и о том, что середняк бесповоротно повернул в сторону социализма. На деле же они взаимно исключают друг друга.

В чем заключается сила кулака? Во-первых, и главным образом, в его экономической силе, дающей ему возможность экономически и политически подчинять себе отдельные группы бедноты и середняков и, во-вторых, в экономической необеспеченности, некультурности и политической отсталости масс. Кулак силен в деревне не сам по себе. Численно он представлял даже в 1927—1928 гг. ничтожную горсть населения деревни Сов[етского] Союза — не больше 5—6 процентов. Кулак силен тем влиянием, которое он оказывает на середняцкие и бедняцкие массы. Но вытеснение, а затем и ликвидация кулачества как класса означает под-

рыв экономической, а вместе с тем и политической силы кулачества, ослабление этой силы. В то же время рост материального благосостояния бедняцких и середняцких масс означает сужение экономической (а их культурный и политический рост — сужение политической) базы и сферы влияния кулачества. Рост материального уровня и политической сознательности масс бедноты и середняков, решительный поворот их в сторону коллективизации при одновременном подрыве экономических корней кулачества, знаменует политическую изоляцию кулачества, т. е. ослабление его капиталистического влияния и сопротивления. По сталинской же теории все выходит наоборот. В результате получается невероятная каша, одно противоречит другому. Правая рука не знает, что творит левая, и это выдается за ленинизм! Так обстоит дело с «усилением сопротивления кулачества».

Не лучше и «с обострением классовой борьбы по мере нашего продвижения вперед к социализму». Прежде всего обострение классовой борьбы с кулачеством и усиление сопротивления кулачества далеко не совпадают друг с другом. Сталин этого тоже не понимает.

Что такое обострение классовой борьбы? Это переход от низших форм классовой борьбы к высшим, от саботажа — к вредительству, от вредительства — к восстанию со стороны контрреволюционных элементов при диктатуре пролетариата, от экономической стачки — к политической, от политической стачки — к всеобщей массовой политической стачке; от стачки — вместе со стачкой к восстанию. Восстание есть наиболее высокая и наиболее острая форма классовой борьбы.

История показывает нам многочисленные примеры, что усиление *сопротивления одного борющегося класса другому всегда связано* с обострением классовой борьбы, но обострение классовой борьбы со стороны того или иного класса довольно часто было связано в истории с периодами, когда сопротивление этого класса ослабевало и когда переход к более высоким острым формам классовой борьбы был не выражением усиления его сопротивления, а как раз его ослабления, «последним вздохом» этого сопротивления. Таковы некоторые восстания мелкого дворянства в Западной Европе в период окончательного утверждения королевской власти, таковы последние контрреволюционные восстания во Франции в период Великой Французской революции [6], таково наше грузинское восстание в 1924 г.[7].

В отдельные моменты погибающие классы, таким образом, могут переходить к более острым формам классовой борьбы. Это возможно по ряду причин. Например, международные осложнения, интервенция, заговор отдельных групп кулачества даже при правильной политике и при господстве пролетариата. Можно ли, однако, на основании этого устанавливать закон неизбежного обострения классовой борьбы по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму? Ни в коем случае!

При правильной политике партии, при действительном укреплении союза рабочего класса с середняком и опоре на бедноту, при действительном повороте середняка к социализму, при действительном улучшении положения трудящихся масс в деревне, при росте политической сознательности основных масс деревни, при подрыве и сужении экономической базы кулачества и его политической изоляции — основной закон классовой борьбы для Советского Союза должен быть формулирован прямо *противоположным образом:* по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму сопротивление капиталистических элементов будет ослабевать, и классовая борьба будет смягчаться, постепенно затухать.

И сколько бы ни кричал Сталин и клика его «теоретиков» против этого положения, сколько бы ни выдергивали они произвольно отдельных ленинских цитат и ни истолковывали их вкривь и вкось,— они против этого положения не могут привести ни одного серьезного возражения. Теория Сталина, при кажущейся ее внешней «революционно-

сти», не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, она не имеет ничего общего и с программой Коминтерна. Программа Коминтерна по этому вопросу говорит следующее: «Таким образом, являясь уже решающей экономической силой, определяющей собою в основном все развитие экономики в СССР, социализм тем самым делает дальнейшие крупные шаги в своем развитии, систематически преодолевая затруднения, вытекающие из мелкобуржуазного характера страны и связанные периодами временного обострения классовых противоречий»[8].

Программа Коминтерна, во-первых, ни звука не говорит об усилении сопротивления капиталистических элементов и, во-вторых, она говорит лишь о периодах «временного обострения классовых противоречий», но не об обострении классовой борьбы по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму. Между программой Коминтерна и «теорией» Сталина существует явно коренное, принципиальное расхождение. Программа Коминтерна говорит о том «временном обострении классовой борьбы», о которой говорим и мы, Сталин же установил закон «усиления сопротивления капиталистических элементов и обострения классовой борьбы» на все время нашего движения по пути к социалистическому обществу. Мало того, Сталин и К⁰ запутались и изолгались настолько, что по их мнению даже в социалистическом обществе неизбежно обострение классовой борьбы. По утверждению Молотова (а значит и Сталина, ибо Молотов — это только тень Сталина), как мы видели, СССР уже живет в социалистическом обществе, хотя и в начальной стадии. Во второй пятилетке построение социалистического общества, по утверждению резолюции 17-й партконференции, гигантски продвинется вперед. Основной политической задачей второй пятилетки, говорит резолюция, является «окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще». Классы, следовательно, во второй пятилетке окончательно будут ликвидированы, классов не будет, но в то же время, как подчеркивает резолюция, и в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы (в отдельные моменты и особенно в отдельных районах, и на отдельных участках социалистической стройки). Классы «окончательно будут ликвидированы», а «классовая борьба в отдельные моменты будет обостряться». Может ли быть более пошлая, клеветническая карикатура на учение Маркса и Ленина о социалистическом обществе, может ли быть более бесстыдная подделка под гениальный и диалектический анализ Маркса и Ленина тех противоречивых черт, которые присущи первой стадии коммунизма (социалистическому обществу)!

Бесспорно, что даже подлинное социалистическое общество, а не гнусная клеветническая сталинская карикатура и издевка над ним, будет еще, как говорит Маркс, во всех отношениях — в экономическом, нравственном и умственном — носить еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло. В социалистическом обществе (первая фаза коммунизма) полного равенства еще не будет, буржуазное право отменяется еще не вполне, а отчасти и т. д. Ленин по этому поводу пишет, что остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу — и в природе, и в обществе. И Маркс не произвольно всунул кусочек «буржуазного права» в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем из недр капитализма.

Совершенно естественно, что хотя классы исчезнут, но некоторые следы, «отзвуки», отражения постепенно затухающей вместе с подходом к социалистическому обществу классовой борьбы будут чувствоваться в известный период и в социалистическом обществе. Но следы, «отзвуки», отражения классовой борьбы смешивать с обострением классовой борьбы — это значит или быть марксистски безграмотным, или политическим жуликом, или тем и другим вместе.

Некоторые присяжные, казенные защитники «генеральной линии» в защиту теории обострения классовой борьбы попробуют сослаться на

нашу советскую действительность. В действительности ведь классовая борьба обостряется? Разве это не оправдывает точку зрения Сталина?

Было бы нелепо отрицать гигантское обострение классовой борьбы в Советском Союзе. Обострение классовой борьбы приняло неслыханные размеры. Страна в течение последних трех лет кипит восстаниями. То там, то здесь, несмотря на невероятный террор по отношению к рабочему классу, вспыхивают забастовки; голод и нищета масс приняли ужасающий характер; массы членов партии, рабочих и основных слоев деревни горят возмущением и ненавистью к Сталину и его клике.

Обострение классовой борьбы налицо. Но это обострение связано не с нашим движением вперед по пути к социализму, а (несмотря на постройку ряда крупнейших заводов, как мы уже показали в другом месте) с движением назад и в сторону от социалистического общества, не с улучшением материального положения масс, а с беспримерным его ухудшением, не с ростом активности и творчества масс, не с развертыванием партийной и советской демократии, а с подавлением их активности и полным удушением партийной и советской демократии. Короче говоря, обострение классовой борьбы за последние годы является не результатом правильной политики, а, наоборот, результатом неправильной политики; оно свидетельствует не о ленинском руководстве страной, а об антиленинской, авантюристической политике. Нередко даже в период расцвета потрясались до самых основ, а порой терпели и полное крушение, восточные деспотии. Авантюристическая политика отдельных римских императоров отбрасывала неоднократно назад, на целые десятилетия, даже в период ее подъема, Римскую империю. Авантюристическая политика приводила неоднократно к крушению феодальные государства в средние века. Авантюристическая политика приводила к неудачам и поражениям некоторые буржуазные государства. Авантюристическая политика уже подорвала и может погубить и первое пролетарское государство. Авантюризм многих государственных деятелей, их тупость, бездарность, жульничество и пр. входят в конечном счете сами составной частью в общую закономерность исторического развития, но авантюризм от этого не перестает быть авантюризмом, а жульничество — жульничеством. Как руководители буржуазных государств могут вести более или менее трезвую, выдержанную политику с точки зрения их класса и могут вести политику гибельную, вредную, авантюристическую, так и руководители пролетарского государства, если они сходят с позиций ленинизма, неизбежно должны встать на путь оппортунизма или авантюризма. Последнее и случилось со Сталиным.

Посмотрим теперь в заключение на развитие теории «обострения классовой борьбы», на претворение ее в действительность. Гвоздем здесь является лозунг Сталина «Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации», т. е. переход от политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов деревни к политике ликвидации кулачества как класса.

Подлинные кулаки в своей подавляющей массе, как известно, сразу же после чрезвычайных мер начали ликвидировать свое хозяйство и удирать в города. К концу 1928 г. они в основном были уже ликвидированы как класс, некоторая, незначительная часть из них была расстреляна и посажена в тюрьмы, а основная масса разными способами устроилась рабочими на заводы, железные дороги, стройки, сторожами при складах, истопниками, дворниками, конюхами, поварами, приказчиками, счетоводами, буфетчиками и пр. Значительная часть просто устроилась пока на иждивении у своих городских родственников и близких знакомых. Но лозунг «ликвидации кулачества как класса» с особенной исключительной силой начал «претворяться» в действительность именно как раз с начала 1930 г. Естественно, что его объектом в своей подавляющей массе оказались середняки и беднота. Круг зачисленных

в кулаки, таким образом, постепенно расширился, и количество раскулаченных к началу 1932 г. в некоторых районах по отношению к общему количеству сельского населения этих пунктов достигло 30—35%. Если же сюда причислить всех индивидуально-обложенных и твердо-заданцев («твердышей»), то оно достигает в ряде районов даже 40—50%. Общее количество всего сельского населения Советского Союза, подвергшееся за последние 4 года тем или иным формам репрессий со стороны партийных и советских органов (раскулачивание, аресты, расстрелы, ссылки, твердые задания, штрафы, обыски, угроза и пр., пр.), во всяком случае, составляет не менее 40—50% всего населения деревни. При таких условиях понятно, что «сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться», ибо по существу, начиная с 1930 г., борьба шла в деревне уже не с кулаком, а с середняками и бедняками, с основными массами деревни. Именно середняки и бедняки, главным образом, оказались заключенными в «кулацкие» концентрационные лагеря; середняки и бедняки, начиная с 1930 года, составляют основной объект расстрелов и всякого рода карательных экспедиций с применением артиллерии и самолетов, середняки и бедняки составляют основную массу сосланных в северный край, Среднюю Азию, Казахстан и другие места Сов[етского] Союза.

Для того, чтоб облегчить «перечисление» из середняков и бедняков в кулаки, Сталин изобрел новые термины «кулацко-зажиточная верхушка деревни», «подкулачники» и пр., не применявшиеся до 1928 г. совершенно в партийной части и партийном лексиконе. Если до 1928 г. партийные решения, резолюции партийных комитетов, конференций, съездов (в том числе и 15-го съезда) имели дело с точным термином и понятием «кулак», то теперь этот термин был незаметно подменен крайне растяжимым и неопределенным понятием — «кулацко-зажиточная верхушка». Политическая цель термина «кулацко-зажиточная верхушка» заключалась в том, чтобы зачислить в разряд кулаков «нужное» количество середняков, а политическая цель термина «подкулачник» — в том, чтобы каждый протест середняка и бедняка против преступной политики насилий и издевательств над основными массами деревни можно было квалифицировать как протест «подкулачника», «классового врага» и расправляться с протестующим, как с «агентом» кулака.

Фабрикация кулаков из середняков и бедняков связана одновременно с самой гнусной травлей, обвинением в оппортунизме и исключением из партии местных работников, не могущих найти необходимого процента кулаков или не находящих их вовсе.

В результате такой политики тот, кто в 1929 году считался бедняком или середняком, в 1930 году оказывался кулаком или из бедняков переводился в середняки, или даже сразу в некоторых случаях в кулаки. В 1930 и 1931 гг. все эти операции повторялись снова с той только разницей, что с каждым годом они принимали все более и более гигантские размеры.

Сталин, как это свойственно бесчестному, беспринципному политикану, и здесь зачисление середняков в кулаки изображает как отдельные перегибы «на местах», как маленькие недостатки большого механизма, сваливает вину на других.

В действительности же это не «отдельные» ошибки, не «перегибы мест», а суть и результат общей политики и общей линии, результат всей системы мероприятий, одно из конкретных проявлений насилия, произвола и издевательства над трудящимися массами деревни, результат полного разрыва Сталина с принципами ленинизма вообще и с принципами ленинизма в крестьянском вопросе, в частности. Сталин еще и в настоящее время в своей печати изо дня в день трубит о сопротивлении кулачества. На деле кулаков как определенной социально-экономической категории, занимающейся в той или иной форме эксплуатацией чужого

труда, в деревне нет по крайней мере уже с конца 1929 года. Даже бывших кулаков (за исключением ничтожной горстки, которая устроилась работать в совхозах, на лесозаготовках и шатается в повстанческих отрядах или просто нищенствует в деревне) в настоящее время нет. Но Сталин не может признать этого неоспоримого факта. Он как рыба в воде нуждается в криках о кулацком сопротивлении и «оппортунистах». Для него эти крики выполняют теперь функцию, аналогичную почти той, какую выполняли крики о «жидах», «преступных агитаторах» и «внутренних врагах» для самодержавия.

Не имея возможности сказать правду о том, что вся деревня в своей основной массе находится в состоянии беспощадной и жесткой борьбы со сталинской политикой, он вынужден прикрывать эту борьбу фиговым листком «сопротивления кулачества» успехам строительства социализма.

Наконец, сталинский лозунг «ликвидации кулачества как класса» является антиленинским не только потому, что он главным своим острием направлен против середняка и бедняка. Нет, он является антиленинским в своей основе и по конкретному содержанию, и в той его части, которая действительно направлена против кулачества.

«Ликвидировать кулачество как класс» посредством полной его экспроприации, вплоть до последней его нижней рубашки, и посредством его физического истребления, к чему фактически сводится линия Сталина,— вещь по внешности чрезвычайно «р-р-революционная» и в то же время простая. Но иная простота хуже воровства. В политике часто бывает что «простое» и по внешности «революционное» средство не только не приближает к цели, а, напротив, отдаляет от нее и даже лишает возможности достичь ее совершенно. Так, например, отказ коммунистов участвовать в буржуазных парламентах или работать в реакционных (желтых) профсоюзах, как известно, не только не приблизил бы момент низвержения господства буржуазии, но, напротив, чрезвычайно сильно отдалил бы и укрепил позиции господствующих классов.

Такая же «революционность» свойственна и лозунгу «ликвидации кулачества как класса». Лозунг «ликвидации кулачества как класса» является фальшивым, беспочвенным, авантюристическим уже по одному тому, что он опирается на фальшивую, дутую основу. Официальное обоснование этого лозунга, как известно, заключается в том, что «середняк решительно во всей своей основной массе повернул к социализму»[9]. Этот поворот дает возможность осуществлять сплошную коллективизацию и на ее основе ликвидировать кулачество как класс. Фактически же, как мы знаем, этот массовый поворот «середняка к социализму» и к сплошной коллективизации является продуктом произвола, насилия и террора над середняцкими массами; середняки не вошли в колхозы добровольно, а загнаны мерами жестокого административного и экономического (прямого или косвенного) принуждения.

Но колхозы также не могут быть прочными, они не могут быть социалистическими, они вновь и вновь разваливаются десятками тысяч каждый месяц, а если еще и держатся, то на величайшем зажиме, угрозах и на том, что этим колхозникам некуда «податься». Все эти колхозы также обречены на неминуемый развал.

При общей неправильной политике Сталина в других областях из скороспелой аракчеевской стряпни и социалистической переделки крестьянского хозяйства, где нужны уменье, такт и действительные примеры действительных преимуществ действительно добровольно организованных колхозов,— из такой стряпни ничего путного получиться не может. Но если колхозы в современном их виде разваливаются и обречены на развал, то неизбежно вновь в той или иной степени развитие индивидуального крестьянского хозяйства, а вместе с тем и кулачества. И вновь та же сказка начинается сначала. Это и означает, что сталинское «усердие не по разуму» не ускоряет окончательную ликвидацию кулаче-

ства как класса и классов вообще, а, наоборот, самое меньшее,— необычайно отдаляет эту цель.

Каков же подлинно ленинский путь ликвидации кулачества как класса? Этот путь заключается (при наличии общей правильной политики партии во всех областях) в постепенном, в меру наших действительных успехов, индустриализации страны, действительной добровольной коллективизации деревни и строительства совхозов, вытеснении кулачества, подравнивании его мерами налогового порядка (а по мере надобности и прямого запрещения эксплуатации чужого труда) под середняка. Одновременно необходимо решительно бороться против кулацкой агитации, пресекая мерами ГПУ и воспитывая массы деревни в духе ленинизма, непримиримости классовых интересов кулачества с пролетарской диктатурой и социалистическим строительством. Через некоторый период такой осередняченный бывший кулак, при наличии с его стороны лояльного отношения к Советской власти и социалистическому строительству, должен естественно приниматься беспрепятственно в колхозы. Этот путь «ликвидации кулачества как класса» менее эффектен и «ррр-евлюционен». Он при поверхностных взглядах кажется более длительным, но в действительности он оказывается и несравненно более коротким и единственно правильным.

Можно не сомневаться, что свора сталинских «теоретиков», готовых по заказу своего начальства защищать и опровергать что и кого угодно, поднимут по поводу такой концепции ликвидации кулачества как класса настоящую свистопляску. Они окрестят ее «кулацкой» теорией, защитой кулачества и т. д. Так как они не в состоянии обосновать своей правоты, им остается одно — запугивать массы «страшным» словом «кулак», клеветать на противника и заниматься софистикой. Таким путем можно доказать, что Ленин — агент нэпманов, ибо он допустил развитие частного капитала в Сов[етском] Союзе, таким способом можно доказать, как это делали левые эсеры, что Ленин — агент германского империализма, ибо он заключил Брестский мир. В такой аргументации нет ни грана марксизма. Это сплошное шарлатанство и самая низкопробная гнусная демагогия, но она всегда может поймать в свои сети некоторое количество простодушных, наивных и доверчивых людей, привыкших верить, но не размышлять.

Из всего изложенного в настоящей главе сами собой вытекают следующие выводы:

1. Теория Сталина об усилении сопротивления капиталистических элементов и обострении классовой борьбы по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму является антиленинской. По своему методу она является механистической, а не диалектической, а по своему фактическому политическому содержанию она направлена на оправдание разжигания гражданской войны с основными массами деревни, дезорганизацию социалистического строительства и подрыв пролетарской диктатуры.

2. Она находится в коренном противоречии с рядом других утверждений и положений, выдвигаемых Сталиным и его ЦК.

3. Сталинский лозунг «ликвидации кулачества как класса» не может привести ни к какой действительной окончательной ликвидации кулачества, так как основа этого лозунга — «сплошная коллективизация» — построена не на действительном «повороте основных масс деревни в сторону социализма», а на прямых и косвенных формах самого свирепого принуждения крестьян вступать в колхозы. Не на улучшении их положения, а на их прямой и косвенной экспроприации и массовом обнищании.

4. Лозунг «ликвидации кулачества как класса» за последние 2—2½ года применяется фактически главным образом не к кулакам, а к середнякам и беднякам.

5. Кулаков как определенной социально-экономической категории в настоящее время в деревне нет. Есть лишь ничтожные, рассеянные остатки бывших кулаков. Крики о кулаке в настоящее время в устах Сталина — только метод терроризирования масс и метод прикрытия своего банкротства.

6. У нас происходит во всей стране и неизбежно будет происходить при настоящей политической линии гигантское обострение классовой борьбы. Целые огромные районы находятся в состоянии перманентной гражданской войны. Но это является не результатом успехов социалистического строя, а выражением подрыва и дезорганизации социалистического строительства, результатом антиленинской, авантюристической и гибельной для Советской власти политики Сталина и его руководства.

7.* Простое воспроизводство и марксизм

Запутавшись в одном вопросе и будучи не способным признать свои ошибки, Сталин вынужден эту путаницу и извращения ленинизма проводить по всей цепи политических и теоретических вопросов.

Извращения учения Маркса и Ленина мы у него находим и в вопросе о расширенном и простом воспроизводстве в мелком крестьянском хозяйстве. Мы этого вопроса вскользь коснулись, уже раньше показавши беспринципность Сталина. Теперь мы проиллюстрируем на этом вопросе еще раз его безграмотность. Напомним «теоретическое открытие» Сталина, сделанное им на конференции аграрников-марксистов. В своей речи он заявил: «Можно ли сказать, что наше мелкокрестьянское хозяйство развивается по принципу расширенного воспроизводства? Нет, нельзя этого сказать. Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно не всегда ** имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Можно ли [двигать] дальше ускоренным темпом нашу социалистическую *** индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? Нет, нельзя»[10].

Итак, сказано яснее ясного: наше мелкое крестьянское хозяйство в своей основной массе, т. е. середняцкое хозяйство, не развивается по принципу расширенного воспроизводства, мелкое крестьянское хозяйство в Советском Союзе не способно к расширенному воспроизводству. Оно или находится в состоянии застоя, или падает, деградирует.

Как Маркс ставил вопрос о простом воспроизводстве для капитализма? «Простое воспроизводство,— говорит он,— воспроизводство в неизменяющемся масштабе представляет абстракцию в том смысле, что, с одной стороны, отсутствие всякого накопления, или воспроизводства в расширенных размерах, является неправдоподобным предположением при наличности капиталистического базиса, а, с другой стороны, отношения, в которых совершается производство, в различные годы не остаются абсолютно неизменными»[11]. По Марксу, таким образом, даже при наличности капиталистического базиса простое воспроизводство является «неправдоподобным предположением». По Сталину же даже при социалистическом базисе простое воспроизводство является типичным для основной массы сельскохозяйственных производителей. Маркс, Энгельс, Ленин подчеркивают, что в сельском хозяйстве при господстве капита-

---

* Так в документе. Ред.

** В тексте Сочинений И. В. Сталина вместо слов «не всегда» стоят слова «очень редко». Ред.

*** В тексте Сочинений И. В. Сталина вместо слова «социалистическую» стоит слово «социализированную». Ред.

лизма в общем действуют те же законы развития, что и в промышленности: крупное производство имеет все преимущества перед мелким, крупное производство побивает и вытесняет мелкое производство. В сельском хозяйстве, хотя и более медленно (благодаря наличию ренты и некоторым другим второстепенным причинам), происходит тот же процесс концентрации и централизации капиталов, процесс экспроприации мелких производителей, что и в промышленности. «В той самой мере,— пишет Маркс,— в какой земледелие становится простой отраслью промышленности, капиталистическое производство водворяется и в деревне» [12].

Основная и главная тенденция капитализма «состоит в вытеснении мелкого производства крупным, и в промышленности и в земледелии» (Ленин)[13].

Все эти положения среди марксистов-ленинцев были и остаются общепризнанными. Все они бесспорны. Они подтверждены всем ходом капиталистического развития. Однако до сих пор ни одному грамотному марксисту-ленинцу не приходило еще в голову утверждать, что мелкое крестьянское хозяйство даже в условиях капитализма не способно к расширенному воспроизводству. Такое утверждение, во-первых, изобличало бы теоретическое невежество, во-вторых, оно противоречило бы фактам.

Вытеснение мелкого производства крупным, преимущества крупного производства перед мелким в сельском хозяйстве — это одно, а неспособность к расширенному воспроизводству — совершенно другое. Сталин благодаря своей теоретической ограниченности думает, что раз мелкое производство вытесняется крупным, значит оно не способно к расширенному воспроизводству. В действительности же оно вытесняется несмотря на то, что осуществляет расширенное производство. Само собою разумеется, что темп расширенного производства в мелком крестьянском хозяйстве несравненно более медленный, чем в крупном: мелкое крестьянское хозяйство ряд крупных сельскохозяйственных машин и технических усовершенствований, применяемых в крупном сельском хозяйстве, не может применить у себя совсем. Другие машины и усовершенствования оно может применить, но в очень ограниченном размере. Успехи агрономии и других близких к сельскому хозяйству наук оно также может использовать несравненно меньше, чем крупное. Но все же (хотя и в ограниченных размерах по сравнению с крупным капиталистическим хозяйством) мелкое крестьянское хозяйство пользуется и успехами агрономии, и развитием капиталистической техники. Эти решающие обстоятельства и создают основные условия для расширенного воспроизводства в мелком крестьянском хозяйстве. Применение некоторых домовых и простых сельскохозяйственных машин, переход от трехполья к многополью и к огромному хозяйству, от зерновых к техническим культурам, от мясного к молочно-масляному животноводству, к товарному свиноводству и птицеводству, плюс непосильный труд — вот та база, база весьма узкая по сравнению с крупным капиталистическим сельским хозяйством, на которую опирается расширенное воспроизводство в мелком крестьянском хозяйстве.

У марксистов спор шел с Давидом, Герцем[14] и народниками совсем не о том, что мелкое крестьянское хозяйство не способно к расширенному «воспроизводству», а о том, что в сельском хозяйстве действуют те же законы капиталистического развития, что и в индустрии, что крупное сельское хозяйство имеет все преимущества перед мелким, что мелкое крестьянское хозяйство в борьбе с крупным капиталистическим сельским хозяйством держится только на непосильном труде и истощении крестьянина. Крупное производство вытесняет мелкое, и мелкое производство в сельском хозяйстве обречено в конечном счете на исчезновение и гибель. Но ведь это же совсем не то, о чем поведал нам Сталин!

Ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у Ленина, ни у Каутского, ни у Плеханова — нигде во всей мировой марксистской литературе вы не найдете даже намека на утверждение, что мелкое крестьянское хозяйство на капиталистическом базисе не способно к расширенному воспроизводству.

Наоборот, как мы видели, Маркс утверждает прямо противоположное. Он говорит, что «отсутствие всякого накопления, или воспроизводства в расширенных размерах, является неправдоподобным предположением при наличности капиталистического базиса»[15].

Для Маркса простое воспроизводство даже в условиях капитализма является абстракцией, а по Сталину и в условиях развернутого социалистического строительства простое воспроизводство господствует в хозяйстве подавляющей массы сельского населения!

Посмотрим, что отсюда получается дальше. При капитализме, по Марксу, развитие и в мелком крестьянском хозяйстве совершается по принципу расширенного воспроизводства, при пролетарской же диктатуре, как утверждает Сталин, основная масса крестьянского хозяйства *или находится в состоянии застоя, или уменьшает свое производство.* В переводе на простой язык это означает обнищание основных масс деревни.

Решения партии и сам Сталин все время, однако, утверждали и утверждают как раз обратное. А именно: что у нас происходит неуклонное улучшение положения основных масс деревни. Как связать одно с другим? Дальше. Если при капитализме в единоличном хозяйстве основных середняцких масс деревни осуществляется расширенное воспроизводство, *а при пролетарской диктатуре и социалистическом строительстве*,— простое воспроизводство или даже отрицательное расширенное воспроизводство, то как возможно на такой почве неуклонное укрепление союза рабочего класса с крестьянством? И этакую галиматью Сталин преподносит массам как последнее слово марксизма-ленинизма! С таким безграмотным вздором могут люди выступать только тогда, когда они наперед знают, что возражать им никто не посмеет и не найдет для возражения никакой трибуны, ибо все трибуны находятся в личном распоряжении «вождя» и под надежной охраной.

Любопытно, что еще в апреле 1928 г., т. е. всего за полтора года до конференции аграрников-марксистов, он поучал Институт красной профессуры прямо противоположному. Он говорил: «Все данные говорят, что урожайность крестьянского хозяйства можно было бы поднять *в продолжение нескольких лет процентов на 15—20.* Сейчас имеется у нас в употреблении не менее 5 миллионов сох. Одна только замена их плугами могла бы дать серьезнейший прирост производства хлеба в стране. Я уже не говорю о снабжении крестьянских хозяйств известным минимумом удобрений, очищенными семенами, машинами мелкого типа и т. д. Метод контрактации, метод заключения договоров с целыми деревнями и селами на предмет снабжения их семенами и т. д. при обязательном условии получения от них соответствующего количества хлебных продуктов,— *этот метод является лучшим способом поднятия урожайности крестьянских хозяйств* и вовлечения крестьян в кооперацию. Я думаю, что при серьезной работе в этом направлении мы могли бы иметь года через 3—4 [дополнительно] не менее 100 млн. пудов нового товарного хлеба от мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств»[16].

Совершенно ясно, что Сталин здесь утверждает наличие возможностей у индивидуального крестьянского хозяйства (не только середняцкого, но и бедняцкого) для расширенного воспроизводства.

Через *полтора года он утверждает, однако, обратное.* И обе теории продолжают мирно уживаться под одной дырявой крышей сталинской последовательности и эрудиции. Теоретическая безграмотность, помноженная на беспринципность, политиканство и эклектику,— таково истин-

ное название сталинской теории «простого воспроизводства» в мелком крестьянском хозяйстве.

За антимарксистским, антиленинским содержанием сталинской теории имеется единственный политический смысл. Он заключается в подведении некоторой теоретической базы под насильственные формы коллективизации. В самом деле: если перед индивидуальным крестьянским середняцким хозяйством без превращения его в капиталистическое кулацкое хозяйство нет никаких дальнейших перспектив для расширенного воспроизводства, то индустриализация упирается в тупик, она не имеет под собой сельскохозяйственной базы. Отсюда нужно делать выбор — или всемерно форсировать коллективизацию, не останавливаясь перед свирепыми мерами прямого и косвенного принуждения и насилия (авось выгорит), или поставить крест на индустриализации и социалистическом строительстве. Авантюристическая политика требует теоретического оправдания. Для этого оправдания и состряпал Сталин выше охарактеризованную теорию.

(Продолжение следует)

Примечания:

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984, т. 5, с. 392.
2. Сталин И. Соч., т. 11, с. 171.
3. Цитируется работа Н. И. Бухарина «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (М.-Л., 1925). См. Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988, с. 184.
4. См. Сталин И. Соч., т. 11, с. 172.
5. Имеется в виду вооруженное восстание парижских рабочих 23—26 июня 1848 г.
6. Речь идет о неудачной попытке роялистского восстания в Нормандии в декабре 1793 г.
7. См. «Известия ЦК КПСС», 1990, № 8, с. 207, примечание 17-е.
8. Программа Коммунистического Интернационала была принята на VI конгрессе Коминтерна 1 сентября 1928 г. (см. Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933).
9. Произвольно цитируется резолюция XVII конференции ВКП(б) «Директивы к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)». (См. КПСС в резолюциях..., т. 5, с. 391).
10. Сталин И. Соч., т. 12, с. 145. Всесоюзная конференция аграрников-марксистов проходила 20—27 декабря 1929 г. И. В. Сталин выступил на заключительном заседании конференции 27 декабря с речью «К вопросам аграрной политики в СССР».
11. Цитируется по одному из изданий «Капитала» К. Маркса, вышедшему в свет в 20-е годы. Ср. текст во 2-м издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (т. 24, с. 444).
12. Цитируется по одному из изданий «Капитала» К. Маркса, вышедших в свет в 20-е годы. Ср. текст во 2-м издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (т. 26, ч. II, с. 57).
13. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 193.
14. Давид Эдуард и Герц Фридрих Отто выступили с критикой марксистского аграрного учения, в своих работах обосновывали устойчивость мелкого производства в земледелии и его превосходство над крупным.
15. См. примечание 11-е.
16. Сталин И. Соч., т. 11, с. 91—92. Беседа И. В. Сталина со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета состоялась 28 мая 1928 г.

Публикацию подготовили работники Общего отдела ЦК КПСС И. Курилов, Н. Михайлов, Ю. Мурин.
В подготовке примечаний участвовали: Н. Ковалева, В. Кочетов, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИЗВЕСТИЯ ЦК КПСС

Информационный ежемесячный журнал

11 (310) ноябрь 1990

ИЗДАВАЛИСЬ В 1919-29 гг. ВОЗОБНОВЛЕНЫ В 1989 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛ. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
102682

Редакционный совет журнала:

В. А. ИВАШКО, заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС

Б. К. ПУГО, Председатель ЦКК КПСС

А. С. ДЗАСОХОВ, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

О. С. ШЕНИН, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

Г. И. ЯНАЕВ, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

В. И. БОЛДИН, член ЦК КПСС, заведующий Общим отделом ЦК КПСС

Н. Е. КРУЧИНА, член ЦК КПСС, управляющий делами ЦК КПСС

Г. Л. СМИРНОВ, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ КПСС

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ «ИЗВЕСТИЙ ЦК КПСС»

ПОЧТА ЦК КПСС

ИЗ АРХИВОВ ПАРТИИ

© «Известия ЦК КПСС», 1990.

ПЛАТФОРМА «СОЮЗА МАРКСИСТОВ-ЛЕНИНЦЕВ» («ГРУППА РЮТИНА»)

СТАЛИН И КРИЗИС ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ *

8**. Оценка внутрипартийной борьбы в свете уроков истекших лет.

В течение последних 5 лет мы были свидетелями борьбы Сталина и его аппарата с двумя основными оппозициями — с оппозицией троцкистов во главе с Троцким и с оппозицией правых во главе с Бухариным. Теперь, в свете уроков истекших лет, более чем когда-либо необходимо произвести спокойную объективную оценку — в чем же каждая оппозиция ошибалась, если она ошибалась, и в чем она была права, если она в чем-либо была права?

Троцкистская оппозиция по решающим экономическим вопросам и по вопросам соотношения классовых сил в стране, как показал опыт, бесспорно ошибалась. Платформа троцкистов по вопросам политики индустриализации, политики заработной платы, налоговой политики по отношению к бедноте, с одной стороны, и кулачеству, с другой стороны, политики цен, роли и удельного веса кулачества в деревне и частного капитала в городе была явно демагогической. Вместо конкретного, трезвого марксистско-ленинского анализа мы здесь имели неоспоримое господство левой фразы, заигрывание с массами и невыполнение обещаний.

Сталин в начале 1928 года решительно начал проводить экономическую часть платформы троцкистов, о чем откровенно говорили и сами троцкисты, выдвигая это как один из решающих мотивов для возвращения в партию и поддержки новой политики. Отрицательные результаты этой политики не замедлили однако сказаться. С началом этой политики начал развиваться и экономический кризис: сокращение посевов в крестьянском хозяйстве, сокращение и уничтожение скота, рост цен, быстрое падение червонца, падение реальной заработной платы, дезорганизация в планировании, падение заинтересованности основных масс деревни в развитии своего хозяйства и пр.

Сталин, конечно, довел экономическую платформу троцкистов до абсурда, до логического конца, но это далеко не случайно: «коготок увяз, всей птичке пропасть». В «новом курсе» Сталина каждое мероприятие с неумолимой железной экономической необходимостью влекло за собой второе, третье и т. д. Здесь же не Сталин руководил событиями, а события руководили Сталиным. Падение по этой наклонной плоскости можно было остановить лишь в том случае, если решительно и бесповоротно отказаться от ошибочных, демагогических исходных положений и произвести крутой поворот. Сталин на это совершенно не способен.

Л. Д. Троцкий и троцкисты, надо полагать, оказались бы более честными и преданными делу пролетарской революции: они сумели бы вовремя заметить свои «дискуссионные» заблуждения и круто повернуть. Если же они стали бы настаивать на своих ошибках и практически проводить их в жизнь до конца, то и они неизбежно пришли бы примерно к тем же «итогам», перед которыми стоит теперь Сталин.

Совершенно иначе обстоит дело с оценкой внутрипартийного положения и роли Сталина. В этом решающем и важнейшем для судеб проле-

* Продолжение. Начало см. «Известия ЦК КПСС», 1990, №№ 8—10. Ред.
** Так в документе. Ред.

тарской революции вопросе Троцкий и троцкисты оказались в основном, наоборот, правы. Троцкий раньше других увидел те процессы внутри партии, которые уже в 1923 г. начали развиваться. Троцкий раньше других увидел и вожделения Сталина утвердить свою личную диктатуру в партии.

Когда Троцкий еще в 1924 г. в своем «Новом курсе»[1] писал, что партия живет на два этажа: «в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях», когда он говорил, что партийный аппарат, несмотря на идейный «рост партии», продолжает упорно думать и решать за нее, то партийные работники отвечали на это, что утверждения Троцкого — сплошная клевета. Кто, однако, в настоящее время, не кривя душой, может сказать, что Троцкий тогда ошибался? Но тогда, по сравнению с настоящим моментом, пульс внутрипартийной жизни бился все еще нормально, тогда по крайней мере признавали жизнь партии «на два этажа» ненормальным явлением. Спор шел только о том, есть ли налицо это ненормальное явление или нет. Теперь же жизнь на два этажа, когда «в верхнем — решают, а в нижнем — только узнают о решениях», стала не только «нормальным» явлением. К этому так все привыкли, что даже не замечают полного разрыва с принципами внутрипартийной демократии и демократического централизма при таком «двухэтажном» существовании.

Дальше Троцкий писал в своем «Новом курсе»: «Главная опасность старого курса, как он сложился в результате как больших исторических причин, так и наших ошибок, состоит в том, что он обнаруживает тенденции ко все большему противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, всей остальной партийной массе как объекту воздействия. Если бы этот режим упорно сохранялся и дальше, то он, несомненно, грозил бы в конце концов вызвать перерождение партии — притом одновременно на обоих ее полюсах, т. е. и в партийном молодняке, и в руководящих кадрах».

И этот прогноз Троцкого также в настоящее время оправдался целиком. Перерождение партии идет такими быстрыми шагами, оно уже настолько далеко зашло, что только решительные и смелые меры оперативного порядка могут спасти положение.

В этом своевременном и правильном ленинском вскрытии зародышей начавшегося незаметного перерождения партии, в страстном стремлении Троцкого вернуть партию на путь внутрипартийной демократии и здорового демократического централизма заключается огромная историческая и революционная заслуга Троцкого, которую не отнимает у него никакая клевета и никакие его прошлые ошибки.

Слабые и сильные стороны Троцкого известны. До 1917 года он не был большевиком. В борьбе с Лениным он был целиком неправ, после 1917 г. он снова делал немало ошибок. Не гений, а только крупный талант, универсально и европейски образованный; блестящий, острый, но не глубокий ум; не глубокий теоретик, а лишь несравненный по стилю, первый во всей мировой марксистской литературе публицист, склонный к красивой схеме, к яркой революционной фразе, заменяющей порой конкретный трезвый анализ; железная воля, переходящая однако порой в упрямство; яркая крупная индивидуальность; замечательный организатор, мировой трибун, искренне и глубоко преданный делу коммунизма — таков Троцкий, как вождь.

Троцкий не цельная монолитная фигура гения, как Ленин. Он страдает рядом крупных недостатков и противоречий.

И все же, несмотря на все усилия Емельянов Иловайских[2] вычеркнуть имя Троцкого из истории Октябрьской революции, он навсегда останется первым после Ленина ее вождем и трибуном, ее знаменосцем, ее творцом и организатором! С именем Ленина и Троцкого навсегда будет связано торжество пролетарской революции, ее невиданный подъем, ее

лучший героический период. С именем Сталина, в лучшем случае, будут связаны годы лихолетья пролетарской революции, годы мрачной реакции, годы величайшего опозорения учения Маркса и Ленина.

Сталин объявил сейчас троцкизм авангардом международной контрреволюционной буржуазии. Однако, во всех этих действиях и «страшных» словах бессильно обнаглевшего диктатора нет даже и тени какого-нибудь обоснования.

Контрреволюционную роль отдельные лица и целые политические группы и течения могут играть порой и тогда, когда они причисляют себя (иногда даже искренне) к лагерю революции или, по крайней мере, к лагерю защитников интересов пролетариата и трудящихся масс. История дает для этого немало примеров. Такова роль эсеров и меньшевиков в Октябрьской революции, такова роль левых эсеров и левых коммунистов, такова роль с[оциал-]демократии и, в частности, ее левого крыла. Революционные фразы нередко бывают связаны и прикрывают контрреволюционные действия и поведение. Это не подлежит сомнению. И если бы Сталин продолжал обвинять Троцкого и троцкистов в том, в чем он их обвинял в 1927 г., т. е. в том, что они объективно играют контрреволюционную роль, то такое обвинение хотя и было бы неправильным, клеветническим, но в нем все же была бы соблюдена хотя бы видимость марксистско-ленинского подхода к вопросу. Утверждение же Сталина, что троцкизм — авангард международной контрреволюционной буржуазии, просто глупо.

В самом деле, для того, чтобы быть авангардом международной контрреволюционной буржуазии, политическая партия или группа не только субъективно, но и объективно, открыто, прямо должна быть врагом коммунизма и всякого пролетарского революционного движения. В настоящее время авангардом мировой контрреволюционной буржуазии всюду является фашизм, фашистские организации.

Основные требования программы фашистов как передового отряда международной контрреволюционной буржуазии сводятся к следующему:

1) беспощадные подавления с помощью террора мирового коммунистического движения и объявление всех коммунистических партий нелегальными, 2) подавление всякого пролетарского революционного движения, 3) уничтожение парламентаризма, 4) установление единоличной диктатуры, как в Италии, Венгрии.

Троцкисты же стоят на прямо противоположной точке зрения: они борются за вооруженное низвержение буржуазии, за пролетарскую диктатуру, за коммунизм, за вооруженное подавление рабочими фашизма. Они открыто пропагандируют эти свои взгляды. Наконец, «авангард контрреволюционной буржуазии» должен быть связан соответствующими кругами буржуазии, как это имеет место у всех буржуазных политических партий, организационной и финансовой поддержкой. Троцкисты же [ни] организационно, ни экономически никаких связей ни с какой группой буржуазии не имели и не имеют.

Отныне у Сталина имеется два авангарда международной контрреволюционной буржуазии: с одной стороны, фашизм — авангард действительный, признанный решениями конгрессов, проявляющий себя в действии, и, с другой стороны, троцкизм — авангард, специально «состряпанный» Сталиным после чтения острых бичующих статей Л. Д. Троцкого, в которых последний показывает подлинное лицо Сталина. Эти два авангарда противоположны. Их программы, тактика, пропаганда, агитация, идеология, социальная база — непримиримо враждебны друг другу, но Сталин заставляет их выполнять одну и ту же функцию. Какой бы вздор Сталин ни говорил, ВКП(б) и Коминтерн возражать не смеют. Все сойдет за марксизм-ленинизм!

Сталин всякую оппозицию по отношению к его политике и руковод-

ству объявляет контрреволюционной. Между тем быть в оппозиции по отношению к его неправильной, гибельной, антипролетарской, антиленинской политике — прямая обязанность всякого честного, преданного, подлинного коммуниста и пролетария.

Обратимся теперь к группе Бухарина.

Не подлежит сомнению, что Бухарин образованнейший марксист. Но по всему складу своего ума он больше схематик и механист. В его теоретических работах, из которых некоторые («Империализм и накопление капитала», «Мировое хозяйство и империализм», «Политическая экономия рантье») являются ценнейшим вкладом в мировую марксистско-ленинскую литературу, имеется немало серьезнейших ошибок. Из этих ошибок некоторые даже являются ошибками оппортунистическими. Особенно большим количеством ошибок изобилуют его теоретические работы «Экономика переходного периода» и «Теория исторического материализма». Ошибки и слабые стороны «Экономики переходного периода» гениально вскрыты и охарактеризованы Лениным. Что же касается «Теории исторического материализма», то основной и решающий ее порок заключается в том, что она опирается на совершенно антимарксистскую, механистическую богдановскую теорию равновесия[3].

Из других теоретических оппортунистических ошибок Бухарина следует отметить его «теорию организованного капитализма» и теорию «врастания кулацких кооперативных гнезд» в систему социалистической экономики.

Правильно ли, однако, Сталин превратил Бухарина в оппортуниста? Нет, неправильно. Неправильно потому, что отдельные оппортунистические ошибки еще не делают большевика оппортунистом. Только система оппортунистических взглядов делает человека оппортунистом.

Ни один пролетарский революционер не может быть гарантирован от отдельных оппортунистических ошибок. Сталин, как мы уже отметили выше, делал в прошлом несравненно более тяжелые, грубые и вредные оппортунистические ошибки, но было бы демагогией и гнусным политиканством превращать его из-за этих отдельных, хотя и серьезнейших оппортунистических ошибок, в оппортуниста. Оппортунистов нужно изгонять из ленинской партии, а оппортунистические ошибки критиковать, устранять и исправлять.

Фальшь, нечестный подход к Бухарину, Рыкову и Томскому со стороны Сталина обнаруживается, однако, не только в этом. Беспринципное политиканство Сталина обнаруживается в том, что Сталин теоретическими и оппортунистическими ошибками Бухарина «перекрыл» и правильные взгляды бухаринской группы, фальсифицировал их, свалил все в одну кучу и превратил в законченную «систему оппортунизма».

Это обычный метод политиканов и софистов. Когда Бухарин и его группа настаивали на сохранении меры в темпах индустриализации, когда они боролись за необходимость решительно раз и навсегда покончить с «чрезвычайными мерами» в деревне, они были абсолютно правы. Ход событий полностью подтвердил их взгляды. Авантюристические темпы индустриализации, политика «чрезвычайных мер» в деревне в течение четырех лет загнали партию, рабочий класс и всю страну в невиданный тупик.

Когда Бухарин в своих «Заметках экономиста»[4] писал, что для возможно более благоприятного хода общественного воспроизводства и систематического роста социализма, а следовательно, возможно более выгодного для пролетариата соотношения классовых сил в стране — необходимо добиваться возможно более правильных сочетаний основных элементов народного хозяйства («балансировать» их, расставлять их наиболее целесообразным образом, активно воздействуя на ход экономической жизни и классовой борьбы), то он был в десятки раз более последовательным ленинцем, чем Сталин со всеми его софистическими

«фокус-покусами» о бурных темпах индустриализации, «вступлении в социалистическое общество», «улучшении положения рабочего класса» и пр.

Но если Бухарин как теоретик марксизма и ленинизма при всех его ошибках и промахах, при всей его склонности к механическому методу мышления остается крупнейшей фигурой, то как политический вождь *он оказался ниже всякой критики. Умный, но не дальновидный* человек, честный, но бесхарактерный, быстро впадающий в панику, растерянность и прострацию, не способный на серьезную и длительную политическую борьбу с серьезным политическим противником, легко поддающийся запугиванию; то увлекающийся массами, то разочаровывающийся в них, не умеющий организовать партийные массы и руководить ими, а наоборот, сам нуждающийся в постоянном и бдительном руководстве со стороны других — таков Бухарин как политический вождь.

Между тем именно в такой момент, как настоящий, когда губится дело Маркса, Энгельса, Ленина, когда Сталин под лживые крики о победах социализма вонзает нож в спину пролетарской революции,— больше чем когда-либо, прямой обязанностью всех честных подлинных вождей партии является не презренное холуйство перед Сталиным и обман масс, чем занимаются Бухарин, Радек, и даже не молчание, как это делают Рыков, Томский, Угланов и бывшие вожди троцкистской оппозиции, а новая мужественная борьба, не останавливающаяся перед исключением из ЦК, перед исключением из партии и даже перед перспективой ссылки. *Именно в этот момент подлинные вожди должны показать* себя достойными звания вождей. Не оправдываться мнимой пассивностью масс, не оправдывать свое бездействие отсутствием поддержки со стороны затравленных, задавленных, терроризированных, но ищущих руководства для борьбы со Сталиным партийцев и беспартийных рабочих, а становиться во главе их, руководить ими — такова обязанность подлинных вождей, подлинных ленинцев в настоящее время.

«Признание» своих ошибок, маневрирование в обстановке внутрипартийного террора неизбежны и необходимы, капитуляция же нетерпима и позорна. «Признать свои ошибки», чтобы через некоторое время вновь открыто выступить и еще раз показать массам, к чему привели политика и руководство Сталина, призвать массы членов партии покончить с гибельным для партии и страны руководством бесчестного диктатора — только в этом и может быть для бывших вождей оправдание «признания своих ошибок», если они хотят быть вождями и подлинными пролетарскими революционерами.

В настоящее время наступил именно такой момент, когда требуется новое открытое выступление всех бывших вождей, всех честных большевиков со своей открытой, смелой программой выхода из тупика и возвращения к ленинским принципам руководства страной пролетарской диктатуры. Иначе история навсегда пригвоздит их к позорному столбу.

10. Оценка взглядов врагов пролетарской диктатуры.

Излюбленный прием шельмования всякой оппозиции со стороны Сталина и его клики заключается обычно в ссылках на то, что враги Сов[етской] власти говорят то же, что и оппозиция, что меньшевики хвалят оппозицию, соглашаются с ней и т. д.

Такой прием всякого марксистски незрелого партийца оглушает, пугает и парализует у него всякое желание самостоятельно продумывать и решать коренные вопросы пролетарской революции. Ведь таким образом всегда можно попасть в оппозицию!

В действительности вопрос отношения к тем или иным разногласиям внутри ВКП(б) со стороны врагов пролетарской диктатуры, оценка той

или иной линии партии еще далеко не решает вопроса о правильности и самой этой линии.

Само собой разумеется, что нужно чрезвычайно внимательно прислушиваться к голосу врагов, чрезвычайно серьезно изучать их оценку того или иного шага партии, оппозиции, советского правительства или отдельных его органов.

Но враг пролетарской диктатуры иногда может говорить правду, иногда же, наоборот, по тактическим соображениям может лгать. Как в настоящей войне разбитый противник очень часто для того, чтобы приостановить разложение, разброд и панику в своих рядах, сознательно раздувает всякую малейшую неудачу и освещает в ложном свете положение противоположной стороны, так и в политической борьбе в подобных случаях прибегают нередко к таким же приемам. Или может быть такое положение: факты могут иногда констатироваться врагом правильно, выводы же из этих фактов делаются совершенно лживые, продиктованные его классовыми и политическими стремлениями. Так, например, при переходе к новой экономической политике некоторые враги Сов[етской] власти правильно отмечали, что мы, пойдя на уступки основной массе крестьянства, вместе с тем сделали известные уступки и частному капиталу. Выводы же из этих фактов, что большевики повернули назад к капитализму, оказались абсолютно неверными, лживыми, продиктованными их классовыми интересами и желаниями. Из правильных посылок очень часто, а в политике особенно, делаются неверные выводы.

Что же касается разногласий внутри коммунистической партии, то для буржуазии всякая серьезная борьба внутри партии представляет отрадное явление, ибо она связывает с этим надежды на разложение и гибель пролетарской диктатуры. Естественно поэтому, что по отношению ко всякой оппозиции внутри партии (как действительно оппортунистической, так и последовательно ленинской) она будет питать некоторые симпатии, как к открытому проявлению какого-то ненормального болезненного положения внутри партии и пролетарской диктатуры.

Если это оппозиция слева (по отношению к официальному курсу партии), то враги пролетарской диктатуры будут всегда по-своему использовать, перерабатывать аргументы оппозиции, кричать о крахе пролетарской диктатуры и в то же время критиковать самою оппозицию за утопизм и авантюризм. Смешно, однако, было бы брать эти обвинения в авантюризме за чистую монету. Для буржуазии всякая пролетарская революционная, ленинская политика — «авантюристическая политика». Буржуазия заинтересована в том, чтоб толкать партию вправо, на путь оппортунизма, а с пути оппортунизма — на путь полной реставрации капитализма. Ей выгодно даже оппортунизм выдавать за марксизм-ленинизм. Но было бы чистейшим политическим шарлатанством только на основании того, что враги пролетарской диктатуры используют те или иные аргументы оппозиции, что буржуазия проявляет некоторую радость по поводу возникновения оппозиции, утверждать, что данная оппозиция является антиленинской, не пролетарской. Наоборот, по отношению к действительно оппортунистическому руководству левая оппозиция может быть и подлинно ленинской оппозицией. Может быть, конечно, и такое положение, что официальная линия партии является подлинно оппортунистической, а в то же время оппозиция слева не сумеет занять последовательной большевистской позиции, а займет путанную позицию — по одним вопросам подлинно ленинскую, а по другим авантюристическую.

Тут возможно бесконечное количество комбинаций, вариантов и оттенков, и только конкретный марксистско-ленинский анализ может показать, права ли оппозиция, а если права, то в чем права и в чем ошибается.

Если это будет оппозиция справа по отношению к официальной

линии партии, то враги пролетарской диктатуры и тут будут всегда по-своему одобрять и использовать критику и аргументы оппозиции, «углублять» их, кричать о гибели большевизма, и в то же время критиковать оппозицию, обвинять ее в непоследовательности, в половинчатости и стараться толкать ее дальше вправо.

Значит ли это все же, что всякая оппозиция справа является обязательно оппортунистической, антиленинской оппозицией? Ни в коем случае! По отношению к последовательной ленинской политике всякая оппозиция справа внутри партии является, конечно, оппортунистической оппозицией; по отношению же к действительно авантюристической, «архилевой» официальной линии руководства оппозиция справа может быть и последовательно ленинской оппозицией; Ленин постоянно учил большевиков, что мы никогда не можем и не станем ставить лозунга быть революционнее всех. За революционностью мелкобуржуазных авантюристов, оторванных от классовой почвы и реального трезвого учета экономической и политической обстановки, щеголяющих фальшивыми псевдореволюционными фразами, настоящие ленинцы никогда не гонялись и не будут гоняться.

Может быть, конечно, и такое положение, что официальная линия партии является авантюристической, «архилевой», но в то же время и оппозиция к ней является действительно оппортунистической, правой целиком или по некоторым вопросам. Здесь также возможно бесконечное количество вариантов, оттенков и оттеночков. Практика бесконечно разнообразнее, богаче всякой формулы, всякого закона. И здесь нельзя обойтись голым общим положением, а нужен конкретный анализ.

Но все это бесконечно далеко от сталинского объявления всякой оппозиции покушением на основные принципы ленинизма. Ленинское положение «кто хоть сколько-нибудь ослабляет единство партии и ее дисциплину, особенно во время диктатуры пролетариата, тот вольно или невольно помогает буржуазии» [5], является абсолютно правильным, но это положение покоится на другом, молчаливо признаваемом условии — на правильности политики партии.

И Ленин из своего положения отнюдь не думал создавать абсолютного закона, применяемого к какой угодно политике партии и ее руководству. Ленин, наоборот, прямо подчеркивал, что без правильной политики партии, при которой массы на своем собственном опыте убеждаются в ее правильности, всякие разговоры о единстве и о дисциплине превращаются в «пустышку», в «кривляние». Именно такой пустышкой, кривлянием являются в настоящее время разговоры о единстве, ибо этого единства в настоящее время фактически нет. И никакой внутрипартийный террор этого факта скрыть не в состоянии.

Всякая, даже правильная ленинская оппозиция при господстве пролетарской диктатуры несет с собой известные опасности для пролетарской диктатуры, окруженной со всех сторон врагами, всякая оппозиция является с этой точки зрения «злом». Но при гибельной политике официального руководства, подрывающего и дискредитирующего основы ленинизма и социалистического строительства, издевающегося над правами членов партии,— это зло становится наименьшим «злом», это зло превращается в «благо», в прямую обязанность каждого честного и подлинного коммуниста.

Все наши враги были и остаются непримиримыми противниками коммунизма, но раньше для подрыва большевизма им приходилось фабриковать и выдумывать факты, теперь же Сталин и его политика доставляют им в изобилии подлинные факты, дискредитирующие пролетарскую диктатуру. Такие факты, как невероятное обнищание рабочих и крестьянских масс в результате проведения «генеральной линии», невиданное снижение реальной заработной платы, насильственная коллективизация, хлебозаготовки с помощью систематических репрессий

над середняцкими массами, голод в деревне, голод в городах, бесчисленные восстания в деревнях и пр.,— совершенно неоспоримы.

Они единодушно признаются в Советском Союзе всеми — и коммунистами, и беспартийными, и рабочими, и крестьянами, и врагами Советской власти, и ее преданными защитниками.

Эти факты отрицать невозможно, если даже они констатируются врагами пролетарской диктатуры. Факты — упрямая вещь,— говорит английская поговорка. Они кричат о себе со всех крыш по всем городам и селам Советского Союза, они торчат тысячами со страниц всех советских газет, сколько они ни стараются их скрыть, они выглядывают во все щели резолюций и постановлений ЦК и правительства.

Огромное количество фактов враги пролетарской диктатуры и коммунизма из области нашей советской действительности отмечают в общем верно. Выводы же, которые они делают из них, коренным образом расходятся с нашими взглядами.

Враги коммунизма из современной советской действительности и всей политики Сталина делают вывод о крушении марксизма-ленинизма, мы же считаем, что банкротство Сталина и его клики не есть еще крушение марксизма-ленинизма.

Политика Сталина и его эксперименты могут отбросить наше поступательное победоносное шествие на 20—30 лет назад. Можно серьезно опасаться, что Сталину удастся даже окончательно погубить Советский Союз как социалистическую республику. И все же учение Маркса — Ленина непобедимо, ибо оно верно. Ибо оно верно и последовательно вскрывает основные законы развития природы и общества. Если извращения оппортунистов 2-го Интернационала во главе с Каутским не могли погубить учения Маркса, если невиданный крах 2-го Интернационала с возникновением мировой войны не мог похоронить коммунистическое мировоззрение и метод диалектического материализма, то этой роли не удается выполнить и такому фальсификатору и «могильщику» ленинизма, как Сталин. Сталин обанкротился, а учение Маркса и Ленина, обогащенное опытом сталинского «эксперимента», после некоторой остановки поднимется еще на большую высоту и снова начнет свое поступательное победное шествие.

Враги большевизма из нашей советской действительности делают вывод о крушении самого принципа и системы пролетарской диктатуры, мы же видим в ней лишь крушение неправильной, антиленинской, авантюристической политики.

По мнению врагов коммунизма, банкротство Сталина требует ревизии учения Маркса и Ленина, мы же и в самом банкротстве сталинской политики видим только лишнее подтверждение полной правильности теории революционного марксизма. Само банкротство сталинской политики наиболее глубоко и наиболее правильно можно понять только с точки зрения ленинизма.

Отсюда для каждого большевика должно быть ясно, что все попытки Сталина на основании одного того, что мы признали правильными многие факты из нашей советской действительности, отмечаемые врагами большевизма, причислить нас к врагам ленинизма или к оппортунистам, будут обычным софистическим приемом, выдерживающим один внешний признак сходства и скрывающим коренные признаки отличия. Этим приемом ни один подлинный коммунист не должен дать себя запугать или обмануть.

Точно так же нельзя поддаваться и на запугивания партийного аппарата криками о нарушении единства партии. Ленинское единство партии нужно всемерно охранять и защищать. Сталинское же «единство» партии, основанное на терроре партийных масс и ведущее к гибели пролетарской диктатуры, необходимо не только нарушить, но и возможно скорее разрушить.

11. Кризис Коминтерна.

После характеристики Сталина, его приемов борьбы и его теоретических позиций мы можем перейти к международной обстановке и нашему внутреннему положению.

Объективные экономические предпосылки и условия для низвержения капитализма во всем мире уже давно имеются налицо. Империализм — канун мировой социалистической революции. Капиталистическая система переживает всеобщий кризис. Современный мировой экономический кризис, невиданной еще глубины и широты, развивается в рамках всеобщего кризиса капитализма и по своим особенностям является отражением и выражением общего кризиса капитализма. Существование пролетарской диктатуры на одной шестой части земного шара, несмотря на переживаемый самой пролетарской диктатурой кризис, вытекающий из чисто субъективных причин, неправильного антиленинского руководства, является наиболее ярким выражением и проявлением начавшегося распада и краха капиталистического общества.

Материальные предпосылки для победы социализма во всех капиталистических странах имеются налицо. Не хватает субъективных предпосылок и, прежде всего, массового влияния руководства этих партий пролетарскими и мелкобуржуазными трудящимися массами города и деревни, не хватает кадров, достаточно многочисленного теоретически зрелого, закаленного, выдержанного актива, наконец, не хватает кадров авторитетных, с широким марксистско-ленинским кругозором и основательным теоретическим багажом, умеющих самостоятельно ставить и разрешать как общие теоретические вопросы, так и вопросы стратегии и тактики классовой борьбы вождей.

При таких условиях правильное руководство Коминтерном для судеб мировой пролетарской революции имеет решающее значение. Между тем на деле мы имеем картину прямо противоположного порядка. Руководство Коминтерном за последние годы носит такой характер, оно приняло такие формы, что об укреплении позиций Коминтерна не может быть и речи. Наоборот, Коминтерн переживает в настоящее время несомненный кризис. Этот кризис выражается в следующем:

1. Коминтерн из штаба мировой пролетарской революции, чем он на деле был под руководством Ленина, Зиновьева и до некоторой степени даже под руководством Бухарина, превратился после разгрома всех оппозиций и соратников Ленина, после утверждения личной диктатуры Сталина в ВКП[(б)] и Коминтерне просто в канцелярию Сталина по делам компартий.

Если Людовик XIV говорил «Франция — это я», то Сталин теперь с такой же уверенностью говорит: «Коминтерн — это я».

2. При Ленине и при Зиновьеве в руководящем ядре Коминтерна работали подлинные вожди, каждый из которых самостоятельно и смело ставил коренные теоретические и политические вопросы, не боясь ложных обвинений в уклонах, не опасаясь, что за допущенные ошибки его будут шельмовать и оплевывать, а зная наперед, что его лишь товарищески поправят. В руководящем ядре Коминтерна постоянно билась живая творческая большевистская мысль. Никто не боялся возражать Ленину или Зиновьеву, ибо они боролись с ошибками силой аргумента, а не аргументом силы. В настоящее время, наоборот, в Коминтерне нет вождей, а есть лишь исполнительные чиновники, боящиеся проронить лишнее слово, высказать самостоятельную смелую мысль, постоянно оглядывающиеся на мстительного и не разбирающегося в средствах борьбы начальника. Даже некоторые бывшие подлинные вожди, пройдя за последние годы курс сталинской учебы, превратились в простых сталинских холопов, в героев «чего изволите».

3. В теоретической области в Коминтерне мы имеем за последние годы

полное оскудение, на философском фронте и в области теоретической экономии — настоящая аравийская пустыня. Нет ни одной работы, ни философской, ни по политической экономии, ни по другим общественным наукам, достойной упоминания. Вся теоретическая мудрость последнего времени воплощена для Коминтерна в безграмотной, тупой, лживой статье Сталина — письме в редакцию «Пролетарской революции»[6]. Весь диалектический материализм уложен им в прокрустово ложе «шести условий»[7].

Сталин теперь является для Коминтерна официально непогрешимым папой. Но не потому, что компартии считают его действительно авторитетом в области теории марксизма-ленинизма, а, наоборот, несмотря на то, что все, видя его теоретическое и идейное убожество, не в силу его права, а в силу его силы, не из доверия к нему, а из боязни перед ним. Всех руководящих работников Коминтерна не только в Москве, но и на местах, Сталин держит крепко в руках прямой и косвенной материальной зависимостью, и это решающий аргумент для утверждения его «теоретической» непобедимости.

Но такое противоречие между словами и действительностью, между заявлениями и внутренними убеждениями, такое низведение марксизма-ленинизма до уровня плоской аналогистики, произвола и различных политических ходов и комбинаций Сталина не может содействовать теоретическому росту членов партии и всего актива Коминтерна, не может помогать укреплению дисциплины и сплоченности компартий, их количественному и качественному росту.

4. Кризис Коминтерна находит свое начало, как видно уже из предыдущего, в кризисе ВКП(б), руководящей секции Коминтерна, о чем мы более подробно будем говорить дальше. Без преодоления кризиса в ВКП(б) нельзя рассчитывать и на преодоление кризиса Коминтерна. Противоречивость положения руководящих центров всех компартий заключается в том, что они вынуждены обманывать своих членов партии и рабочих о действительном положении в ВКП(б) и о действительном положении Советского Союза. Они вынуждены выдавать за правду то, что пишут в советских газетах, о чем кричат в постановлениях и воззваниях. Но факты о действительном положении в СССР все же просачиваются и в партийные, и в рабочие массы. Некоторые рабочие сами попадают в Советский Союз и имеют возможность видеть всю лживость утверждений Сталина об улучшении положения масс, росте их активности, повороте середняка в сторону социализма, вступлении СССР в социалистическое общество и пр., другие вылавливают эти факты, хотя и в искаженном виде, из буржуазной печати, третьи, достаточно вдумчивые, кризисное состояние ВКП(б) и СССР видят даже из того материала, который доставляет им их собственная коммунистическая печать.

В результате всего этого — пассивность, разброд, разочарование и рост выходов из компартий.

5. Запутавшись безнадежно во внутренней политике СССР, зайдя в безвыходный тупик, превратив политику ВКП(б) в политику трюков и беспринципных шахматных ходов, Сталин эту же линию вынужден проводить и во внешней политике. При этом авантюризм во внутренней политике он вынужден компенсировать в ряде случаев подлинным оппортунизмом во внешней политике. Образцом такой подлинно оппортунистической, изменнической линии Сталина в Коминтерне может служить позиция ВКП(б) и Коминтерна по отношению к империалистическому грабительскому нападению Японии на Шанхай[8].

В самом деле, раньше, как известно, самое мелкое нападение империалистов на какие-нибудь народы и племена Африки или Азии, самая незначительная опасность нападения империалистов на Советский Союз сейчас же влекли за собой бурную кампанию Коминтерна и ВКП(б) против этого нападения и против этой угрозы. Тотчас же выпускались

воззвания Коминтерна, устраивались массовые демонстрации протеста по всему Советскому Союзу, созывались собрания рабочих по заводам и фабрикам, газеты заполнялись пламенными резолюциями протеста и т. д. Такая политика Коминтерна и ВКП(б) была понятна и ясна каждому рабочему и каждому коммунисту.

Теперь картина совершенно обратная. Нападение японцев на Шанхай — мировой пролетарский центр имеет всемирно-историческое значение. Убиты самым зверским (безусловно) образом тысячи пролетариев, тысячи и десятки тысяч их жен и детей, уничтожены величайшие культурные ценности, уничтожены библиотеки. И Коминтерн молчит как рыба! Ни одного воззвания к пролетариям и народам всего мира! Никакой открытой позиции, которая бы была ясна и понятна массам! Сталин может сослаться на то, что отдельные компартии, за исключением ВКП(б), выпускали воззвания и выносили на собраниях резолюции протеста. Но разряженные выступления отдельных компартий — это еще не выступления Коминтерна.

Выступления отдельных компартий не могут заменить выступления Коминтерна, его руководящего центра. Почему Коминтерн не показал своего отношения к этому важнейшему историческому событию, почему Коминтерн таинственно молчит? Почему не проведено ни одного собрания рабочих СССР? Почему не напечатано ни одной резолюции протеста в газетах?

Потому, что внутреннее положение Советского Союза вынуждает Сталина вести в ряде случаев оппортунистическую внешнюю политику, что и находит свое отражение в отсутствии по этому вопросу у Коминтерна и ВКП(б) открытой и понятной массам позиции. Сталин по этому вопросу делает таинственное лицо и изображает свою линию, как очередное проявление его мудрости. В действительности мы здесь имеем перед собой только очередной трюк беспринципного политикана, не больше.

Затем, на Дальнем Востоке надвигается военная гроза. По всей стране ползут и ширятся слухи о надвигающейся войне. А Коминтерн снова молчит как рыба! Снова ни одного воззвания. Снова никакой ясной позиции ЦК ВКП(б). Наоборот, и здесь, вместо ясно выраженной и подробной характеристики данного положения вещей, новый трюк — передовая в «Известиях», наполненная неясностями [9]. На другой день перепечатка передовой «Известий» «Правдой» (небывалое явление) и другими газетами, что должно подчеркнуть какой-то особый тайный и важный политический смысл этой передовой. И снова массы в недоумении, снова бродят в потемках.

Происходит какая-то таинственная шахматная игра. Не исключено, что и здесь Сталин перекинется от оппортунизма к авантюризму.

Но если Коминтерн в своей политике последовательную и принципиальную позицию, понятную и близкую массам, подменяет дипломатическими комбинациями, то это может свидетельствовать только о необычайном падении роли Коминтерна и о его кризисе.

Наиболее яркое и наглядное выражение кризис Коминтерна за последние годы находит в гигантском уменьшении численности компартий при остановке роста и влияния на рабочие массы. Прекращение роста влияния компартий на рабочие массы особенно ярко показали выборы в английский, германский парламент и выборы президента в Германии. Что же касается падения численности компартий, то оно видно из следующей таблички:

	1928 г.	1931 г.
Англия	3 500	3 200
Франция	55 000	35 000
Германия	130 000	265 000
Америка	11 700	10 000
Чехо-Словакия	110 000	45 000

За исключением Германии — всюду падение. Чем это объясняется? Удовлетворительное объяснение можно найти только в кризисе компартий и кризисе Коминтерна. Одной очисткой от оппортунистических элементов (а в коммунистических партиях капиталистических стран и теперь еще имеется немало подлинных оппортунистов) такого явления объяснить нельзя. Наоборот, очистка от оппортунистов при правильном руководстве должна была бы содействовать быстрому росту и усилению влияния в массах. Фактически же мы видим и уменьшение компартий и ослабление их влияния.

Кризис Коминтерна находится, однако, только еще в начальной стадии. Компартии должны в себе найти силы и радикально покончить в ближайшее же время с политикой Сталина и его руководством. Они должны возвратить Коминтерн на ленинский путь. В противном случае рост кризиса грозит неисчислимыми тяжелыми последствиями для всего мирового пролетарского революционного движения на длительный период.

12. Кризис пролетарской диктатуры.

I. Экономический кризис.

Партия и пролетарская диктатура переживает глубочайший кризис. Этот кризис является универсальным, всеобщим. Он находит свое выражение и проявление: во-первых, в экономическом кризисе, охватывающем как социалистическую экономику, так и единоличное крестьянское хозяйство, во-вторых, в гигантском кризисе ВКП(б), и, в-третьих, в кризисе всего механизма пролетарской диктатуры и ее приводных ремней (Советы, профсоюзы, кооперация, печать и пр.).

При обычных нормальных условиях статистика служит важнейшим орудием для познания процессов состояния экономики. Для социалистического строительства статистика является незаменимым орудием планирования. Без добросовестного и строжайшего отношения к составлению отчетных статистических данных и плановых статистических предположений не может быть планового социалистического строительства, не может быть нормального, в основном бескризисного, социалистического развития. Социализм — это учет,— говорил Ленин.

Но в настоящее время сталинской статистике доверять может только безнадежный идиот. «Сталинская статистика» служит не для обоснования истины, а для прикрытия ее, для обмана масс. В будущем статистиками-марксистами и историками несомненно будут написаны целые научные труды о том, как Сталин с помощью своей «статистики» надувал массы членов партии и рабочих насчет своих темпов.

Существует английская шутка, что статистикой можно доказать все, что угодно. Для Сталина эта шутка превратилась, однако, в настоящую максиму, принцип руководства при освещении «успехов» соцстроительства статистическими данными.

Теперь Сталин в газетах начинает везде кричать об очковтирательстве местных работников. Очковтирательство районных работников в статистических данных о посевных площадях под хлопком, льном, пшеницей, обман в статистических данных по засыпке семфондов, очковтирательство заводов в выполнении промфинпланов. Всюду очковтирательство и обман! И снова районные работники и директора виноваты. Поистине козлы отпущения и мальчики для битья! Почему, однако, 5—6 лет тому назад не было этого очковтирательства, почему оно стало массовым, типичным, характерным явлением лишь в последние годы? Потому, что вся политика Сталина — сплошное очковтирательство, сплошной обман масс. Политика дутых темпов и дутых планов с обязательным требованием их выполнения и перевыполнения, политика крикливых и лживых реляций о победах, находящаяся в кричащем противоречии с действительностью, неизбежно связана с лживыми статистическими сведения-

ми. Отцом, шефом и творцом очковтирательства во всех его формах является Сталин и только он. Очковтирательство, его развитие шло не снизу вверх, а сверху вниз. Местные работники были только исполнителями и маленькими винтиками во всей механике обмана.

Теперь же, когда «бумеранг» сталинского надувательства возвращается обратно и поражает самого «творца», он начинает кричать об очковтирательстве и обмане партии местными работниками. Это, что называется, свалить с больной головы на здоровую. Возвращаясь к статистике, можно сказать, во всяком случае со всей определенностью, что сталинской статистикой можно пользоваться лишь крайне осторожно и то в качестве подсобного материала для того, чтобы установить действительную картину экономики.

Выводы нам придется делать лишь на основании многочисленных наблюдений и показаний очевидцев и соответствующей обработки их, что сможет, в известной степени, заменить метод выборочного статистического обследования.

Основной и характерной чертой экономического кризиса является, во-первых, уменьшение основного капитала страны, несмотря на постройку десятков крупнейших заводов.

Основной капитал страны в 1927 г. (тогда статистика была еще верна), по данным Госплана, равнялся 61 миллиарду рублей. Из них на долю промышленности и транспорта приходилось 21 миллиард рублей; городские жилищные постройки — 14 миллиардов рублей; все сельские постройки — 14 миллиардов рублей; весь скот — 9 миллиардов рублей и прочий сельскохозяйственный инвентарь — 3 миллиарда рублей.

За это время в ценах 1927 года капитальные вложения составляют примерно 9 миллиардов, из них основных — не более 7 миллиардов, а остальные находятся в постройке или законсервированы в начатых, но приостановленных строительствах. Основной капитал промышленности составляет теперь, таким образом, 28 миллиардов. В новое городское жилищное строительство с 1927 года (в ценах 1927 года) вложено около 2 миллиардов рублей; но в то же время старый жилищный фонд в тысячах уездных, заштатных и десятках крупных городов (за исключением небольшой части таких городов, как Москва, Ленинград, Харьков) совершенно не ремонтировался, а, наоборот, шло необычайно быстро его разрушение. Если принять во внимание, что этот фонд состоит в весьма значительной части из деревянных строений, требующих частого и тщательного ремонта, то расходы на амортизацию должны составлять не менее 3—3,5% ежегодно, что составляет за 4 года (1928—1931 гг.) те же 2 миллиарда. Жилищный фонд городов в ценностном выражении остается, следовательно, без изменения. Зато основной капитал деревни гигантски уменьшается. Жилищный фонд деревни и другие строения за последние 4 года разрушены не менее, чем на 30%. От 14 миллиардов это составляет 4,2 миллиарда. На все же строительство колхозов в лучшем случае падает 200 млн. рублей. Сельскохозяйственный инвентарь, телеги, сани, сбруя, плуги разрушены, поломаны, растеряны, порваны не менее, чем на 50%. Это составляет 1,5 миллиарда рублей. Наконец, количество скота по общим утверждениям всех добросовестных наблюдателей, в результате принудительной коллективизации, за все время авантюристической, антиленинской политики в деревне уменьшилось: лошадей на 70%, коров на 10%, свиней и овец на 85—90%, кур на 70—80%. В среднем сокращение животноводства мы имеем не менее чем на 70%. Это составляет 6,3 миллиарда рублей. Этому мы можем противопоставить лишь 100 тыс. тракторов, что при стоимости трактора в 2 тыс. руб. дает всего 200 миллионов. Если даже сюда на остальные сельскохозяйственные машины, приобретенные деревней за последние годы (а их покупка почти приостановилась), прибавить еще 300 млн. рублей, то и тогда все вместе составит 500 млн. рублей. Все же остается минус 5,5 миллиардов рублей.

В итоге основной капитал деревни в настоящее время составляет вместо 26 млрд. рублей всего 14 млрд. рублей (9,8 млрд. руб. строения, 1,5 млрд. руб. инвентарь, плюс 2,7 млрд. руб. животноводство). Основной капитал страны составляет, таким образом, в данное время: 28 млрд. руб. промышленность и транспорт, 14 млрд. руб. городской жилищный фонд и 14 млрд. руб. сельское хозяйство — итого 56,5 млрд. рублей. Против 61 млрд. рублей в 1927 г., т. е. в общем и целом мы имеем уменьшение основного капитала страны за 4 последних года на 5 миллиардов рублей, или на 8,5%.

Основной капитал промышленности за последние 4 года возрос на 30%, зато основной капитал сельского хозяйства уменьшился почти на 45%.

Но наряду с уменьшением основного капитала страны гигантски уменьшился и ее оборотный капитал: уменьшение запасов золота, продовольствия, одежды, мебели, запасов сырья для промышленности и пр. достигает также не менее 10 миллиардов рублей. Мы живем в настоящее время буквально без всяких запасов, без всяких резервов со дня на день! Как проигравшийся игрок шарит, выискивает в кармане последний пятак, чтобы поставить последнюю ставку, так Сталин и его клика выколачивают из населения последние драгоценности, последние золотые кресты, кольца. Продают за границей, выручая гроши, драгоценные картины, ковры, ценные антикварные безделушки во избежание банкротства сегодня, но только затем, чтоб перед тем же роковым вопросом стать завтра.

Основной и оборотный капитал страны уменьшился, таким образом, не меньше чем на 17—20 миллиардов рублей, сельскохозяйственная база промышленности в корне подорвана, индустриализация — в воздухе. Таковы подлинные, реальные результаты сталинского руководства социалистическим строительством.

Наша промышленность, несмотря на то, что ее основной капитал возрос на 30%, в связи с подрывом сырьевой и финансовой налоговой базы индустриализации также переживает глубочайший кризис. В резолюции 17-й всесоюзной партконференции говорится, что продукция всей социалистической промышленности составила в 1931 г. 27 миллиардов рублей, что дает 21% прироста к 1930 г. [10]. Посмотрим, верна ли цифра 27 миллиардов рублей и верны ли эти проценты.

Сопоставим эти цифры с данными Молотова, приведенными им на 15-м партсъезде.

Молотов в своем докладе в марте 1931 года на 6-м съезде Советов говорил: «Рост промышленности ВСНХ за два года обеспечил повышение валовой продукции с 9,5 до 15,6 миллиарда рублей, т. е. на 64% против 41%, предусмотренных по плану пятилетки» [11].

Итак, во втором году пятилетки продукция промышленности ВСНХ в ценах 1926—27 гг. составляла 15,6 млрд. руб. В третьем (1931 г.) «решающем» году пятилетки мы имеем согласно резолюции 17-й партконференции увеличение продукции на 21% по отношению к предыдущему году.

Двадцать один процент по отношению к 15,6 млрд. руб. составляет 3,3 млрд. руб. Итого [к] концу 1931 года мы имеем в ценах 1926—27 года 18,9 млрд. руб. Откуда же взялись 27 миллиардов рублей? Совершенно очевидно, что исчисление велось не в ценах 1926—1927 года, а в ценах 1931 г. Но вести исчисление в ценах 1931 года при бешеном падении стоимости червонца и не говорить об этом в резолюции ни звука — это значит, во-первых, оглушать цифрами, заниматься надувательством и очковтирательством, в чем сталинская клика обвиняет низовых работников, во-вторых, вести исчисление стоимости в повышающихся беспрерывно ценах 1931 года — это означает не дать никакого действительного определения размеров роста продукции. Уже этот статистический трюк Сталина

и компании сам по себе говорит, что нужно было во что бы то ни стало натянуть хотя бы до 20% повышения.

Итак, мы имеем явное статистическое мошенничество сверху. Но оно, кроме того, дополняется поступлением фальсифицированных, преувеличенных данных непосредственно от заводов, ибо за невыполнение плана снимали с работы, отдавали под суд, обвиняли в оппортунизме и т. д. Не случайно теперь сталинские газеты кричат об очковтирательстве многих предприятий и директоров. Сюда нужно присоединить гигантское ухудшение качества продукции при повышающихся расценках. В переводе всей современной продукции хотя бы только на качество продукции 1926—1927 гг. это должно дать снижение действительной стоимости продукции по крайней мере на 30—40%. Затем сюда нужно добавить огромный рост себестоимости продукции, благодаря гигантским простоям промышленности, растущим из года в год из-за недостатка сырья и дутого планирования. Наконец, сталинская статистика игнорирует, что четыре года тому назад кустарная промышленность также производила значительный процент промышленной продукции, входившей в общий промышленный и торговый оборот страны. В настоящий же момент мы имеем сокращение продукции кустарной промышленности по крайней мере на 35%.

В результате всех этих «поправочных» коэффициентов мы в 1931 г. в общем и целом не только не имели действительного роста производства, но, наоборот, имели бесспорное снижение. В самом деле, металл (даже по официальным данным) дал повышение всего на 6% за год, уголь — 11%, транспорт дал снижение, сахарная промышленность — снижение, химия — ничтожный прирост. Что же касается основных отраслей легкой индустрии, то текстильная промышленность работала исключительно, главным образом, на суррогатах и производила (только для счета) настоящий хлам, кожевенная промышленность на три четверти производила брак и суррогаты, пищевая, торговая, швейная и пр. дают опять-таки аналогичную картину.

Если итоги 1931 года, со всеми вышеперечисленными поправочными коэффициентами, добросовестно сравнить даже с итогами 1927—1928 гг., то тяжелая промышленность нам даст за этот период рост, легкая же промышленность даст, безусловно, снижение.

В 1931 г. наша промышленность работала в целом с нагрузкой в 50—60%, не больше. Сотни тысяч предприятий и цехов работали с огромными перебоями и простоями из-за недостатка сырья, тысячи предприятий целыми месяцами совершенно стояли.

В настоящее время положение не улучшается, а ухудшается. За исключением угля, металла, автомобилей и тракторов, давших скачок в последние месяцы 1931 года и теперь остановившихся на этой точке (190 тонн суточная добыча угля, 15 тыс.— чугуна и 15—16 тыс.— стали), остальные отрасли промышленности даже по отношению к 1931 году дают снижение продукции или стабильное состояние. Сырья нет, необходимых импортных полуфабрикатов нет, оборотных средств нет, хозрасчет в условиях общей анархии хозяйственной жизни из мощного рычага стимулирования производства превратился в оружие дальнейшей дезорганизации.

Реальная зарплата рабочего по отношению к 1926—1927 году составляет, бесспорно, не более 25%. С выплатой заработной платы в провинции нередко опаздывают на несколько месяцев, питание рабочих невиданно скверное, спецодежды нет. При таких условиях немыслимо и думать о высокой производительности труда рабочих. Голодный, нищий, поставленный в бесправное положение рабочий не может дать высокой производительности труда, даже при наличии всех прочих благоприятных условий.

В дальнейшем перспективы для промышленности еще более мрачны.

Сырья в связи с катастрофическим положением сельского хозяйства и отсутствием валюты для покупки его за границей будет еще меньше, финансирование промышленности, в связи с полным подрывом платежеспособности рабочих и крестьянских масс, будет при всех условиях ухудшаться. Уже в настоящее время в скрытом виде по Советскому Союзу имеется не менее 400—500 тыс. безработных (Сталин это мошеннически образом скрывает и будет скрывать, ибо он ведь безработицу ликвидировал). В течение ближайших 1—2 лет безработица охватит не менее 2—2,5 млн. рабочих, ибо сырья на фабриках не будет, и платить рабочим будет совершенно нечем. На инфляции далеко не уедешь, ибо чем больше используют ее сегодня, тем сильнее она дает отдачу завтра. Совершенно неизбежно дальнейшее падение реальной заработной платы рабочих, ухудшение их питания, падение их жизненного уровня и их обнищание.

Что касается капитального строительства, то если даже принято, что действительно будет в 1932 году израсходовано 12 миллиардов рублей, то и тогда в ценах 1926—1927 года это составляет не более 2 млрд. рублей. В действительности же эта цифра просто предназначена для пускания простакам пыли в глаза, ибо под ней нет никакой реальной базы — ни соответствующего поступления средств по бюджету, ни соответствующих доходов промышленности. В какой части будет фактически выполнен вышеприведенный дутый план,— сказать трудно. Но уже сейчас на миллиарды рублей строительства законсервированы. Перспективы экономического положения и «динамика» его развития во всяком случае таковы, что в ближайшие два года абсолютно неизбежно полное прекращение капитального строительства, ибо ни налогово-финансовой, ни сырьевой, ни сбытовой, ни импортно-экспортной базы для этого не будет. Сталинская авантюристическая политика по неумолимому закону диалектики приводит, таким образом, к прямо противоположным результатам. И здесь «крайности сходятся». Чрезмерная авантюристическая индустриализация приводит к таким же результатам, как и оппортунистическое игнорирование индустриализации.

Но если таковы перспективы промышленности, то еще более катастрофичны перспективы сельского хозяйства. Основной капитал сельского хозяйства, как мы уже увидели, уменьшился не меньше чем на 45%, оборотный капитал сельского хозяйства (продовольственные запасы для себя и корм для скота, семенной материал, одежда и пр.) уменьшился еще больше — процентов на 60—70. Совхозы, которым при правильной политике и постепенном органическом их росте принадлежит блестящее будущее, превратились в карикатуру и издевательство над социалистическим строительством. Все совхозы стали дефицитными. В зерновых совхозах до 20% урожая оказалось даже не убранным с поля. Уборка урожая 1931 года за отсутствием рабочей силы проводилась в весьма значительной части раскулаченными и мобилизованными в порядке трудповинности колхозниками и единоличниками. Подготовки к севу 1932 года по существу нет. Семян не хватает, инвентарь не отремонтирован или отремонтирован плохо, кормов нет, постоянные рабочие и специалисты из-за голода разбежались, заработок рабочим и колхозникам не выплачен еще за осенние полевые работы, оборотных средств нет. Что будет посеяно ныне в совхозах и как будет посеяно — ясно без комментариев. Сталин и здесь мошеннически, с цинизмом вину сваливает на работников совхозов.

В действительности виноваты не совхозы, а Сталин и его клика, их авантюристическая политика и руководство.

Еще хуже положение в животноводческих совхозах. Сталин кричит о гигантском росте стада совхозов, но при этом по обыкновению замалчивает, что это стадо создано просто отбиранием у колхозников и единоличников за 1/5, 1/6 действительной стоимости их коров, свиней и овец.

Результаты такой потемкинской административной бюрократической стряпни животноводческих совхозов налицо.

В прошлом году в животноводческих совхозах погибло не менее 20% всего стада и около 70% приплода, в нынешнем году в общем такая же картина, хотя она скрывается. Кормов в животноводческих совхозах не хватает, а в значительной части совершенно нет, семян к весеннему севу не хватает на 50%. Уход за скотом плохой, ибо, как правило, заинтересованности у рабочих никакой, помещений нет. Вместо демонстрирования преимуществ социалистического крупного сельского хозяйства получилось его дискредитирование, насмешка над ним.

Совершенно очевидно, что все совхозы в своей большой части, в их *настоящей форме при настоящей политике и при полном расстройстве* всей экономики страны обречены в ближайшие 2—3 года неизбежно на развал. Никакие репрессии по отношению к руководителям совхозов, никакие бюрократические усилия не помогут. Под ними нет ни экономической основы (доходность), ни финансовой (отсутствие средств для дальнейшего их субсидирования).

В колхозном секторе — картина не лучше.

Политика насильственной коллективизации потерпела полное банкротство. Постановление ЦК о том, что при 65% коллективизации деревни считать коллективизацию деревни в основном завершенной — это замаскированное отступление от насильственной коллективизации, это признание того, что коллективизация дубиной натолкнулась на стену непреодолимого сопротивления деревни, это замаскированный приказ о приостановке наступления, ибо это наступление не удалось. Кто умеет читать политический смысл таких документов, для него в этом не может быть никакого сомнения.

Однако несравненно важнее еще другое, а именно — что осталось в данный момент от этих 65%. За последнее полугодие снова начался быстрый распад колхозов и огромные выходы. По ряду косвенных данных и наблюдениям положения в деревне, в настоящее время в колхозах осталось вместо 65% снова не более 35—40%. Например, когда сводка Наркомзема говорит о 18% колхозниках, находящихся в феврале месяце в отходе, то под этой цифрой в основном, несомненно, скрываются выходы из колхозов.

Известно, что на Урале, в Казахстане, Средней Азии, Западной и Восточной Сибири в ряде районов колхозы распались почти целиком. И эти районы не могут быть исключением, это всеобщее явление. Оставшиеся *колхозы также держатся лишь на системе принуждения, угроз по отношению* к выходящим из них и продолжении политики экспроприации крестьянина-единоличника. Дальнейший распад их и разложение абсолютно неизбежны.

Современная политика ограбления деревни привела к тому, что мы имеем гигантское сокращение поголовья скота, причем даже и для оставшегося количества, благодаря отсутствию у крестьян-колхозников какой-либо заинтересованности в улучшении колхозного хозяйства, грубые корма не заготовлены, а концентрированные почти целиком забраны в хлебозаготовки. В итоге в этом году в колхозах повсюду бескормица и массовый падеж скота. Тягловой силой колхозы совершенно не обеспечены, сбруи нет, саней и телег нет, веревки нет. Плуги, бороны, сохи поломаны и не ремонтированы, ибо ремонтировать некому и нет железа и стали. Земля под весенний сев почти не обработана, семена собраны всего на 50%, и те негодны в большинстве для сева.

Колхозники голодают. Во многих местах хлеба они совершенно не получают и питаются исключительно гнилыми суррогатами. Мяса и овощей и подавно нет. Трудодень колхозника в среднем обходится 20—26 коп. в день (3—4 коп. на довоенные деньги). Наконец, в машинно-тракторных станциях ремонт тракторов произведен всего на 65% и то

лишь для счету; горючего и смазочного не хватает, рабочих не хватает, наличные рабочие голодают. Отсюда понятно, что дальнейший распад колхозов неизбежен и никакими искусственными административными бюрократическими подпорками от развала их не спасешь. Отсюда понятно, что посевная кампания в колхозах неизбежно провалится.

Как же разрешил Сталин хлебную проблему — лучше всего видно из следующих цифр: в 1926—27 году валовой сбор зерновых хлебов равнялся 4 700 млн. пуд. По источникам расходования эта сумма, по официальным данным, распределилась таким образом:

1. Продовольствие для сельского хозяйства	1 630 млн. пуд.
2. Скота	1 370 " "
3. Семена	800 " "
4. Заготовки	700 " "
5. Самогон, порча хлеба и пр.	180 " "
Итого:	4 680 млн. пуд.

Кроме этого у сельского населения к концу года было переходящих запасов, перешедших от прошлых лет, 570 млн. пуд.

В настоящее время мы имеем такую картину. Во-первых, об остатках от хлебных запасов в деревне не может быть и речи. Их нет, нет зерна.

Затем на продовольствие сельского населения, даже по официальным заявлениям секретарей обкомов, оставляли на душу в год не более 8 пуд., а в действительности меньше. Если мы примем 8 пуд. на душу — это на 130 млн. человек сельского хозяйства составит 1040 млн. пуд. в год.

Скота осталось в настоящее время не больше 30% от 1927 года, но и этот скот гибнет от бескормицы.

Следовательно, для скота вместо 1370 млн. пуд. надо выделить не более 350 млн. пуд. в год. На семена, допустим, израсходовано 800 млн. пуд. Наконец, заготовлено в 1931 г., как утверждает постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)[12], 1400 млн. пуд., в результате для 1931 г. мы получаем:

1. Для пропитания сельского хозяйства	1 050 млн. пуд.
2. На прокорм скоту	350 " "
3. На семена	800 " "
4. Хлебозаготовки	1 400 " "
Итого:	3 600 млн. пуд.

Если даже допустим, что недород снизил валовой сбор хлебов на 300 млн. пуд., то добавлением последней цифры мы все же получаем лишь 3900 млн. пуд., т. е. по сбору урожая мы имеем в 1931 году по отношению к 1926—27 году уменьшение почти на 20%.

Приведенные цифры, таким образом, явно показывают не увеличение посевных площадей по отношению к 1926—27 году, а уменьшение на 15—17%. Если же принять во внимание, что мы брали все еще преувеличенные цифры и на пропитание, и на посев, и на корм скоту, если, наконец, принять во внимание, что и сама цифра 1400 млн. пуд. заготовленного хлеба является дутой, то уменьшение посевных площадей в 1931 г. по отношению к 1926—27 году надо считать не менее чем 30—35%. Теперь результат фокуса налицо — сельское хозяйство переживает катастрофу.

Еще убийственнее положение в единоличных хозяйствах, которые в настоящее время, как мы показали, составляют фактически 60—65% всего сельского населения. Тягловой силы у них по сравнению с 1926—27 годом остался ничтожный процент (25—30), семян к весеннему севу (дано

по сводкам Наркомзема) почти совершенно нет (10—15), весь семенной материал отобран в хлебозаготовки. Земли под обработку в значительной части не отведены, а отведенные не обработаны, сами единоличники голодают и бегут куда глаза глядят. При таких данных можно наперед сказать, что единоличник посеет совершенно ничтожный процент, можно уверенно утверждать, что в этом году будет посеяно не более 60% фактической посевной площади прошлого года, а фактическая посевная площадь прошлого года, в свою очередь, была ниже посевной площади 1930 и 1929 года. (Теперь Сталин в «Правде» кричит об очковтирательстве местных работников при составлении статистических сведений о посевных площадях, но это очковтирательство в результате сталинского требования обязательно демонстрировать его политику в деревне началось с начала 1929 года.)

Сейчас даже слепому должен быть ясен фокус Сталина, с помощью которого он разрешил хлебную проблему. Увеличение размеров хлебозаготовок в 1929—30 и 1931 г. шло не за счет действительного увеличения производства хлеба, а за счет сокращения собственного потребления деревни (для пропитания населения, для корма скоту и для семян), за счет усиления с каждым годом завинчивания пресса хлебозаготовок и за счет сокращения основного капитала деревни. (Нельзя забывать, что крестьянам за отбиравшийся хлеб и скот с каждым годом, начиная с 1928 г., платили все меньшую и меньшую долю их действительной *стоимости. В 1932 г. эта доля составляла не более 15—20%.)*

Уже в этом году мы во многих районах наблюдаем в деревне и в городах положение, близкое к голоду 1929 г., на будущий же год положение будет несравненно хуже, ибо, во-первых, посеяно будет не более 60% посевной площади 1931 года и, во-вторых, можно заранее предвидеть плохой урожай, так как сев будет произведен плохими семенами, полученными от переваливания мякины и второго обмолота соломы, и на плохо обработанных землях (лишь бы выполнить план), и, в-третьих, для уборки урожая будет нехватка рабочей силы. Это, в свою очередь, будет неизбежно связано с дальнейшим уничтожением основного капитала деревни и превращением десятков миллионов сельского населения в подлинных нищих и бродяг.

Перспективы сельского хозяйства определяют в огромной степени и перспективы промышленности. Паралич подавляющей части промышленности при таких перспективах сельского хозяйства на более или менее длительный период совершенно неизбежен. От этого Сталин никак не сможет уйти. Законы экономического развития и при социалистическом строительстве обмануть нельзя. Если ты их игнорируешь сегодня, они с тем большей силой мстят за себя завтра.

В связи с перспективами промышленности и сельского хозяйства находятся и перспективы бюджета. До 1931 года мы имеем (даже при переводе на устойчивую валюту) рост госбюджетов. Этот рост значительно меньше, чем его рисуют казенные финансисты, умалчивая, что он выражается в знаках бешено падающей валюты, но рост все же несомненный. За счет чего, однако, он совершался? Сталин и К° пытаются кого-то обмануть и утверждают, что этот рост опирался на рост материального благосостояния масс и рост народного дохода. В действительности же он опирался исключительно на прямую и косвенную замаскированную экспроприацию деревни, на понижение реальной заработной платы рабочих и служащих и на инфляцию. Увеличение доходной части бюджета происходило, во-первых, за счет гигантского роста замаскированной формы налогов (займы как в кооперации, взносы за акции Тракторцентра, акциз, водка, повышение цен на товары, выпуск бумажных денег и пр.), во-вторых, за счет прямой экспроприации сначала кулацкой, *а потом середняцкой части деревни и части городских нэпманов и,* в-третьих, за счет большого роста прямых налогов.

Рост налоговых и вненалоговых бюджетных поступлений происходил не за счет роста материального благосостояния масс, а за счет снижения их экономического жизненного уровня и уничтожения основного капитала деревни.

Прямые и замаскированные налоги отнимали у рабочего не менее 40% его заработной платы, а у крестьянина-середняка не только весь доход, но и часть его основного и оборотного капитала.

В 1931 г. мы, однако, уже даже в устойчивой валюте не только не имеем роста бюджета, но, наоборот, имеем его падение. По утверждению Гринько, в 1931 г. бюджет возрос на 58,8 процента. Но за этот же период произошло падение стоимости червонца не менее чем на 80—90% по отношению к его стоимости в 1930 г. Таким образом, в переводе на устойчивую валюту доходная часть бюджета уже в 1931 году понизилась, надо полагать, не менее чем на 20—30% по сравнению с 1930 г. В 1932 г. бюджет по плану вновь должен возрасти на 34,1%.

Но первый квартал показывает, что при всех усилиях и репрессиях из обнищавшего населения городов и сел даже в падающей валюте уже нельзя выколотить нужной суммы.

Дальше падение платежеспособности при одновременном падении стоимости червонца пойдет еще быстрее. Отсюда совершенно ясно, что фактический бюджет 1932 г. в твердом ценностном выражении будет еще несравненно ниже, чем в 1931 году.

Перспективы бюджета во всяком случае таковы, что в ближайшие два года его доходная часть должна в твердом исчислении опуститься на 30—40% ниже размеров бюджета 1927—28 гг., ибо платить прямые и косвенные налоги будет некому, а доходы промышленности составляют в бюджете всего 12—15%, и последние в свою очередь зависят от уровня благосостояния масс.

Чудес на свете не бывает. Все чудотворцы были шарлатанами. И сталинские чудеса роста бюджета на 50% за год ходом событий также будут разоблачены как чудеса шарлатана.

Инфляция, развивающаяся необычайно быстро, в свою очередь будет углублять кризис.

Развитие инфляции совершается с двух концов. Инфляция развивается, во-первых, благодаря новым и новым выпускам бумажных денег и, во-вторых, вследствие сокращения товарооборота, перехода крестьян, рабочих и даже государственных и кооперативных организаций к прямому товарообмену.

В настоящее время стоимость червонца в золотой валюте равняется всего 60—70 коп. Дальше процесс падения стоимости червонца пойдет по всем признакам еще быстрее. Если же Сталин попытался бы покончить с инфляцией, то острота кризиса на первых шагах лишь возросла бы.

Наконец, экономический кризис находит свое выражение как во внешней, так и во внутренней торговле. Во внешней торговле в 1932 году мы имели пассивное сальдо в 200 млн. золотых рублей. Важнейшие статьи сельскохозяйственного экспорта — скот, мясо, лен, птица, сало, яйца, щетина и пр.— или выпали совершенно из оборота, или сильно сократились. То же, что вывозится за границу (хлеб, мясо), вывозится за счет недоедания рабочих и крестьян и продается за полцены, ниже себестоимости и с точки зрения разумной социалистической политики является преступлением.

В дальнейшем и по этим статьям совершенно неизбежно полное прекращение экспорта. Точно также и в связи с общими перспективами развития кризиса неизбежно сокращение экспорта и по таким статьям, как нефть, лес, промтовары.

В настоящее время газеты кричат об освобождении от импорта, но эти крики означают только замаскированный крах нашего экспорта.

Во внутренней же торговле кризис проявляется:

1) в гигантском росте цен, в полном разрыве политики цен с ленинскими принципами торговли, подтвержденными вновь в решениях 15-го съезда ВКП(б). Требования Сталина и Микояна к кооперации культурно торговать — гнусное фарисейство, ибо культурная торговля означает в первую очередь низкие цены, Сталин же с Микояном, кругом запутавшись и обанкротившись, установили на все товары настоящие грабительские, ростовщические цены;

2) в гигантском товарном голоде на все товары и в то же время в проявлениях кризиса сбыта (замораживание товарооборота), отражающем полный подрыв покупательной способности населения;

3) в дефицитности огромной части кооперативной сети деревни;

4) в переходе между торгующими организациями во многих случаях к прямому товарообмену;

5) в повсеместном распространении спекулятивных сделок и перепродаж государственными и кооперативными торгующими организациями (покупка оптом по розничным ценам), перепродажа из-за нужды рабочими и служащими по двойным и тройным ценам того, что они купили в магазинах, на вольном рынке;

6) в создании локальных (местных) рынков с местными ценами, как *результат разрыва торговых и экономических связей и как выражение* различной степени дезорганизации экономики в различных частях Советского Союза;

7) в начавшемся переходе деревни к натуральному хозяйству;

8) в расстройстве всего торгового аппарата.

Беспомощно метаются* в политике цен, которые мы наблюдали за последнее полугодие, во внутренней торговле лучше всего иллюстрируют полную дезорганизацию внутренней торговли.

Так обстоит дело с характером, размером и перспективами нашего экономического кризиса. Где искать корни и истоки кризиса? Они прежде всего лежат в авантюристических, не увязанных с развитием всего народного хозяйства темпах индустриализации. «Чудо» темпов теперь показывает оборотную сторону медали.

Чудеса темпов и рост капитальных вложений в промышленность совершились за счет следующих источников:

1) за счет экспроприации и обнищания деревни и понижения жизненного уровня;

2) за *счет невиданного роста прямых и косвенных налогов, явных* и замаскированных налогов на рабочих и понижения их жизненного уровня, их реальной заработной платы;

3) за счет инфляции, являющейся по существу тоже одним из видов налогов;

4) и, наконец, за счет полного израсходования наших золотых запасов.

Сталинские темпы индустриализации, следовательно, коренным образом противоречат решениям 15-го съезда и установленным этими решениями принципам индустриализации. Не случайно Сталин и его клика как воры обходят эти «опасные места» в резолюциях 15-го съезда. Не случайно, что Сталин ни словом не обмолвился в своем докладе на 16-м съезде об этих решающих директивах 15-го съезда.

Резолюция 15-го съезда ВКП(б) гласит: «При составлении пятилетнего плана народного хозяйства, как и при составлении всякого хозяйственного плана, рассчитанного на более или менее длительный срок, необходимо стремиться к достижению наиболее благоприятного сочетания *следующих элементов: [расширенного потребления рабочих и крестьянских масс;]* расширенного воспроизводства (накопления) в государственной индустрии на основе расширенного воспроизводства в народном

---

* Так в документе. Ред.

хозяйстве вообще; более быстрого, чем в капиталистических странах, темпа народнохозяйственного развития и непременного систематического повышения удельного веса социалистического хозяйственного сектора, что является решающим и основным* моментом во всей хозяйственной политике пролетариата». И дальше, в области соотношений между производством и потреблением «необходимо иметь в виду,— говорится в резолюции,— что нельзя исходить из одновременно максимальной цифры того и другого (как этого требует оппозиция теперь), ибо это неразрешимая задача, или исходить из одностороннего интереса накопления в данный отрезок времени (как того требовал Троцкий, выставляя пароль жесткой концентрации и усиленного нажима на рабочих в 1923 г.), или исходить из одностороннего интереса потребления. (Принимая во внимание и относительную противоречивость этих моментов и их взаимодействие и связанность, причем с точки зрения развития на длительный срок интересы эти в общем совпадают, необходимо исходить из оптимального сочетания обоих этих моментов.

То же самое необходимо сказать относительно города и деревни, социалистической индустрии и крестьянского хозяйства. Неправильно исходить из требования максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение равновесия всей хозяйственной системы. С другой стороны, неправильно было бы отказываться от привлечения средств деревни к строительству индустрии; это в настоящее время означало бы замедление темпа развития и нарушение равновесия в ущерб индустриализации страны.

В вопросе о темпе развития необходимо, главным** образом, иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития. С этой точки зрения нужно решительно и раз навсегда осудить оппозиционный лозунг повышения цен: этот лозунг не только привел бы к бюрократическому перерождению и монополистическому загниванию промышленности, не только ударил бы по потребителю, и в первую очередь по рабочему классу и бедноте города и деревни, не только дал бы величайшие козыри в руки кулаку — он через некоторое время дал бы резкое снижение темпа развития, сузив внутренний рынок, подорвав сельскохозяйственную базу промышленности и застопорив технический прогресс в индустрии.

В области соотношения между развитием тяжелой и легкой индустрии равным образом необходимо исходить из оптимального сочетания обоих моментов. Считая правильным перенесение центра тяжести в производство средств производства, нужно при этом учитывать опасность слишком большой увязки государственных капиталов в крупное строительство, реализующееся на рынке лишь через ряд лет; с другой стороны, необходимо иметь в виду, что более быстрой оборот в легкой индустрии (производство предметов первой необходимости) позволяет использовать ее капиталы и для строительства в тяжелой индустрии, при условии развития легкой индустрии.

Только учет всех вышеозначенных факторов и плановая увязка их позволяют вести хозяйство по пути более или менее планового, более или менее бескризисного развития».

---

* В тексте резолюции XV съезда ВКП(б) вместо слова «основным» стоит слово «главным». Ред.

** В тексте резолюции XV съезда ВКП(б) вместо слова «главным» стоит слово «равным». Ред.

Таковы принципы индустриализации, намеченные 15-м съездом в резолюции «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» [13]. Мы нарочно привели необычайно длинную выдержку из резолюций 15-го съезда, чтоб каждый мог убедиться, что современная политика и принципы индустриализации в корне враждебны решениям 15-го съезда, они непримиримы с этими условиями.

Решения 15-го съезда о темпах индустриализации дают образец правильного, марксистско-ленинского подхода к вопросу о темпах. Суть процитированной части резолюции заключается в требовании соблюдения всюду необходимой меры. Митины, Ральцевичи, Юдины, Кольманы [14] и К°, занимающиеся проституированием ленинизма на теоретическом фронте, без конца болтают о диалектике и ее основных законах, но они при этом даже не заметили, что для практически революционной деятельности везде и при всяких условиях правильное понимание гегелевского и марксистско-ленинского учения о мере — решающее условие успеха. Кто не понимает необходимости сохранения и соблюдения меры (понимая, конечно, это слово в марксистско-ленинском, революционном, а не оппортунистическом и не в либеральном духе) в любой области борьбы за торжество коммунизма, кто не умеет применять этот важнейший принцип диалектики на практике, тот всегда будет беспомощно метаться между оппортунизмом и авантюризмом.

Мера — конкретная истина бытия. Всякое состояние или действие, доведенное до крайности, переходит в свою собственную противоположность,— так говорит Гегель. Всякая истина, если ее преувеличивать, если ее вывести за границу ее действительной применимости, неизбежно превращается в абсурд,— так учит Ленин [15].

Именно диалектическое требование соблюдений меры в темпах индустриализации, в соотношении развития тяжелой и легкой индустрии лежит в резолюции 15-го съезда о составлении пятилетнего плана и, наоборот, полное отрицание меры в темпах индустриализации и правильных соотношений между потреблением и накоплением индустриализации и выколачиванием средств из деревни, развитием тяжелой и легкой индустрии мы видим на практике, результатом и выражением чего и является невиданный экономический и политический кризис в СССР.

Сталин, как свойственно мошеннику и софисту, изобразил дело так, что Бухарин, Рыков, Томский якобы были против быстрых темпов. На деле их требование заключалось только в соблюдении меры как в темпах индустриализации, так и в извлечении средств на дело индустриализации из деревни. И в этом отношении они были абсолютно правы.

Индустриализация, доведенная до абсурда, превратилась в свою собственную противоположность: из орудия могучего роста материального благосостояния трудящихся она превратилась в подлинное народное бедствие и проклятие для народных масс. Социалистическое строительство Сталин превратил в строительство фараона. Социалистическое строительство индустрии характеризуется не только тем, сколько строят и что строят, но и если строят, то как строят. Строительство на костях рабочих и трудящихся, на обнищании, на ограблении масс и насилии над ними — не есть подлинное социалистическое строительство.

Кроме того, выдвинув авантюристический лозунг — догнать и перегнать передовые капиталистические страны в 10 лет, он добился этим только того, что мы не сможем догнать их и в 25 лет (что было бы возможно при правильной политике и разумных темпах, если допустить, что капитализм может просуществовать и развиваться еще 25 лет), ибо дальнейшая индустриализация на длительный период оказывается, как мы уже видели и выше, невозможной.

Из авантюристической индустриализации выросла и авантюристическая насильственная коллективизация. Для выколачивания средств из деревни Сталину сначала потребовались «чрезвычайные меры», а затем

лозунг «ликвидации кулачества как класса», под прикрытием которого была проведена экспроприация кулаков, а затем и всей основной массы деревни. «Бурные темпы коллективизации» явились закономерным, естественным продуктом всех вышеназванных мероприятий. Исход такой коллективизации можно было бы, однако, заранее предсказать.

Когда Энгельс в свое время в брошюре «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» писал, что наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели [16],— он гениально предвидел гибельные последствия, которые повлекут за собой насильственное объединение частного производства крестьян в товарищеское. Когда программа Коминтерна против насильственной коллективизации крестьян специально говорит, что «всякая насильственная ломка их хозяйственного уклада и принудительное их коллективизирование привели бы лишь к отрицательным результатам» [17], мы в настоящее время также видим гигантское значение этого предупреждения.

Но для Сталина программы партии и Коминтерна существуют только затем, чтоб их не выполнять.

Сталин изображает дело так, что никакой насильственной коллективизации нет, а есть лишь «организационное содействие» и «поощрение» коллективизации при наличии «решительного поворота середняка к социализму». Сталинское «организационное содействие» и «поощрение» так же похожи, однако, на то, что ими обозначается, как японская политика в Маньчжурии на политику содействия самоопределению народов. Результаты этой коллективизации те же, что и результаты индустриализации. Плюсы превратились в минусы, и лучшие надежды лучших умов человеческих превращены в посмешище. Вместо показа преимуществ крупного социалистического сельского хозяйства — демонстрация его недостатков перед мелким индивидуальным хозяйством.

Антиленинская политика индустриализации и коллективизации, само собою разумеется, выражается и в соответствующих методах планирования. При правильной политике планирование является могучим рычагом социалистического строительства. Без планирования нет социалистического строительства. В капиталистическом обществе развитие производительных сил совершается стихийно.

Закон стоимости постоянно и с неумолимой силой определяет здесь меру развития и меру количественных соотношений между различными частями хозяйства.

Восстановление нарушенных соотношений и пропорций в капиталистическом обществе совершается через кризисы и катастрофы.

При пролетарской же диктатуре в условиях социалистического строительства темпы развития, соотношения и пропорции между различными частями экономики, мера изменения соотношений в каждый данный отрезок времени должны устанавливаться сознательно, заранее, с обязательной постановкой цели — укрепления социалистического сектора хозяйства и его удельного веса.

Целеустремленность планирования, однако, ни в какой мере неравнозначна авантюристическому, ненаучному, неленинскому плановому субъективизму и произволу. («План — это мы».) Подлинный, правильный путь — мера темпов и возможных сдвигов в развитии — в решающей степени зависит как раз не от воли людей, а от наличных материальных производительных сил, соотношения классовых сил, культурного уровня рабочего класса и трудящихся масс, внутренней и международной политической и экономической обстановки и даже от естественных, природных климатических условий.

Именно последние факторы являются решающими при расчетах темпов накопления и намеченных сдвигов и изменений в соотношениях

между различными частями социалистического и частнохозяйственного сектора. И лишь на основе правильного и верного учета этих факторов сама воля людей является гигантским рычагом, ускоряющим и стимулирующим социалистическое строительство.

Только при принятии этих принципов планирования оно дает нам возможность научно предвидеть и действительно сознательно руководить социалистическим строительством.

В противном же случае планирование превращается в простую игру в цифирки, в самообман, в авантюризм.

Авантюристический план и его влияние сегодня с большей силой ведут к дезорганизации всей экономики и подчинению власти стихии завтра. Планирование из орудия социалистического строительства становится орудием расстройства экономики и внесения в нее анархии и хаоса. Решающее преимущество социалистического строительства перед капитализмом — план, предвидение, расчет и учет — исчезают. Мало того, при этих условиях плюс и здесь превращается в минус, ибо в то время, как при капитализме закон стоимости (хотя и через кризис и величайшие *жертвы, но через 2—3 года) создает условия (конечно очень узкие*, ограниченные рамками частной собственности) для нового развития производительных сил или по крайней мере для прекращения их дальнейшего падения (депрессия), то при плановом строительстве авантюристические планы из года в год могут дезорганизовать экономику в течение более длительного периода и довести всю страну до полного паралича и голода, как это имеет место в данный момент.

Поистине, не только «вес», но и все сталинские эксперименты на спине трудящихся растут по Гегелю. Сталин на словах и в планировании и во всех других областях — тоже за меру. Его борьба на два фронта должна *«изображать» соблюдение этой меры. Но как вся сталинская политика* выродилась в злейшую карикатуру на ленинизм, так и его борьба на два фронта является издевкой над учением Ленина.

Ленинская борьба на два фронта вытекала всегда из честного конкретного, исчерпывающего марксистского анализа политической и экономической обстановки и взглядов своих противников. Сталинская борьба «на два фронта» за последние годы вытекает, наоборот, из его политического банкротства и разрыва с ленинизмом; она опирается на фальсификацию действительного положения вещей и взглядов инакомыслящих членов в ВКП(б); она призвана только маскировать его политические комбинации.

Ленинская борьба на два фронта являлась всегда результатом величайшей его последовательности и принципиальности; сталинская, наоборот,— продукт его беспринципности и политических трюков.

Таков характер сталинской борьбы на два фронта вообще, таков он и в области планирования.

Экономическая политика Сталина, несмотря на то, что мы за после*дние годы построили десятки крупнейших заводов и фабрик*, электрических станций и пр. по последнему слову техники, чему должен был бы, казалось, радоваться каждый рабочий, каждый трудящийся, привела, таким образом, не только к невиданному экономическому кризису всей страны, но она дискредитировала самые принципы социалистического строительства и отбросила нас в экономическом отношении не менее чем на 12—15 лет назад.

(Окончание следует)

Примечания:

1. Имеется в виду брошюра Л. Д. Троцкого «Новый курс», изданная в январе 1924 г. в связи с внутрипартийной дискуссией (см. Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990, с. 164—203).

2. См. «Известия ЦК КПСС», 1990, № 8, с. 202, 207, примечание 8-е.

3. Богданов А. (Малиновский А. А.) (1873—1928) — экономист, философ, политический деятель, ученый-естествоиспытатель, автор теории равновесия, согласно которой все существующее представляет собой сменяющее друг друга состояние подвижного равновесия. В. И. Ленин квалифицировал философские взгляды А. Богданова как идеалистические и реакционные.

4. Статья Н. И. Бухарина «Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года» была опубликована в газете «Правда» 30 сентября 1928 г. (см. Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988, с. 391—418).

5. Цитата приведена неточно. У В. И. Ленина сказано: «Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 28).

6. Речь идет о статье И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» (см. Сталин И. Соч., т. 13, с. 84—102).

7. В речи «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. И. В. Сталин сформулировал шесть новых условий развития промышленности: 1. Рабочая сила. 2. Зарплата рабочих. 3. Организация труда. 4. Вопрос о производственно-технической интеллигенции рабочего класса. 5. Признаки поворота среди старой производственно-технической интеллигенции. 6. О хозрасчете (см. Сталин И. Соч., т. 13, с. 51—80).

8. Имеется в виду вступление японских войск в Шанхай в январе — феврале 1932 г., в результате которого была разрушена значительная часть города, уничтожены культурные и материальные ценности, произошла варварская расправа с безоружным населением.

9. Речь идет о передовой статье «Советский Союз и Япония», напечатанной 4 марта 1932 г. в газете «Известия» и перепечатанной 5 марта газетой «Правда».

10. Резолюция XVII конференции ВКП(б) «Итоги развития промышленности за 1931 год и задачи 1932 года» (см. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984, т. 5, с. 378).

11. VI съезд Советов Союза ССР. Стенографический отчет. М., 1931, бюллетень № 2, с. 3.

12. Имеется в виду постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом», опубликованное в «Правде» 7 мая 1932 г.

13. Резолюция XV съезда ВКП(б) «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства». КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 276—278.

14. Митин М. Б.— советский философ, главный редактор журнала «Под знаменем марксизма». Юдин П. Ф.— советский философ, в 1932—1938 гг. директор Института красной профессуры. Кольман А. (Э.) — в 1931—1933 гг. член редколлегии журналов «Под знаменем марксизма», «Социалистическая реконструкция и техника», «Вестник Коммунистической академии», директор Института естествознания Комакадемии. Ральцевич В. Ф.— в 1931—1932 гг. редактор журнала «Революция и культура», заместитель директора научно-исследовательского института философии Комакадемии.

15. См. «Известия ЦК КПСС», 1990, № 9, с. 183, примечание 28-е.

16. См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 518.

17. См. «Известия ЦК КПСС», 1990, № 10, с. 206, примечание 8-е.

Публикацию подготовили работники Общего отдела ЦК КПСС И. Курилов, Н. Михайлов, Ю. Мурин.
В подготовке примечаний участвовали: Н. Ковалева, В. Кочетов, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИЗВЕСТИЯ

Информационный ежемесячный журнал

12 (311) декабрь 1990 ИЗДАВАЛИСЬ В 1919-29 гг. ВОЗОБНОВЛЕНЫ В 1989 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛ. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР

102682

Редакционный совет журнала:

В. А. ИВАШКО, заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС

Б. К. ПУГО, Председатель ЦКК КПСС

А. С. ДЗАСОХОВ, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

О. С. ШЕНИН, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

Г. И. ЯНАЕВ, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

В. И. БОЛДИН, член ЦК КПСС, заведующий Общим отделом ЦК КПСС

Н. Е. КРУЧИНА, член ЦК КПСС, управляющий делами ЦК КПСС

Г. Л. СМИРНОВ, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

© «Известия ЦК КПСС», 1990.

Платформа «Союза марксистов-ленинцев» («Группа Рютина»)

Сталин и кризис пролетарской диктатуры*

II. Кризис партии.

Кризис партии охватил все стороны партийной жизни. Он находит свое выражение прежде всего в теоретическом кризисе.

Ленинизм извращен и фальсифицирован в настоящее время до неузнаваемости. Материалистическая диалектика заменена софистикой, схоластикой и плоской лживой апологетикой политики Сталина и его руководства.

Марксистско-ленинское понимание важнейших теоретических, а вместе с тем и политических вопросов — борьбы с оппортунизмом, массовой борьбы, классовой борьбы, природы социалистического общества, объективного и субъективного факторов в социалистическом строительстве, принципов социалистической индустриализации, политики партии в деревне и коллективизации и применение этого понимания на практике — подменено пустой, лживой и крикливой «левой фразой», находящейся в вопиющем противоречии с фактами и действительностью. Теоретическая, а вместе с тем и практическая, постановка решающего для большевизма вопроса борьбы с оппортунизмом опошлена, до последней степени вульгаризована, превращена в карикатуру и просто в средство для оправдания политики Сталина, терроризирования инакомыслящих и в хлопающий бич погонщика при проведении всякого рода кампаний.

В партии господствует невероятный теоретический разброд и страх не только перед постановкой какой-либо новой теоретической проблемы, что сейчас абсолютно невозможно, но и всякой маломальски самостоятельной мысли.

Убита всякая живая марксистско-ленинская теоретическая мысль.

Разгром деборинской группы [1] за то, что она не проявляла усердия в апологетической защите политики Сталина и в восхвалении его теоретически безграмотных и тупых статей, группы, имевшей ряд недостатков и делавшей немало теоретических ошибок и промахов, но бывшей все же лучшим из всего, что имелось на теоретическом фронте не только в ВКП[(б)], но и Коминтерне,— окончательно завершил теоретическое опустошение партии.

В настоящее время на теоретическом фронте подвизается все, что есть в партии самого недобросовестного, бесчестного. Здесь работает настоящая шайка карьеристов и блюдолизов (Митин, Юдин, Ральцевич, Кольман и пр.), которые в теоретическом услужении Сталину показали себя подлинными проститутками.

Вся марксистско-ленинская и партийно-историческая литература, вплоть до истории ВКП(б) Ярославского, фактически в на-

* Окончание. Начало см. «Известия ЦК КПСС», 1990, №№ 8—11. Ред.

стоящее время находится под запретом. Даже Ленина стараются всячески кастрировать и подстричь под сталинскую гребенку.

На книжном рынке по теоретическим вопросам в течение последних двух лет абсолютная пустота: портфели издательств пусты. Всякий, не потерявший стыд, литератор отказывается писать, ибо, если в книге нет ссылки на Сталина и его восхваления, ее или отказываются печатать, или после выхода книги в свет шайка теоретизирующих лакеев подвергает ее «проработке».

В журналах идут схоластические и софистические рассуждения о завершении построения социалистического общества, гигантских успехах социалистического строительства, росте благосостояния масс, переделке колхозника, совершенно обходящие, замалчивающие и извращающие действительность, рассуждения, вызывающие у всякого честного мыслящего читателя-большевика только чувство тошноты и возмущения.

Сталинская теоретическая ограниченность, тупость и защита его обанкротившейся генеральной линии являются пограничными столбами, за черту которых отныне не смеет переступить ленинизм и материалистическая диалектика.

На практике это означает полное удушение ленинизма. На практике это означает, что партия отныне лишена возможности открыто пользоваться несравненным теоретическим оружием марксизма-ленинизма для разрешения стоящих перед нею задач.

Подлинный ленинизм отныне перешел на нелегальное положение, является запрещенным учением. Этим характеризуется вся глубина теоретического кризиса в партии.

Теоретический кризис является, однако, не самостоятельным. Он вырос из организационного кризиса партии и является естественным продуктом последнего.

Организационный кризис партии выражается в том, что демократический централизм — организационный принцип, совершенно правильный и необходимый для компартии,— в результате внутрипартийной борьбы, отсечения одной руководящей группы партии за другой, постепенного и незаметного усиления роли партийного аппарата, постепенного и незаметного усиления роли Сталина в течение последних 7 лет,— за последние 2—3 года быстро, «скачком», перерос и превратился в личную диктатуру Сталина. Сам Сталин, в свою очередь, из «недостаточно лояльного», как его характеризовал Ленин в своем завещании, т. е. из недостаточно честного, добросовестного, но все же пролетарского политика, в свою очередь, превратился в мелкобуржуазного авантюристического политикана и диктатора.

В настоящее время создалось совершенно своеобразное, оригинальное, невиданное положение. С одной стороны, сохранились по форме все старые органы пролетарской диктатуры, хотя они уже в значительной мере оказываются органами, враждебными массам, стоящими над массами, направленными, несмотря на формальное участие в них представителей самих масс, на подавление желания масс по-ленински разрешить вопросы социалистического строительства, на обман масс. С другой стороны, над этими органами возвышается неограниченный диктатор, никем фактически несменяемый, никому фактически неподконтрольный, ни перед кем фактически неответственный, сосредоточивший в своих руках в десятки раз большую власть, проявляющий в десятки раз больше личного произвола и издевательства и насилия над массами и страной, чем любой бывший монарх любого абсолютистского государства.

Для оправдания этого положения на многих партийных собраниях даже уже открыто выдвигается и новая теория: опыт коллективного руководства в партии себя не оправдал; для успехов социалистического строительства нужна единая сильная рука, нужен глава партии и государства.

Политбюро и ЦК, в свою очередь,

из полновластных органов партии превратились в совещательные органы при Сталине, над которыми Сталин издевается не менее цинично, чем царь над государственной думой. Блестящей иллюстрацией к доказательству этого положения может служить «историческое» выступление Сталина со своими пресловутыми *6-ю условиями*. Всем известно, что всего за две недели до этого был Пленум ЦК [2], Сталин нарочно на этом Пленуме не выступал. После же опубликования резолюций Пленума, когда партаппарат только что заготовил тезисы для проработки резолюций по ячейкам, выступает на собрании хозяйственников Сталин, и вся печать и на всех собраниях вместо резолюций Пленума начинают прорабатывать, мусолить в течение нескольких месяцев его бездарные 6 условий. О Пленуме после выступления Сталина тотчас же забывают, о нем уже больше не упоминают, зато 6 условий склоняются на разные лады всюду и везде. Политически весь этот сталинский маневр означает не что иное как плевок Центральному Комитету в лицо. «Плевал я на Центральный Комитет,— сказал Сталин своим выступлением.— Извольте прорабатывать не резолюции Пленума, а мою речь». И Политбюро вместе с ЦК не нашло ничего лучшего, как выразить удовольствие по поводу получения этого плевка и самый плевок объявило «историческим» плевком.

Поистине дальше пасть некуда.

Совещательная роль ЦК находит в настоящее время свое внешнее выражение и в другом явлении: все постановления, все резолюции, все приветствия, все статьи в «Правде» говорят уже не просто о Центральном Комитете, а обязательно о Центральном Комитете «во главе с т. Сталиным». Это превращение «титула» Центрального Комитета произошло за счет сокращения его прав. Никогда такого «титулования» Центрального Комитета не было ни при Ленине, ни после Ленина до последнего времени. Это явление последних 2—3 лет, и оно с нескрываемой ясностью говорит о той жалкой роли, которую играет теперь ЦК. Такую же картину мы имеем и на местах. Секретари областных комитетов — просто наместники Сталина, а секретари районных комитетов — чиновники, назначенные секретарями областных комитетов или аппаратом *с их согласия*. Партийные комитеты и тут по существу играют совещательную роль. Личная диктатура вверху на единоличное руководство и уничтожение коллективности внизу.

Устав партии формально остается, не отменяется, но только затем, чтобы его не исполнять и действовать прямо вопреки уставу и тем правам, которые он представляет каждому члену партии и каждой организации.

Не менее характерна и эволюция ЦКК. Из органа, призванного не только охранять и защищать единство партии, но и ее права от узурпации вождя или вождей, она просто стала многочисленной кроватью, на которой диктатор справляет свои оргии — расправы с инакомыслящими членами партии и целыми организациями.

В результате всех происходящих в партии сдвигов и процессов партаппарат превратился в самодовлеющую силу. Раньше партия создавала аппарат, теперь аппарат создает по своему образцу и подобию партию, раньше партия господствовала над аппаратом, аппарат был только одним из органов партии, сейчас партия превратилась только в орган аппарата. Партия в ходе «развития» превращена в безгласную исполнительницу воли аппарата, который сам, в свою очередь, является безгласным исполнителем воли диктатора и его агентов на местах.

Выборность по форме остается, фактически же она в течение последних 4-х лет, начиная с районных комитетов, совершенно уничтожена. Секретарь назначается, «рекомендуется» высшим партийным органом, а обязанность партийного комитета — его выбрать. Выборы всегда проходят потому,

что у членов партии утратилось даже и само сознание своих прав, обезличенных уставом. Если же в каком-нибудь редком архиисключительном случае комитет поднимает «бунт на коленях» против присланного кандидата, то ему прописывают «кузькину мать» и рекомендованного для поддержания авторитета начальства все же проводят и избирают.

Все эти методы «выборности» стали в настоящее время партийной традицией. Молодые члены партии даже и не знают уже других методов выборов.

Усиление партийного аппарата, исполнительных органов партии за счет «законодательных» находит свое выражение и в удлинении сроков между съездами партии и Пленумами ЦК. Раньше съезды партии собирались каждый год, а Пленумы ЦК в 1—1½ месяца раз, затем съезды стали собираться в 2 года раз, а Пленум в 3—4 месяца, теперь же 17-й съезд партии соберется, по-видимому, уже не раньше, как через 2½ года после 16-го съезда, а Пленумы собираются не чаще, чем в полгода раз.

О внутрипартийной демократии даже и Сталин последнее время перестал говорить, ибо ее нет. В доме повешенного не говорят о веревке. Можно встретить в газетах иногда еще крики о развертывании самокритики. Но в этой самокритике также нет ничего большевистского. Тут мы имеем обычное сталинское жульничество. Большевистская самокритика в рамках ленинизма означает самокритику всех, начиная от секретаря ячейки и кончая секретарем ЦК. Большевистская самокритика означает самокритику без разрешения или распоряжения начальства, самокритику без боязни репрессий. При Ленине именно так и было. Ленина не боялись критиковать члены партии, и Ленин, в свою очередь, не применял к ним никаких репрессий, запугиваний и клеветнических выпадов. Теперь картина совершенно иная. Ныне самокритика допускается только до определенного ранга или в личных интересах Сталина.

Вы можете критиковать секретаря ячейки, директора треста, председателя кооператива. Вы можете иногда в провинции критиковать секретаря районного комитета. Такая критика и самокритика даже поощряется сверху. Это Сталину выгодно. «Самокритика» кооператоров отвлекает внимание от действительного виновника плохого снабжения рабочих, «самокритикой» директора, председателя треста отвлекается внимание от действительных причин «прорыва», остановки предприятий, отсутствия сырья и т. д. Наконец, Сталин поощряет «самокритику» тех вождей и теоретиков партии, которых он решает с треском вышибить с их постов, оскандалить и оклеветать. Здесь он даже категорически требует «самокритики». Пусть попробуют не критиковать члены партии таких вождей и теоретиков! Он разделается с ними по-своему! История «самокритики» Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, Сырцова, Ломинадзе, Рютина, Деборина, Стэна и даже Ярославского [3] достаточно хорошо научила членов партии пониманию природы и механики этой самокритики. Все уклонявшиеся от «критики» этих людей или высказывавшиеся против подобных методов «самокритики» были сняты с работы, исключены из партии, подвергнуты невиданной травле и, наоборот, все проявившие усердие в такой «самокритике» были повышены по службе.

Такая «самокритика» в почете.

Зато его верные чиновники и слуги (не только из членов Политбюро, но и секретари областных комитетов) могут быть совершенно спокойны. Их никто не посмеет критиковать. Всем известно, чем кончилась попытка ленинградцев разоблачить Кирова, как бывшего кадета и редактора кадетской газеты во Владикавказе [4]. Им дали «по морде» и заставили замолчать. Сталин руководствуется правилом умершего американского босса Пенроза и решительно «защищает своих

собственных мерзавцев». В серьезность сталинской «самокритики» может поверить только безнадежный идиот.

Самокритика в руках Сталина из орудия воспитания масс, из средства самопроверки и сплочения партийных рядов на почве уяснения спорных и больных вопросов, из оружия социалистического строительства также превратилась в орудие для достижения его личных политических комбинаций.

В связи и на основе всех сдвигов, происшедших в партийной жизни, изменился и самый состав руководящих партийных кадров. Раньше на партийную работу выдвигались люди, проявившие себя своей большевистской стойкостью, умением отстаивать свои взгляды и убеждения, своей принципиальностью, теоретической подготовкой, своими ораторскими способностями, своими глубочайшими связями с рабочими массами и умением руководить массами, своим героизмом, честностью и заслугами перед партией и пролетарской революцией. Теперь, наоборот, выдвигаются своей лестью, хитростью, покорностью, доносами, подхалимством и верностью начальству; сейчас на партийную работу подбираются люди самые ручные, самые беспринципные, готовые десятки раз покаяться и десятки раз отказаться от своих убеждений, люди, умеющие хорошо лицемерить и обманывать массы членов партии и рабочих.

Благодаря тому, что вся политика Сталина и партаппарата является антиленинской, враждебной массам членов партии и рабочих,— сам партаппарат из органа близкого и родного массам, из органа, руководящего массами и воспитывающего их, из органа, опирающегося на глубочайшее доверие масс, превращается все больше в орган, стоящий над массами и враждебный им, в орган, по преимуществу карающий и терроризирующий их.

Политика, находящаяся в кричащем противоречии с учением Маркса и Ленина и в кричащем противоречии с самой действительностью, естественно, не может проводиться на основе принципов внутрипартийной демократии. Сознательная дисциплина большевистской партии может опираться только на внутреннюю уверенность партии в правильности политики партии. А так как у подавляющего большинства партии существует не только полная неуверенность в ее правильности, но, наоборот, полная уверенность в ее неправильности, то старая партийная дисциплина для партийного аппарата по необходимости оказывается недостаточной и она дополняется и подменяется внутрипартийным террором. Исключение из партии, из профсоюзов, ВУЗа, аресты, снятие с работы, лишение пайка, карточек, травля в печати и на собраниях, обвинения в оппортунизме, вредительстве, связи с кулацкими элементами — все это без всяких оснований сыплется на голову членов партии буквально, как из рога изобилия. Члены партии затравлены и запуганы партийным аппаратом.

Ни один член ВКП(б) не уверен за свой завтрашний день, ибо политика произвола Сталина дополняется и подкрепляется политикой произвола всего партийного аппарата.

Ленин внутрипартийную дисциплину и основы, на которых она держится, характеризовал следующим образом: «Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? Чем она проверяется, чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с непролетарской трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы собствен-

ным опытом убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье»[5].

У нас в настоящее время нет налицо ни одного из этих условий для существования подлинно большевистской дисциплины в партии.

Во-первых, партия в настоящее время не может выполнять роли сознательного авангарда, ибо подлинный ленинизм стал теперь в значительной мере нелегальной теорией, а то, что выдается за ленинизм, является невиданным опошлением теории Маркса — Ленина. Без ленинизма же не может быть и речи о большевистской сознательности. Во-вторых, в партии не может быть в настоящее время героизма, ибо партия задавлена, задушена, терроризирована партийным аппаратом. В-третьих, мы не только не имеем сейчас сближения, слияния партии, в особенности партийного актива с пролетарской и непролетарской трудящейся массой, но, наоборот, имеем разрыв, рост взаимного недоверия и вражды. В-четвертых, массы на собственном опыте убеждаются не в том, что стратегия и тактика партии правильна, а, напротив, в том, что она неправильна, вредна, гибельна, гибельна для рабочих, Советской власти.

В итоге мы имеем именно то, о чем говорил Ленин — дисциплина превратилась в пустышку, в фразу с кривлянием.

При Ленине и после Ленина известный период в партии не было террора, но была большевистская дисциплина, теперь господствует террор, но нет дисциплины. Раньше дискуссии в партии выражали ее силу, ее способность сознательно всей массой реагировать на важнейшие политические вопросы, ее жизненность, ее коллективную волю и сознание. Теперь отсутствие дискуссий, несмотря на глубочайший кризис в партии и пролетарской диктатуры,— парализацию ее воли, упадок силы и сознания. При Ленине, несмотря на дискуссии, партия оставалась единым сплоченным, сознательным живым организмом, теперь, несмотря на отсутствие дискуссий, партия деморализована, дезорганизована, распылена, раздроблена на десятки тысяч мелких групп и группочек, каждая из которых по-своему обсуждает пути выхода из тупика и кризиса.

В прошлом в партии господствовали полнейшее товарищеское доверие, готовность помогать друг другу, учить друг друга, жажда смело обсуждать все боевые, жгучие и спорные вопросы партии и страны как в интимных беседах, так и на собраниях. Теперь же царит взаимное подозрение и взаимная боязнь, недоверие и желание избежать обсуждения всяких политических вопросов из страха, что могут «пришить» уклон.

Раньше член партии выполнял свои обязанности и поручения партии, руководствуясь исключительно интересами укрепления пролетарской диктатуры и социалистического строительства. Теперь же подавляющее большинство руководствуется только тем, чтобы не «пришили» уклон.

Раньше партийные обязанности выполнялись с радостью и добровольно, теперь — с неохотой и под принуждением. Господство террора в партии и стране при явно гибельной политике Сталина привело к тому, что лицемерие, двурушничество стали всеобщим явлением. Лицемерие стало знамением нашего времени. Лицемерят в своих официальных выступлениях на собраниях все члены партии, лицемерят в тисках террора рабочие массы, лицемерит задавленная деревня, лицемерят ответственные работники и рядовые члены партии, партийные и беспартийные, старые большевики и молодые партийцы. Никто не верит в эту политику и всё делают вид, что ею восхищены.

Все видят невиданный кризис и в то же время официально вынуждены кричать о гигантских успехах. Все желают с этой политикой покончить и в то же время не могут.

Гигантская централизация всего аппарата пролетарской диктатуры и сила политической инерции привели к тому, что Сталин, нажимая на одну кнопку террора, заставляет служить своим интересам весь механизм партии, Советов, профсоюзов, кооперации и пр. Все винтики — большие и маленькие, второстепенные и первостепенные — хотят они или не хотят, «верят» они или не «верят», вынуждены вращаться вместе со всей машиной. Если же какой-либо винтик или целая группа отказываются вращаться вместе со всей машиной и «протестуют»,— машина беспощадно их размалывает и со скрипом, с треском и скрежетом до поры до времени продолжает свою «работу» дальше. Террор в условиях невиданной централизации и силы аппарата действует почти автоматически. Терроризируя других, каждый в то же время терроризирует и самого себя, заставляя лицемерить других, каждый в то же время и сам вынужден выполнять определенную долю этой «работы».

Но эта сила сталинского террора (на основе централизации руководства и мощного аппарата) при первом же серьезном толчке обнаружит и все свое банкротство. Если при правильном руководстве партия, несмотря на свои разногласия, перед лицом опасности всегда собиралась в единый могучий железный кулак и становилась несокрушимой силой, то в настоящее время, при кажущемся невиданном единстве, при первом же серьезном испытании она обнаружит невиданное внутреннее разложение.

В прошлом под кажущейся слабостью скрывалась сила, теперь, наоборот, под кажущейся силой скрывается слабость партии.

Кризис теоретический и организационный, кризис руководства массами и социалистическим строительством, банкротство сталинской политики, естественно, находят свое отражение, проявление и завершение в развитии кризиса всего коммунистического мировоззрения. Этот кризис в настоящее время глубоко скрыт, он находит пока свое внешнее проявление только в отдельных редких случаях; пресс террора мешает ему вырываться наружу, но он захватил уже довольно значительный слой мыслящей части партии, имеющей действительно коммунистическое мировоззрение. Видя полный разрыв теории и политики с учением ленинизма, сопоставляя официальные утверждения с фактами, фразы о «вступлении в социалистическое общество» с действительностью, и будучи не в состоянии объяснить этого разрыва между словами и делами, оставаясь на почве марксизма, значительная часть членов партии приходит или к полному разочарованию в возможности осуществления коммунизма вообще, или начинает вырабатывать совершенно новые представления о коммунистическом обществе, не имеющие ничего общего с учением Маркса и Ленина.

Значительная часть членов партии живет в настоящее время просто с выпотрошенными душами, изъеденная всеобщим скептицизмом и разочарованием. Эта часть членов не только не верит в сталинскую «генеральную линию», но она потеряла в результате этой линии и коммунистические убеждения вообще.

Одни из этих в личной жизни превращаются просто в мещан и обывателей, другие погружаются в непробудное пьянство, третьи начинают развратничать и т. д. И этот процесс не стоит на месте, а углубляется и расширяется. Таковы плоды сталинской политики и руководства. Мы имеем дело не с обычным политическим кризисом партии, но с кризисом, переросшим уже в перерождение известной части партии.

Руководящую верхушку партии уже нельзя в настоящее время

рассматривать, как людей просто ошибающихся, но субъективно искренне верящих в свою правоту. Такой взгляд является детским и наивным.

Вся верхушка руководящих партийных работников, начиная со Сталина и кончая секретарями областных комитетов, в основном прекрасно отдают себе отчет, что они рвут с ленинизмом, что они насилуют партийные и беспартийные массы, что они губят дело социализма, но они так запутались, создали такую обстановку, попали в такой тупик, в такой заколдованный круг, что сами не в состоянии из него уже вырваться.

Ошибки Сталина и его клики из ошибок переросли в преступления.

Политбюро и Президиум ЦКК, секретари областных комитетов превратились в банду беспринципных политиканов и политических мошенников. Они на деле рассматривают партию лишь как свою вотчину. Не они для партии, а партия для них.

Наркомы, зам. наркомов, члены коллегий, руководители трестов, видные работники партаппарата, редакторы крупных газет, председатели ЦК профсоюзов, руководители областных отделов советского и профсоюзного аппарата также захвачены в значительной части процессом перерождения. Все они, даже бывшие рабочие, никакой связи с массами, кроме официальных докладов на собраниях, давно уже не имеют. Они обеспечены высокими ставками, курортами, пособиями, дачами, великолепными квартирами, прекрасным явным и тайным снабжением, бесплатными театрами, первоклассной медицинской помощью и т. д. и т. д. И это при невероятном обнищании и полуголодном существовании всей страны. Они, таким образом, в известной мере, подкуплены Сталиным. Сталин вообще систематически применяет подкуп как по отношению к отдельным прослойкам партии, так и рабочих.

Само собой, что вся эта группа членов партии в душе в подавляющем большинстве против современной политики, ибо они не могут не видеть ее гибельности. Но они так обросли жирком, они настолько связаны всеми представленными им привилегиями (а всякий протест против современного курса и его вдохновителя связан в результате с огромными лишениями), что значительная часть из них и дальше будет выносить любое иго, любые пинки и издевательства со стороны Сталина и партаппарата.

Эта часть потеряла основное свойство подлинного большевика-ленинца — везде и при всяких условиях, применяясь к обстановке, защищать свои взгляды и бороться за интересы пролетарской революции. Ее основной интерес в настоящее время заключается уже не в этом, а лишь в сохранении какой угодно ценой полученных привилегий и чинов.

В итоге мы имеем совершенно оригинальное положение. Жизнь и здесь оказывается несравненно богаче теории, она и тут показывает нам новое, своеобразное. Эпоха перерождения и оппортунизма партий 2-го Интернационала приучила нас опасность перерождения искать всегда справа.

Но вот в настоящее время мы имеем архилевую, авантюристическую политику Сталина при огромном приросте рабочих в партии и все же являемся свидетелями бесспорного перерождения некоторой части партии. От перерождения, следовательно, не может спасти ни левый авантюристический курс, ни механическая вербовка в партию рабочих.

От перерождения может спасти только правильная, ленинская теория и политика, постоянная, но тщательная и осторожная вербовка в партию рабочих, ленинское теоретическое и политическое воспитание молодых членов партии, подлинная внутрипартийная демократия и глубочайшая связь с массами. Но всех перечисленных условий в данный период как раз и нет налицо.

В партии мы, несомненно, имеем некоторую, хотя и незначитель-

ную, прослойку и немолодых, честных субъективно партийцев, продолжающих, однако, искренне верить в правильность политики Сталина. Как можно объяснить такое явление? Здесь решающую роль играет традиция, привычка.

В прошлом на протяжении трех десятков лет под руководством Ленина * партия вела правильную политику. Партийные и беспартийные массы на собственном опыте убеждались в правильности руководства Центрального Комитета. На этой почве вырос гигантский авторитет Центрального Комитета. У значительной части партийцев с небольшим теоретическим багажом, или вовсе без багажа, с небольшим теоретическим кругозором выработалась традиция, привычка поддерживать ЦК, ибо «ЦК всегда решает правильно». Эта традиция переносится на современную политику Сталина. Политика из правильной превратилась в неправильную, а традиция, привычка осталась и на новую политику переносит старое отношение. Эти партийцы не могут объяснить гигантских противоречий между декларациями, речами, статьями и резолюциями сталинского руководства и действительностью, но они боятся как огня всяких «уклонов», они привыкли голосовать за ЦК и поэтому стараются не замечать этих противоречий, не задумываться над ними. Они не сопоставляют вчерашних решений с сегодняшними, вчерашних речей Сталина с теперешними. Они все объяснения противоречий нашей действительности сводят или к неизбежности трудностей социалистического строительства, или к неизбежным недостаткам во всяком большом деле. Рассудок, таким образом, выродился в предрассудок, а политическая привычка в политический идиотизм.

Маркс говорил: «Традиции всех мертвых поколений кошмаром тяготеют над умами живых» [6]. Вышеохарактеризованное явление дает еще один блестящий пример правильности этого положения. Традиция, которая до известного времени, до известного момента играла в нашей партии гигантскую революционную роль, содействовала сплочению и укреплению сил партии, в настоящее время превратилась в путы на ногах партии, мешающие ей сбросить с себя иго Сталина. Нужно иметь, однако, постоянно нужно иметь в виду, что основной очаг кризиса партии мы имеем все же в самом партийном аппарате и основным агентом, несущим этот кризис и перерождение, является Сталин и его руководство.

Именно отсюда распространяется «инфекция». Здесь особенно резко бросаются в глаза и происшедшие метаморфозы. Характерно, что эти метаморфозы, изменения при архилевой, авантюристической политике все же явно растут в сторону политических нравов буржуазных партий. В буржуазных партиях, в особенности в С[еверо-]. А[мериканских]. С[оединенных]. Штатах, наиболее ловким политиком считается тот, кто не принимает слишком всерьез своих убеждений, кто может изменять их, не слишком нарушая внешнюю стройность своих взглядов, кто не относится с неуместной щепетильностью к вопросу о логичности своего мировоззрения, кто может поверить в то, во что выгодно верить в данном политическом положении. Наиболее же ловкий политик, которому легче всего делать карьеру,— это тот, кто совсем не имеет никаких убеждений, кто умеет симулировать пламенную защиту какой угодно идеи, в действительности относясь равнодушно ко всему. Такой политик никогда не очутится на тонущем корабле. Подобный тип защищает энергично все идеи, которые выдвигаются текущей политикой. Он тщательно следит за всеми зигзагами политического курса и настроением правящих групп буржуазии и всегда следует за крысами, когда вода поднимается до верхней палубы.

В среде опытных буржуазных политиков выработалось на основа-

---

* Так в документе. Ред.

нии опыта единственное твердое убеждение, что твердых политических убеждений иметь нельзя. Если вы начинаете приобретать серьезные убеждения, которые для вас становятся более или менее дорогими и за которые вы хотите бороться, проливать кровь и умереть, тогда можно быть уверенным, что для политики вы потерянный человек. Идя таким путем, вы можете на политическом поприще лишь провалиться, но никоим образом не преуспеть. По мнению прожженных буржуазных политиков, неискренность в политике составляет необходимую часть политического оборудования.

В нашей большевистской партии, пока ее политика была правильна и внутрипартийные отношения более или менее нормальны, существовали прямо противоположные нравы и традиции.

Победоносная военная хитрость и обман всегда входили необходимым элементом в ленинскую стратегию и тактику в борьбе с врагом, но руководящие партийные органы неуклонно при этом соблюдали величайшую революционную честность и искренность перед лицом своей партии и класса.

Теперь же и у нас неискренность партийного аппарата и вождей, их лицемерие стали необходимым политическим оборудованием. Теперь и у нас искренний большевик, ленинец, уверенный в правоте своих взглядов и готовый их смело отстаивать где угодно и перед кем угодно, уже не может быть парт.работником — ему обязательно сломят шею. Он потерян для политики.

В настоящее время парт.работник должен уметь виться ужом, гнуться как тростник и беспрерывно балансировать на «генеральной линии» как цирковой актер на натянутой проволоке. Прикажут на 100 % коллективизировать — коллективизируй и кричи о подъеме колхозной волны, объявят это «головокружением от успехов» — кайся и уподобляйся унтер-офицерской вдове, декларируют рост благосостояния масс — шуми и кричи об этом, хотя этому никто не верит, дадут сигнал найти троцкизм, правый уклон, левый загиб, право-левацкий блок, троцкистскую контрабанду, гнилой либерализм, буржуазность и перерожденцев — ищи, находи и разоблачай!

История и тут шутит над Сталиным злую шутку: он, кричащий о том, что мы во второй пятилетке должны создать нового человека социалистического общества,— на деле, даже в самом пролетарском авангарде создает лишь самый худший вид мелкобуржуазных политиканов наверху и задавленных, забитых манекенов, отученных от всякого самостоятельного ленинского мышления, внизу.

Классовое содержание политики Сталина и состоит именно в мелкобуржуазном авантюризме.

Ее мелкобуржуазность выражается, во-первых, в разрыве с материалистической диалектикой, учением Маркса и Ленина по всем важнейшим теоретическим вопросам, во-вторых, в переходе на точку зрения субъективного идеализма в понимании соотношения объективных и субъективных факторов в социалистическом строительстве, в-третьих, в разрыве с организационными принципами большевизма (личная диктатура вместо демократического централизма) и, наконец, в-четвертых, в беспринципном политиканстве и бешеном разгуле «левой фразы», хлестаковщины, лжи, надувательства масс, превращении их в слепое орудие в интересах тщеславия диктатора и его клики.

Амплитуда качаний мелкобуржуазных политиканов и политических деятелей необычайно велика.

Она простирается от Махно до Наполеона, от анархического бунтарства до бонапартизма. Мелкая буржуазия поставляет на рынки политики самые разнообразные продукты. Она является в большей степени и поставщицей левых фразеров, мелкобуржуазных авантюристов, прямых реформистов и оппортунистов и неограниченных диктаторов, надевающих порой на себя императорскую мантию. Нельзя забывать, что не только

Пилсудский и Муссолини, но и сам Стимсон[7] начал свою карьеру как мелкобуржуазный политик. Иногда даже один и тот же мелкобуржуазный политик может проделать все вышеперечисленные превращения в том или ином, в чистом или в смешанном, порядке.

В поведении, в линии, в курсе мелкобуржуазного политика возможны самые причудливые, неповторяемые комбинации и самые неожиданные зигзаги. В диктатуре Сталина мы имеем одну из таких неповторяемых комбинаций.

Наличие и серьезность процессов перерождения верхушки партийного и советского аппарата совершенно неоспоримы. При этом характерно, что и на этот раз в истории перерождение совершается по всем классическим примерам перерождения: истинные последователи учения объявляются преследуемыми «еретиками», а его фальсификаторы, извратители — его истинными последователями. Так происходило перерождение первобытного христианства, так происходило перерождение верхушки германской социал-демократии и 2-го Интернационала, так происходит оно и у нас. Само собою разумеется, что даже сама сталинская клика, сознательно извращая ленинизм и принципы социалистического строительства, не видит подлинного характера и размеров своего перерождения. Но так всегда бывало и бывает в истории: перерожденцы никогда не видели своего собственного перерождения или крайне его преуменьшали. Его всегда видела только противоположная сторона. Переживая глубочайший кризис и оказавшись в верхушке, серьезно захваченной процессом перерождения, партия, однако, во всей своей основной массе несомненно здорова. Надо покончить лишь с очагом кризиса и начавшегося процесса перерождения, чтобы вся партия встала снова на ноги.

Задача заключается в том, чтобы вся партийная масса сплотилась, организовалась, уяснила себе современную обстановку, поставила перед собой ясную политическую цель, покончила с диктатурой Сталина и его кликой, встала снова на путь правильной, ленинской теории и политики и тем обеспечила победу коммунизма.

Именно в этом в настоящее время заключается основная обязанность всякого честного большевика. Именно к этому должны быть направлены помыслы всех лучших элементов партии и рабочего класса.

III. Кризис Советов и приводных ремней пролетарской диктатуры.

Кризис партии является уже сам по себе и кризисом пролетарской диктатуры, ибо партия является душой пролетарской диктатуры, ее руководящей силой. Без ленинской коммунистической партии немыслима пролетарская диктатура. Опыт всей революционной борьбы рабочего класса во всех странах полностью подтвердил этот вывод.

Глубина кризиса пролетарской диктатуры в большей степени уже определяется глубиной кризиса партии. Но кризис пролетарской диктатуры выражается в настоящее время не только в кризисе партии, но и в кризисе Советской власти как формы пролетарской диктатуры, а также и в кризисе всех ее приводных ремней: комсомола, профсоюзов, кооперации, добровольных обществ, печати и проч.

Кризис Советской власти, в узком смысле этого слова, выражается прежде всего в кризисе советской демократии. Советская демократия вытеснена и подменена единоличной диктатурой Сталина. Советы из органов, в которых выражалась воля, настроения и подлинные желания широчайших партийных и беспартийных рабочих масс и бедняцко-середняцкой части деревни, в которых могли критиковать не только повара, стрелочника, мастера или директора завода, но и коренные мероприятия партии и правительства (критиковать, оставаясь, конечно,

на почве признания руководящей роли партии и Советской Конституции), превратились в органы подавления воли этих масс, в органы насилия и террора над массами, в органы, где выражается воля той же ничтожной горстки партийного аппарата и клики вождей, но не широких трудящихся масс. Раньше в Советах беспартийными проверялась правильность политики партии, ее руководство массами и страной. Теперь Советы превратились в простые, бесправные и беспомощные придатки партийного аппарата, где разрешается лишь восхищаться шестью условиями Сталина и принимать торжественные приветствия «дорогому вождю», несмотря на величайшую ненависть к нему рабочих и крестьян.

Выборность Советов в огромной, подавляющей степени тоже заменена по существу назначенством. В Советах ныне сидят люди, прислушивающиеся не к голосу масс, а только к голосу начальства, смотрящие не вниз, а вверх, люди, готовые по приказанию начальства учинить какой угодно произвол и насилие над массами, прикрываясь именем и волей этих масс. Положение нисколько не изменяется от того, что в Советах и в данное время работает в секциях и проч. большое количество партийных и беспартийных рабочих. Централизованный, необычайно разветвленный аппарат под угрозой, нажимом, террором и проч. заставляет этих рабочих и крестьян быть бездушным винтиком в огромной машине и давить, терроризировать вопреки своей воле других.

Бесконечное ухудшение положения рабочих и крестьянских масс, политика террора по отношению к ним подорвали гигантски их доверие к пролетарской диктатуре и ее основному органу — Советам.

Советский аппарат в большей своей части работает совершенно на холостом ходу, все постановления и мероприятия партии и органов Сов. власти составляют предмет сплошных издевательств и насмешек со стороны советского аппарата, ибо несуразность, авантюризм, надувательство масс, хлестаковщина сталинской «генеральной линии» для советского аппарата, вынужденного проводить эту линию, особенно бьет в глаза.

Профсоюзы также переживают кризис. Кризис выражается в том, что они из школы коммунизма превратились в школу надувательства масс, в школу самого бесстыдного игнорирования воли и настроений масс, в простой придаток того же партийного и хозяйственного аппарата.

Задачей профсоюзов должно быть, по мысли Ленина, во-первых, воспитание масс рабочих в духе сознательного отношения к социалистическому производству и, во-вторых, защита их интересов от бюрократических извращений рабочего государства. В настоящее время профсоюзы не только не защищают интересы рабочих, но, наоборот, являются послушным орудием в руках Сталина по снижению реальной заработной платы и их материального жизненного уровня.

Воспитание в рабочих сознательного отношения к социалистическому производству тоже подменено клеветнической травлей отсталых рабочих как кулаков, вредителей, агентов классового врага и проч. Если Троцкий в свое время требовал огосударствления профсоюзов, против чего Ленин решительно боролся, то в настоящее время это огосударствление проведено, но при этом в самой грубой карикатурной, бюрократической форме. Профсоюзы, в свою очередь, потеряли в глазах рабочих почти всякий авторитет и доверие.

Кооперация также болеет общей болезнью Советского Союза: кооперативная сеть в огромной части является дефицитной. Ни о какой культурной торговле при современной политике цен и отсутствии товаров не может быть и речи. Выборности в кооперативные органы, по существу, нет. Для масс кооперация теперь только сборщик дифпая, т. е. замаскированного налога.

Комсомол в отраженной и видо-

измененной форме переживает примерно те же явления, что и партия. Эти явления в основном сводятся к следующему: разрыв с ленинизмом; превращение диалектики в софистику; превращение аппарата в самодовлеющую силу, чуждую массам; превращение в карикатуру борьбы с оппортунизмом; кризис мировоззрения; у мыслящей части комсомола разочарование в партии и в социалистическом строительстве; беспринципное политиканство, карьеризм и лицемерие, как продукт аппаратного террора и неправильной антиленинской политики партии.

Красная армия и ГПУ из органов, которые использовались исключительно для подавления сопротивления эксплуататоров, для борьбы с врагами пролетарской диктатуры, все больше и больше наряду с этим с каждым годом используются для подавления недовольства рабочих и бедняцко-середняцких масс деревни. (Массовые аресты членов партии и беспартийных рабочих, расстрелы, беспощадное подавление стихийных восстаний бедняцко-середняцких масс деревни, доведенных до отчаяния и голода политикой Сталина.)

Печать из орудия воспитания масс, из могучего рычага, содействующего социалистическому строительству, обозрению его со всех сторон,— превратилась в гигантскую фабрику лжи и внесения разброда и деморализации в сознание масс.

Газеты в настоящее время используются Сталиным не затем, чтобы массы знали действительное положение вещей в Советском Союзе, а как раз за тем, чтобы они не знали его, не для того, чтобы раскрывать им истину, а затем, чтобы вводить их в заблуждение. Произвольно выхваченные из общей связи или даже сфабрикованные отдельные факты, фальшиво скомбинированные сводки, раздувание одних явлений и событий и замалчивание в десятки раз более важных других — вот содержание и работа наших газет. Большинство газетных работников над своей фабрикацией лжи цинично издеваются, но и этот винтик, вопреки своему сознанию, вынужден «крутиться» вместе со всей машиной под нажимом кнопки из кабинета Сталина. Само собой разумеется, что все перечисленные нами процессы только еще развиваются. В каждой организации, в каждом явлении старое причудливо переплетается с новым, больное со здоровым, пролетарская диктатура с ее отрицанием, кусочки, осколки ленинизма с его фальсификацией и извращением, но основное направление эволюции пролетарской диктатуры под руководством Сталина идет именно так, как мы охарактеризовали.

Самый злейший враг партии и пролетарской диктатуры, самый злейший контрреволюционер и провокатор не мог бы лучше выполнить работу разрушения партии и соц. строительства, чем это делает Сталин.

Ленинизм и пролетарскую революцию нельзя надолго убить руками врага — они каждый раз после поражения поднимаются с новой удесятеренной силой. Сталин убивает ленинизм под флагом ленинизма, пролетарскую революцию под флагом пролетарской революции и социалистическое строительство под флагом социалистического строительства!

Сталин объективно выполняет роль предателя социалистической революции. Но это было бы самое страшное убийство, какое когда-либо видела история! Это отбросило бы все историческое развитие на десятки лет назад.

Все, что есть лучшего, честного, подлинно большевистского, ленинского в ВКП [(б)] и Коминтерне, должно во что бы то ни стало помешать этому, пока не упущено время.

IV. Пути выхода из кризиса и задачи честных последовательных ленинцев.

Партия в своем огромном подавляющем большинстве решительно

настроена против политики Сталина и его клики.

Еще в большей мере единодушно против этой политики настроены рабочие и служащие.

Что же касается деревни, то там этот курс абсолютно не имеет не только сторонников, но даже людей, нейтрально к нему относящихся.

Вся деревня доведена до отчаяния и кипит возмущением. Непрекращающиеся массовые восстания в деревне — лучший показатель ее политических настроений.

Красная армия также в огромной степени отражает политические настроения пролетариата и крестьянских масс. И даже партийный аппарат в своей большей части лицемерит и внутренне не верит в успешный исход сталинской авантюры. Сталин и его клика держатся, следовательно, не на доверии, сочувствии и поддержке масс, а на каком-то другом основании, с помощью каких-то других рычагов. Каковы эти рычаги?

Режим невиданного террора и колоссального шпионажа, осуществляемых посредством необычайно централизованного и вместе с тем разветвленного гигантского аппарата, сосредоточившего в своих руках все материальные ресурсы страны и поставившего в прямую зависимость от себя физическое существование десятков миллионов людей,— вот главная основа диктатуры Сталина. Вся система государственного аппарата, включая и партию, терроризируя других и в то же время сама живя под постоянным дамокловым мечом террора, вопреки сознанию каждой отдельной его клеточки, как машина, вынуждена совершать свои движения, получаемые от первоисточника, и выполнять волю главного «механика».

Но, зайдя в безвыходный тупик и установив во всей стране в самых разнообразных формах господство террора, Сталин отрезал себе и всякие пути для отступления и эволюционного выхода из кризиса. Он возвел себя на пьедестал непогрешимого папы и не может признать не только преступности своей политики, но и малейшей своей ошибки. Диктатор не может ошибаться — ошибаются только его подчиненные. Устранение Сталина и его клики нормальными демократическими методами, гарантированными Уставом партии и Советской Конституцией, таким образом, совершенно исключено.

Они всякими предлогами, с оружием в руках, пушками и пулеметами будут защищать от партии и страны свое господство.

Было бы непростительным ребячеством тешить себя иллюзиями, что эта клика, обманом и клеветой узурпировавшая права партии и рабочего класса, может их отдать добровольно обратно. Это тем более невозможно, что Сталин прекрасно понимает, что партия и рабочий класс не могут простить ему ужасающих преступлений перед пролетарской революцией и социализмом. При таком положении вещей у партии остается два выбора: или и дальше безропотно выносить издевательства над ленинизмом, террор и спокойно ожидать окончательной гибели пролетарской диктатуры, или **силою устранить эту клику** и спасти дело коммунизма.

Допустима ли такая постановка вопроса с точки зрения марксизма-ленинизма? Не только допустима, но и бесспорно правильна. Преступно, вредно, гибельно для пролетариата и его партии силой устранять свои руководящие партийные и советские органы, если они ведут правильную ленинскую политику и выражают волю партийных и беспартийных масс. И, наоборот, следует считать прямой обязанностью всякого честного большевика и беспартийного рабочего борьбу за насильственное устранение органов тогда, когда они ведут антиленинскую и гибельную для пролетарской диктатуры политику, когда они превратились в клику, не выражают воли масс и в то же время, опираясь на аппарат, не допускают их смены нормальными методами, предусмотренными Уставом партии и Советской Конституцией.

Опыт пролетарской революции показал нам здесь нечто совершенно непредвиденное и неожиданное. Отворачиваться от этих новых фактов, не видеть их — значит уподобляться страусам и стараться прятать головы в песок. Мы срослись, свыклись с представлением, что при пролетарской диктатуре руководство партии и страны всегда будет выражать волю масс. На деле же вышло так, что это руководство выродилось в ходе внутрипартийной борьбы в личную диктатуру, губящую Советскую власть и партию, ненавистную массам, опирающуюся, главным образом, на террор и провокации. Это новое, своеобразное, совершенно неожиданное для партии явление. Как ни больно, как ни тяжело, но это необходимо признать всем, кто не хочет остаться в плену иллюзий и оказаться перед фактом полного краха пролетарской революции.

Люди, не умеющие марксистски мыслить, думают, что устранение Сталина в то же время будет свержением Советской власти. Сталин такой взгляд всячески культивирует и распространяет. Но он абсолютно неверен.

На деле идет речь не об уничтожении пролетарской диктатуры, а о ее восстановлении, ибо она по форме осталась, а по своему содержанию в огромной части в настоящее время как раз утеряна. Речь идет не о нарушении принципов ленинизма, а как раз о их защите. Как устранение одного буржуазного правительства и замена его другим буржуазным правительством не означает еще свержения господства буржуазии, хотя и может в результате повлечь за собой это содержание, ибо всякий политический переворот развязывает силы враждебных данной политической системе классов, так и устранение одного «пролетарского» правительства и смена его другим пролетарским правительством не означает еще свержения пролетарской диктатуры, хотя такая борьба и связана с большими опасностями для самой пролетарской диктатуры.

В настоящее время, в эпоху мировой пролетарской революции, в эпоху открытой борьбы за власть между буржуазией и пролетариатом, всякий политический переворот — свержение одного правительства и замена его другим в целях сохранения господства данного класса — связан с опасностью свержения классом — антиподом всей системы экономического и политического господства этого класса.

Буржуазия и пролетариат постоянно подкарауливают друг друга, чтоб в момент наиболее обостренной борьбы в рядах противника свергнуть его господство.

Опасность «третьей силы» в настоящее время существует не только для Советского Союза, но и для всякой капиталистической страны, хотя и в различной степени. Для нас «третья сила» — это сила мирового капитализма и своих внутренних врагов Советской власти, мечтающих о реставрации капитализма. Для буржуазии «третья сила» — это сила революционного пролетариата своей страны и сила всего мирового революционного пролетариата во главе с Советским Союзом.

Но опасность потери экономического и политического господства данным классом в каждый данный период зависит, однако, не только от силы натиска враждебного класса. Оно в огромной, а иногда и в решающей степени зависит и от того, как осуществляют исполнительные органы данного господствующего класса, т. е. правительство, его волю, его классовые интересы, его классовую политику. Мало того, даже и сама сила наступления враждебного класса в огромной степени зависит от тактики правительства правящего класса, от его умения маневрировать, от его гибкости, способности трезво учитывать политическую и экономическую обстановку и т. д.

Поражение буржуазии и победа пролетариата в конечном счете неизбежны. Но история делается не автоматически. Мы не фаталисты. Она делается живыми людьми! Стратегия и тактика пролетариата

и его партий, с одной стороны, стратегия и тактика буржуазии, с другой, входят важнейшими слагаемыми в те исторические сроки, в течение которых может быть достигнуто низвержение буржуазии и построение коммунистического общества во всем мире.

При нашей правильной стратегии и тактике и ошибках со стороны буржуазии эти сроки могут быть короче и победа может быть достигнута с меньшими жертвами; при наших ошибках и трезвой тактике со стороны буржуазии эти сроки могут быть удлинены на десятилетия и борьба потребует больших жертв.

Глупая авантюристическая или *оппортунистическая политика* пролетарского правительства может и верное дело пролетариата погубить и отбросить историю на 30—40 лет назад. Умная, хитрая политика буржуазии может и «гиблое» дело капитализма спасать от окончательного краха в течение длительного периода.

Именно поэтому даже в настоящий период, когда капитализм переживает всеобщий кризис и пролетарская революция стучится во все двери капиталистического общества, буржуазия все же допускает насильственное свержение своих правительств, когда она видит, *что они ведут опасную, с точки* зрения ее господства, политику и в то же время не хотят добровольно уступить место другим.

В самом деле, за последние два десятилетия мы имели три таких переворота: Испания, Польша, Китай. Все эти перевороты, как известно, для буржуазии были связаны с огромными опасностями. Все они, как известно, повлекли за собой массовые революционные движения и восстания рабочих и крестьян. В некоторых из этих стран дело едва не дошло даже до свержения новых буржуазных правительств и утверждения диктатуры пролетариата. И все же буржуазия, ее наиболее сознательная часть пошла на этот риск.

Можно ли эти перевороты оправдать с точки зрения текущих «исторических» интересов буржуазии? Безусловно, можно. Глупая, *с точки зрения* интересов буржуазии, политика свергнутых правительств могла бы быстро довести государство до пролетарской революции. Наиболее сознательные элементы правящего класса пошли на риск переворота. И пусть на время, ибо на длительный период для класса, исторически обреченного, это невозможно, но они все же добились укрепления своего государства. Для нас устранение диктатуры Сталина и его клики также связано с риском. Мы развязываем силы внутренних врагов пролетарской революции и международного капитала. Эта опасность велика.

Но для нас уже в данный момент существует еще более серьезная опасность гибели пролетарской диктатуры от рук самого Сталина и его клики. Сталин пролетарскую диктатуру и социалистическое строительство, по их действительному содержанию, в огромной степени уже уничтожил.

Пролетарская диктатура уже гибнет, и ее нужно спасать. Пролетарская диктатура Сталиным и его кликой наверняка будет погублена окончательно, устранением же Сталина мы имеем много шансов ее спасти.

Партия находится в положении *пассажиров автомобиля, шофер* которого вдруг безнадежно спятил с ума, свернул с дороги и везет пассажиров по кочкам и ухабам, под уклон на полном ходу прямо в пропасть. Автомобиль трещит, скрипит, ломается, кувыркается из стороны в сторону, подпрыгивает на кочках так, что у пассажиров зубы брякают, пассажиры возмущены, многие растерялись, некоторые в панике, некоторые от толчков вылетают из автомобиля, а спятивший с ума шофер ругает пассажиров оппортунистами, «загибщиками» и успокаивает их уверениями, что все это неизбежные трудности езды в автомобиле. При таком положении глупо и нелепо пассажирам ждать, пока «возница» спустит их под откос. Надо попытаться на ходу отбросить такого

шофера от руля, на ходу же сесть умеющим править машиной за руль и вывести ее на торную дорогу. Иного выхода для пассажиров нет.

Если в настоящее время выбирать, какая опасность для нас большая — опасность ли гибели партии пролетарской революции и социалистического строительства от руки Сталина или от «третьей силы» в результате неудачной попытки устранения его диктатуры, то первая опасность, несомненно, больше, реальнее, серьезнее, неотвратимее.

Нельзя забывать, что сталинское руководство и политика являются не только отрицанием ленинизма и пролетарской диктатуры, но они и непосредственно организуют, сплачивают силы контрреволюции и в то же время деморализуют, дезорганизуют, расстраивают силы партии, рабочего класса и всех трудящихся.

Внутренняя контрреволюция и международная буржуазия в лице Сталина имеют, по его объективной роли, лучшего союзника.

Сталинская авантюристическая «архилевая» политика (по давно известному закону диалектики — «крайности сходятся») с абсолютной неизбежностью ведет к реставрации капитализма. И чем дальше будет продолжаться этот курс, чем дальше будет Сталин оставаться у руля власти, тем неумолимее будет надвигаться эта реставрация.

Как это ни чудовищно, как ни парадоксально может показаться на первый взгляд, но главный враг ленинизма, пролетарской диктатуры и социалистического строительства находится в данный момент в наших собственных рядах и даже возглавляет партию.

Борьба за устранение Сталина связана с риском. Но еще ни одно великое дело, ни одно великое историческое событие не совершалось без риска.

Первая и главная опасность в борьбе за уничтожение диктатуры Сталина заключается в возможности нападения на нас империалистов.

Эта опасность серьезная. Но возможность нападения еще не означает его неизбежности. Если одни факторы будут толкать буржуазию к нападению на нас, то другие будут действовать в противоположном направлении.

Противоречия внутри основных империалистических хищников, поддержка нас мировым революционным пролетариатом, колониально-революционное движение и наше собственное искусное маневрирование спасали нас от нападения империалистов до настоящего времени, они могут предохранить нас от этого и в дальнейшем. Все дело в конечном счете будет зависеть от конкретной политической обстановки.

Вторая опасность — внутренняя контрреволюция.

Сталин основательно поработал над выращиванием контрреволюционных сил за последние годы. Силы контрреволюции, мечтающие о реставрации капитализма, возросли за последние годы в десятки раз. Масса преданных Советской власти и большевизму элементов из трудящихся города и деревни брошена преступной политикой Сталина в лагерь контрреволюции.

Но на наше счастье эти элементы распылены, раздроблены и не организованы.

Если мы окажемся достаточно сплоченными, организованными, если мы соберем вокруг себя достаточные силы и поставим перед собой ясные цели, то смелыми решительными действиями мы можем взять на себя инициативу разбить в самом же начале все реставраторские, контрреволюционные попытки и удержать за собой наши основные позиции.

Если теперешнему правительству Испании и Пилсудскому при переворотах удалось успешно подавить все революционные выступления рабочих, то почему мы не можем подавить все контрреволюционные выступления?

Задача заключается в том, чтобы сейчас же приступить к мобилизации и сплочению партийных сил на почве марксизма-ленинизма, на

почве подготовки к уничтожению диктатуры Сталина. Партия и рабочий класс в своем подавляющем большинстве против Сталина и его клики. Надо только эти распыленные и терроризированные силы объединить, вдохнуть веру в это дело и начать работать по устранению сталинского руководства.

Пора перестать фрондировать, брюзжать и шептаться по углам. Надо начать действовать. В настоящее время недовольна и возмущена политикой Сталина вся страна, все или почти все рабочие и подавляющее большинство партии. Все возмущены, все фрондируют, но дальше бессильного, беспомощного фрондирования и шушукания не идут. Сейчас только слепой или ребенок не видит банкротство политики Сталина. Пора однако покончить с одним беспомощным пересказыванием бесчисленных фактов, иллюстрирующих гибельность сталинского руководства. Надо наряду с этим ставить и разрешать конкретные задачи по устранению этого руководства.

В настоящее время почти любой партийный филистер, обыватель и даже партийный чиновник недоволен и скулит по поводу того, что творится в партии и стране. Настоящий большевик-ленинец должен не скулить, а бороться. Организовать силы, сплачивать их и обязательно, непременно и систематически, где только представляется к тому малейшая возможность, ставить перед ними ясную политическую цель.

Беспредметные, бесцельные разговоры с глазу на глаз о гибельном антиленинском характере сталинского руководства стали уже настолько всеобщим, массовым, почти поголовным явлением, что они набили оскомину и стали противными.

Такие разговоры не столько уже организуют, сколько дезорганизуют членов партии, вносят в их ряды разброд, разочарование и бесперспективность. Без таких разговоров в известной мере не обойдется, но нетерпимо, преступно, постыдно и дальше этим ограничиваться.

Само собою разумеется, что в этой работе нужна величайшая конспирация, ибо Сталин, несмотря на то, что мы последовательные ленинцы, обрушит на нас все свои репрессии. Но работать необходимо. Дело надо начинать. Или гнить на корню, или бороться.

В этой борьбе со сталинской диктатурой *было бы нелепо цепляться* за старые внутрипартийные разногласия и догматически защищать свои старые групповые и фракционные взгляды.

Задача заключается, наоборот, в том, чтоб каждая внутрипартийная группировка подвергла критической переоценке свои старые взгляды и, не боясь признать свои ошибки, сумела со всей большевистской трезвостью оценить современное положение вещей и объединиться на почве программы партии и коренных положений учения Маркса — Ленина для спасения пролетарской революции.

Старые группировки и фракционные образования в настоящее время безнадежно устарели, изжили себя и побледнели перед новым решающим водоразделом — за пролетарскую диктатуру и ленинскую ВКП(б) или за Сталина и гибель всех завоеваний рабочего класса и его партии.

Кто хватается за старые, фракционные деления, кто не видит, что жизнь ушла от них бесконечно далеко вперед, тот потерян навсегда для марксизма-ленинизма.

Именно на почве этого положения должно идти объединение всех подлинно ленинских сил партии для устранения Сталина и его клики, именно это положение должно послужить гарантией трезвой ленинской оценки всей совокупности современного положения вещей.

В борьбе со Сталиным и его кликой нужно предупредить против од*ной весьма распространенной ил*люзии, что эту борьбу могут начать и возглавить еще раз все бывшие покаявшиеся троцкистские вожди или бывшие лидеры «правой оппозиции».

Это глубочайшая ошибка. В своем большинстве они пока что пред-

ставляют для борьбы со Сталиным лишь отработанный пар.

Они ненавидят Сталина всеми фибрами своей души; они будут сочувствовать этой борьбе, на определенной стадии борьбы они несомненно вновь выступят в той или иной роли на политическую сцену.

Но сейчас они будут или молчать, отсиживаться и выжидать, а некоторые из них даже подличать и лакействовать перед Сталиным.

Для борьбы за уничтожение диктатуры Сталина надо в основном рассчитывать не на старых вождей, а на новые силы. Эти силы есть, эти силы будут быстро расти. Выдвинутся неизбежно новые вожди, новые организаторы масс, новые авторитеты.

Борьба рождает вождей и героев.

Надо начать действовать. Эта борьба потребует жертв. Она потребует гигантских усилий, даже после свержения диктатуры Сталина потребуются многие и многие годы для того, чтобы вывести партию и страну из той невиданной трясины, в которую их завел Сталин.

Но пугаться таких трудностей — значит перестать быть пролетарским революционером.

Задача революционного, а не контрреволюционного устранения диктатуры Сталина может быть выполнена только партией и рабочим классом, и они ее выполнят, какие бы трудности им не пришлось преодолеть и каких бы жертв это не потребовало.

Конкретно вся сумма мероприятий, необходимых для выхода партии и страны из кризиса и тупика, сводится в основном к следующему:

I. В области партийной.

1. Ликвидация диктатуры Сталина и его клики.

2. Немедленная смена всей головки партийного аппарата и назначение новых выборов партийных органов на основе подлинной внутрипартийной демократии и с созданием твердых организационных гарантий против узурпации прав партии партийным аппаратом.

3. Немедленный чрезвычайный съезд партии.

4. Решительное и немедленное возвращение партии по всем вопросам на почву ленинских принципов.

II. В области советской.

1. Немедленные новые выборы Советов с решительным и действительным устранением назначенства.

2. Смена судебного аппарата и введение строжайшей революционной законности.

3. Смена и решительная чистка аппарата ГПУ.

III. В области индустриализации.

1. Немедленное прекращение антиленинских методов индустриализации и игры в темпы за счет ограбления рабочего класса, служащих и деревни, за счет прямых и косвенных, открытых и замаскированных непосильных налогов и инфляции. Проведение индустриализации на основе действительного и неуклонного роста благосостояния масс.

2. Приведение вложений в капитальное строительство в соответствие с общим состоянием всех наличных ресурсов страны.

IV. В области сельского хозяйства.

1. Немедленный роспуск всех насильственно созданных дутых колхозов. Действительная добровольность коллективизации на основе машинной техники и всемерная помощь колхозам.

2. Немедленное создание всех необходимых реальных условий и оказание поддержки для развития индивидуального бедняцко-середняцкого крестьянского хозяйства.

3. Ликвидация всех дефицитных совхозов. Оставление в наших руках такого количества лучших совхозов, которые мы действительно в состоянии сделать подлинно образцовыми социалистическими предприятиями.

4. Передача всего крупного ма-

шинного инвентаря ликвидированных совхозов и колхозов в руки местных сельскохозяйственных машинных товариществ.

5. Передача МТС в руки местных с/хоз. машинных товариществ и кооперации.

6. Немедленное прекращение *хлебозаготовок, скотозаготовок* и заготовок других продуктов сельского хозяйства современным методом ограбления деревни.

Землеустройство единоличников и закрепление за ними в длительное пользование отведенных им земель.

V. В области торговли.

1. Прекращение экспорта за бесценок продуктов сельского хозяйства.

2. Прекращение экспорта за бесценок промтоваров широкого потребления.

3. Возвращение к ленинской политике цен. Решительное снижение цен. Восстановление кооперации и ее прав.

VI. В области финансово-налоговой.

1. Прекращение инфляции, падающей тяжелым налоговым бременем на пролетариат и всех трудящихся.

2. Прекращение бесконечных поборов в виде всякого рода займов, размещаемых фактически принудительно, постоянного увеличения дифпая в кооперации и пр.

3. *Максимальное и реальное* сокращение всех налогов на рабочих, служащих и трудящихся деревни.

VII. В области материальных и правовых условий жизни рабочих и крестьянских масс.

1. Восстановить все права рабочих по отпуску спецодежды, оплате брака и пр., которых они были лишены в последние 4 года.

2. Восстановить старые правила увольнения рабочих с предприятия, существовавшие 4 года назад.

3. Восстановить старые права и ленинскую политику в работе профсоюзов.

4. Немедленно прекратить авантюристическую политику раскулачивания в деревне, направленную фактически против всей основной массы в деревне.

Примечания:

1. Деборин (Иоффе) А. М. (1881—1963) — советский философ и историк, академик. *В 1926—1930 гг. ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма». 25 января* 1931 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о журнале «Под знаменем марксизма», в котором отмечалось, что группа Деборина по ряду важнейших вопросов занимала позиции «меньшевиствующего идеализма» (см. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984, т. 5, с. 264—265).

2. *Имеется в виду Пленум ЦК ВКП(б) 11—15 июня 1931 г.*

3. Ломинадзе В. В. (1897—1935) — член партии с 1917 г. В 1925—1930 гг. кандидат в члены ЦК ВКП(б), с июля 1930 г.— член ЦК, в декабре 1930 г. исключен из состава ЦК ВКП(б). В 1930 г. первый секретарь Заккрайкома ВКП(б), в 1931—1932 гг. начальник сектора Наркомснаба СССР. Покончил жизнь самоубийством. Стэн Я. Э. (1899—1937) — член партии с 1917 г. В 1925—1930 гг. член ЦКК ВКП(б). В 1928—1930 гг. заместитель директора Института Маркса и Энгельса, затем профессор Института красной профессуры. В 1932 г. исключен из партии за распространение документов «группы Рютина», в 1934 г. вновь принят в партию, работал в редакции БСЭ. Репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии посмертно. Биографические данные Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского, Н. А. Угланова, С. И. Сырцова и Е. М. Ярославского см. «Известия ЦК КПСС», 1990, № 7, с. 88—135.

4. См. «Известия ЦК КПСС», 1990, № 9, с. 183, примечание 27-е.

5. См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6—7.

6. Цитата приведена не точно. У К. Маркса говорится: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 119).

7. Стимсон Г. Л. (1867—1950) — в 1929—1933 гг. госсекретарь США.

Публикацию подготовили работники Общего отдела ЦК КПСС И. Курилов, Н. Михайлов, Ю. Мурин.

***В подготовке примечаний участвовали:* Н. Ковалева, В. Кочетов, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов.**

Потрясающий документ эпохи сталинизма

К публикации платформы «Союза марксистов-ленинцев»

«Известия ЦК КПСС» завершили первую (почти через шестьдесят лет после написания) публикацию удивительного человеческого и политического документа, принадлежащего перу активного участника Октябрьской революции и крупного партийного работника 20—30-х годов Мартемьяна Никитича Рютина*. Читатели впервые получили возможность ознакомиться с содержанием нелегальной «платформы Рютина», за что в 30-е годы людей подвергали жестоким наказаниям, а чаще — просто уничтожали.

«Платформа Рютина» явилась обвинительным заключением и приговором Сталину и сталинщине — за измену марксизму и ленинизму, идеалам Октябрьской революции, за созданную в стране обстановку морального, политического и физического террора.

Знакомство с «платформой Рютина», равно как и с другими, очень немногочисленными, подобными документами (назовем здесь письмо Х. Г. Раковского тов. В.**, а также письмо Н. И. Бухарина «Будущему поколению руководителей партии» и «Открытое письмо Сталину» Ф. Ф. Раскольникова***, ставшие известными нам в недавнее время), свидетельствует о лживости утверждений, будто в ВКП(б) не было никакого противодействия сталинщине, будто вся партия единодушно приняла установление диктатуры Сталина и его концепцию социализма. Нет, к чести партии, противодействие, безусловно, было, но в обстановке обмана и террора на открытое выступление против режима Сталина осмеливались, к сожалению, не многие. Мартемьян Рютин был одним из первых. «В настоящее время недовольна и возмущена политикой Сталина вся страна, все или почти все рабочие и подавляющее большинство партии. Все возмущены, все фрондируют, но дальше бессильного, беспомощного фрондирования и шушукания не идут». (Здесь и далее цитируется платформа «Союза марксистов-ленинцев», см. «Известия ЦК КПСС», 1990, №№ 8—12.) Рютин и его группа пошли «дальше».

Анализируя «платформу Рютина», прежде всего нельзя не отметить силу и смелость ума ее автора. «Интеллигентный пролетарий», как он себя характеризовал, Рютин хорошо знал труды Маркса и Ленина, свободно ориентировался в вопросах философии, политической экономии, хозяйственной политики, с глубоким знанием дела оперировал партийными документами и выступлениями Сталина, досконально разбирался в истории партии. Критически относясь к действительности, он сумел обнаружить реальные противоречия в деятельности и состоянии партии, выявить корни и причины происходивших в жизни страны процессов и прямо назвать их. Во имя борьбы со сталинщиной он перешагнул через страх и заботу о личной безопасности. «Эта борьба потребует жертв,— писал Рютин.— Она потребует гигантских усилий... Но пугаться таких трудностей — значит перестать быть пролетарским революционером».

Чтение платформы создает уверенность в том, что Рютин ненавидел Сталина. Но это — не личная ненависть. Она порождена кровной обидой за измену Сталина ленин-

* Биографию М. Н. Рютина см.: «Известия ЦК КПСС», 1990, № 3, с. 150—163.

** «Неделя», 1988, № 43, с. 9—10.

*** Осмыслить культ Сталина. М., 1989, с. 609—610; 612—617.

скому делу, за превращение партии «только в орган аппарата», «...который сам, в свою очередь, является безгласным исполнителем воли диктатора и его агентов на местах». Рютин решительно осудил ложь и фальсификацию Сталиным истории, результатов хозяйственного строительства, положения трудящихся, гневно заклеймил развязанный Сталиным террор против инакомыслящих, насаждаемое Сталиным «единомыслие» в партии.

Цель, провозглашенная Рютиным,— ликвидация диктатуры Сталина и его клики, не смогла, однако, осуществиться. Слишком далеко к тому времени зашел уже процесс формирования всевластия Сталина и той командно-административной системы, на которую он опирался. Рютин явно переоценивал возможные силы противников режима и недооценивал силу его сторонников, хотя и понимал, что «даже после свержения диктатуры Сталина потребуются многие и многие годы для того, чтобы вывести партию и страну из той невиданной трясины, в которую их завел Сталин».

Еще двадцать один год после появления рютинской платформы сохранялись личная диктатура Сталина и созданный им режим казарменного строя. И если после смерти Сталина и XX съезда партии, осудившего культ его личности, сталинский террор и беззакония, возникла кратковременная «оттепель», то это ни в малой степени не означало ликвидации сталинского режима. Он только трансформировался в постсталинизм — в авторитарно-бюрократическую систему власти, стремившейся сохранить все, на что опиралась сталинщина в период своего расцвета. Делались даже попытки прямой реабилитации Сталина*. Да и сейчас немало в стране и партии людей, со вздохом сожаления вспоминающих о былых временах и возлагающих надежды на «твердую руку». Прав был Рютин, когда писал о многих годах, необходимых для преодоления сталинского «наследства».

Причина этого заключается в том тотальном обесчеловечении личности, которое связано со строительством и утверждением казарменного социализма. В ходе этого процесса происходило отчуждение человека от политической власти (Рютин справедливо указывал на формальный характер советской «демократии»), от производства (и об этом говорится в платформе), происходило формирование общества «винтиков». «Все винтики — большие и маленькие, второстепенные и первостепенные — хотят они или не хотят, «верят» они или не «верят», вынуждены вращаться вместе со всей машиной. Если же какой-либо винтик или целая группа отказываются вращаться вместе со всей машиной и «протестуют»,— машина беспощадно их размалывает и со скрипом, с треском и скрежетом до поры до времени продолжает свою «работу» дальше. Террор в условиях невиданной централизации и силы аппарата действует почти автоматически»,— так ярко и образно писал Рютин. Создавалось общество всеобщего конформизма, вызванного как страхом перед репрессиями, так и навязанной сверху антиленинской (Рютин это многократно подчеркивал) идеологией. «Сталин,— отмечал Рютин,— убивает ленинизм под флагом ленинизма, пролетарскую революцию под флагом пролетарской революции, социалистическое строительство под флагом социалистического строительства!»

Каждый читающий сегодня «платформу Рютина», несомненно, отметит искреннее преклонение ее автора перед Лениным. Рютин справедливо считал Сталина антиподом Ленина, подчеркивал, что «Ленин был вождем, но не был диктатором; Сталин, наоборот, является диктатором, но не является вождем».

Вместе с тем преклонение перед Лениным переходит у Рютина (и это

---

* См., например: К 100-летию со дня рождения И. В. Сталина.— «Правда», 1979, 21 декабря.

характерно для многих партийных умов того времени) в коленопреклонение. Критикуя Сталина, Рютин зовет партию **назад**, к Ленину, идеи которого воспринимает не только некритически, но и догматически. Даже в 1932 г. Рютин продолжает сохранять искреннюю веру в близкое крушение империалистической системы и победу мировой революции, не пытаясь подвергнуть анализу новые явления в рабочем движении и социальной политике буржуазных правительств. Он не только отрицает возможность какого бы то ни было реформирования капиталистического общества в интересах трудящихся, но и борьбу за такие реформы объявляет изменой делу пролетарской революции, настаивая на обострении классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом во всемирном масштабе. Естественно, что и К. Каутский, и «вся клика вождей и теоретиков 2-го Интернационала» являются для него непримиримыми врагами. Страстно настаивая на плюрализме мнений внутри партии (да и сама его платформа есть не что иное, как нелегальное осуществление этого плюрализма), он, в то же время, как одну из основных обязанностей большевика, выдвигает «непримиримую борьбу» с оппортунизмом. И как следствие этого — выражает политическое недоверие членам партии — бывшим меньшевикам, эсерам, кадетам — за «приспособление к режиму Сталина», хотя тут же, впрочем, отмечает, что политика последнего «...даже из подлинных большевиков-ленинцев вырабатывает оппортунистов». Получается, что, осуждая Сталина за нетерпимость, Рютин и сам был не чужд подобных взглядов.

Автор платформы явно недооценил и прочности созданной в стране командно-административной системы. Рютину казался неизбежным в ближайшее время кризис сельского хозяйства, промышленности, финансов, который должен довести СССР «до полного паралича и голода». В действительности командная система, созданная Сталиным, сохранилась до середины 80-х годов, да полностью не демонтирована и сейчас, на шестом году перестройки.

Все это, однако, частности. Главное в «платформе Рютина» — глубокая и всеобъемлющая критика Сталина и сталинщины, до уровня которой наши общественные науки и политические документы поднимаются только сейчас.

В заключение нельзя не сказать о том, как актуально звучат выдвинутые Рютиным требования по обновлению политической и экономической жизни страны. Направленные на решительную демократизацию внутрипартийной и государственной жизни, на восстановление законности и смену судебного аппарата и аппарата ГПУ, на подчинение хозяйственного развития росту благосостояния масс, на ликвидацию «дутых» и убыточных колхозов и совхозов, на возрождение единоличного крестьянского хозяйства и наделение его землей и т. д.,— эти требования, выдвинутые почти 60 лет назад, свидетельствуют, что современная революционная мысль имеет глубокие исторические корни, развивается в правильном направлении и поэтому победит.

Н. Маслов,
профессор Московской ВПШ,
доктор исторических наук